Беларуская
мемуарная
бібліятэка

Міхаіл Мураўёў

Нататкі пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра падаўленне ў ім бунту

Мінск
«Лімарыус»
2016

УДК 94(476)(093)
ББК 63.3(4Беи)
М91

Серыя заснавана ў 2011 годзе

Прадмова, каментары
Аляксандр Фядута

Навукова-рэдакцыйная рада:
Валянцін Голубеў, Ганна Запартыка, Аляксей Каўка, Вітаўт Кіпель, Адам Мальдзіс, Мікола Нікалаеў, Генадзь Сагановіч, Алесь Смалянчук, Лявон Юрэвіч

ISBN 978-985-6968-52-8

© Мураўёў М., 2016
© Фядута А., прадмова, каментары, 2016
© ТАА «Лімарыус», 2016

PROFESSION DE FOI «ЧАЛАВЕКА ЛІТОЎСКАЙ БОЙНІ»

...История одной жизни перерастает
в настоящую биографическую историю,
в историю, показанную через личность[1].

«Была восень 1898 года. У Варшаве паставілі нарэшце помнік вялікаму польскаму паэту Міцкевічу. Але, нарэшце даўшы на гэта дазвол, урад вырашыў супрацьпаставіць гэтай нацыянальнай дэманстрацыі палякаў сваю, усталяваўшы адначасова “а ў Вільні, городі преславнім” помнік Мураўёву-вешальніку. Польскае грамадства палічыла гэты ўчынак здзекам з нацыянальных ідэалаў польскага народа і выгукнула пратэстамі. Былі дэманстрацыі ў Варшаўскім універсітэце, а калі нехта з русіфікатараў-прафесароў выступіў супраць гэтых дэманстрацый, то рух перакінуўся на іх, і найгідчэйшых у адносінах да студэнтаў (напрыклад, Чачуліна) закідалі тухлымі яйкамі і падранымі галёшамі. Падзеі неўзабаве перакінуліся ў астатнія ўніверсітэты, але, напэўна, больш за ўсё прагучалі ў Кіеве, з той прычыны, што студэнтаў-палякаў тут хапала»[2].

На момант, які апісваецца ва ўспамінах вядомым дзеячам часоў украінскага нацыянальнага адраджэння, палітыкам і літаратарам С. А. Яфрэмавым, Міхаіла Мікалаевіча Мураўёва не было сярод жывых ужо трыццаць два гады. Але памяць пра яго так расшчапляла грамадства Расійскай імперыі, якой Мураўёў служыў верай і праўдай, што ступень лаяльнасці да яго — не да імператара, а да шараговага, з пункту гледжання гісторыі, не

[1] Репина Л. П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус 1999: Индивидуальное и уникальное в истории. М.: РГГУ, РАН, 1999. С. 87.

[2] Єфремов С. О. Щоденник. Про дні минулі (спогади). К.: Темпора, 2011. С. 422.

самага нават буйнога дзяржаўнага чыноўніка — сталася лакмусавай паперкай, па якой вызначалася ступень лаяльнасці і да ўсёй сістэмы.

Мы яшчэ вернемся да абставінаў усталявання віленскага манумента. А цяпер паспрабуем успомніць, кім жа быў Міхаіл Мураўёў пры жыцці. Гэта неабходна для таго, каб зразумець, што за кніга знаходзіцца зараз у руках чытача.

* * *

Міхаіл Мураўёў нарадзіўся 1 (12) кастрычніка 1796 года ў сям'і падпалкоўніка Мікалая Мікалаевіча Мураўёва і яго жонкі Аляксандры Міхайлаўны (народжанай Мардвінавай) у Маскве.

Мікалай Мікалаевіч быў кадравым марскім афіцэрам, неаднаразова ўдзельнічаў у ваенных дзеяннях, у бітве каля Рочэнсальма праявіў мужнасць і гераізм, быў цяжка паранены і ўзяты ў палон. Па вяртанні ў шыхт камандаваў караблямі, а неўзабаве, пасля невялікага перапынку, узнавіў службу ўжо ў наземных войсках, дзе выявіў сябе як выдатны арганізатар: напісаны ім статут пяхотнай службы быў распаўсюджаны на ўсё земскае апалчэнне пачынаючы з 1807 года. Нарэшце, за ўдзел у вайне 1812–1813 гадоў М. М. Мураўёў быў уганараваны чынам генерал-маёра і залатой шабляй.

Мураўёў-старэйшы быў вядомы і як ваенны педагог. Ён заснаваў і амаль восем гадоў утрымліваў на ўласны кошт школу для калонаважатых — фактычна адну з першых вучэльняў для малодшага афіцэрскага складу па квартырмейстарскай галіне. Гэтая навучальная ўстанова лічылася прэстыжнай хоць бы таму, што тут будучых афіцэраў вучылі дакладным і тэхнічным навукам, фартыфікацыі найлепшыя ў гэтай справе спецыялісты. «Из стен училища вышли более 24 участников тайных обществ декабристов, в их числе братья Н. С. и П. С. Бобрищевы-Пушкины, А. О. Корнилович, П. А. Муханов, Н. А. Крюков и др.»[3].

[3] Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 410.

Педагагічныя здольнасці Мікалая Мікалаевіча праявіліся і ў тым, як ён выхаваў сваіх сыноў. Чацвёра з пяці пакінулі ў гісторыі Расіі заўважны след: Аляксандр стаўся стваральнікам аднаго з першых дзекабрысцкіх таварыстваў, што, без сумневу, і спыніла яго кар'еру; Андрэй — вядомым рэлігійным пісьменнікам і прыкметным праваслаўным грамадскім дзеячам; Мікалай-малодшы і Міхаіл — буйныя дзяржаўныя дзеячы, уганараваныя імператарамі спецыяльнымі прыдомкамі да родавага прозвішча — Мураўёў-Карскі і Мураўёў-Віленскі.

Гэта не было вынікам пратэкцыі. Выпускнік Страсбургскага ўніверсітэта, Мураўёў-бацька зрабіў усё, каб ягоныя дзеці атрымалі выдатную адукацыю. І галоўнае — каб яны былі актыўныя. І гэта ў яго атрымалася. Міхаіл, напрыклад, на пятнаццатым годзе жыцця не толькі паступіў у Маскоўскі ўніверсітэт, але і заснаваў Маскоўскае таварыства матэматыкаў, мэтаю якога было распаўсюджанне матэматычнай веды. Прычым малады Мураўёў сам чытаў лекцыі, у тым ліку па аналітычнай і рысункавай геаметрыі, якія яму давялося вывучаць самастойна. І памяць пра бацьку ён захоўваў вельмі добра: «Отец Муравьева перевел Тэра и сделал к переводу примечания. У Муравьева был экземпляр книги с пометками отца на полях, и сын благоговейно хранил этот экземпляр, как Евангелие»[4], — прыгадваў М. В. Шалгуноў, пазней вядомы рэвалюцыйны публіцыст, які служыў пад кіраўніцтвам Міхаіла Мікалаевіча ў часе знаходжання таго на пасадзе міністра дзяржаўных маёмасцяў.

Здольнаму юнаку надарыўся выпадак праявіць сябе. У красавіку 1812 года яго накіравалі ў распараджэнне штаба 1-й Заходняй арміі генерала М. Б. Барклая-дэ-Толі ў Вільні (упершыню ён трапіў у Вільню — горад, які стане вызначальным для ягонага лёсу пры жыцці і пасля смерці). Разам з арміяй Барклая адступаў ён да Барадзіна, дзе быў цяжка паранены ў нагу на батарэі М. М. Раеўскага, пасля чаго да канца сваіх дзён мусіў хадзіць, абапіраючыся на палку. Падобнай раны

[4] Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1967. С. 89.

было дастаткова для таго, каб прасіць адстаўкі, і пасля замежнай кампаніі 1813–1814 гадоў ён так і зрабіў. Але імператар не прыняў адстаўкі, і Міхаіл Мураўёў працягнуў службу.

Вайсковая справа накладае пэўныя абмежаванні, у якіх энергічны і дзейны малады чалавек пачуваўся цесна. Даўся ў знакі і тэмперамент: навучаны прыкладам свайго старэйшага брата Аляксандра, Міхаіл стаў сябрам таемных таварыстваў, мэтаю якіх было рэфармаванне Расіі (да гэта ж руху будзе прымыкаць і трэці брат, Мікалай). Спачатку ён уваходзіў у Саюз Уратавання (1817), а пасля — у Саюз Дабрадзенства (1818). Браты Мураўёвы былі і суаўтарамі статута Саюза Дабрадзенства. Пасля, у часе допытаў і ў пісьмовых тлумачэннях для следства па справе 14 снежня, Міхаіл Мікалаевіч (на той час — падпалкоўнік у адстаўцы) будзе сцвярджаць: «В 1818 году я был в обществе, имеющем целью распространение добрых нравов и просвещения. Я в оном действительно был и с удовольствием участвовал, ибо видел благонамеренную цель, помощь бедным, противоборство пороку и распространение просвещения; считал себя обязанным в сем участвовать...»[5].

У паказаннях сваіх Міхаіл Мураўёў не хлусіў і не губляў свайго твару. І — яшчэ адна прыкметная акалічнасць — ён не называе ніводнага імя, бо гэта магло б не толькі ўскладніць ягоны лёс, але і адбіцца на іншых людзях. Як адзначае сучасны даследчык, Мураўёў «занял на следствии четкую и бескомпромиссную позицию, от которой не отступил до конца расследования. [...] При этом принятая им тактика отличалась особой наступательностью и активностью»[6]. Падпалкоўнік у адстаўцы нагадаў следству пра свае рэальныя заслугі — у тым ліку і на ніве грамадскай дзейнасці: «...в 1821 году несчастнейшее событие, ужасный голод в уезде, в котором я жил, доставило мне случай

[5] Высочайше учрежденному Комитету от подполковника Михаила Николаева сына Муравьева всепокорнейшее объяснение // Восстание декабристов. Документы. Том XX. М.: РОССПЭН, 2001. С. 378. Далей адпаведныя спасылкі падаюцца па гэтым выданні.

[6] Ильин П. В. Тамсама. С. 60.

доказать на опыте чувства, которые руководили мною в обществе, и я подвергнул себя даже подозрению, старавшись спасти тысячи несчастных, оставленных без помощи горькой своей участи. Я приехал в Москву зимою 1821 года, старался снискать частные пожертвования для спасения гибнувших, обратить на то внимание местного начальства, доставить ему законным образом собранные довольно значительные пособия, и Бог, вложивши мне в сердце мысль сию, благословил и успехом»[7]. Гаворка ў дадзенай сітуацыі ідзе пра ўдзел М. М. Мураўёва ў адной з найбуйнейшых акцый Саюзу Дабрадзенства: ад галоднай смерці было ўратавана больш за дзве тысячы сялян. Менавіта таму нельга пагадзіцца з меркаваннем П. Е. Шчогалева, які сцвярджаў, што ў 1821–1826 гадах Мураўёў «притаился в своем имении в глуши Рославльского уезда Смоленской области»[8]: Міхаіл Мікалаевіч не хаваўся, а дзейнічаў.

Але вернемся да следства. Тактыка, абраная Мураўёвым, дае свой вынік. Акрамя таго, ніхто з актыўных дзеячаў дзекабрысцкага руху, за выключэннем І. Дз. Якушкіна, у сваіх паказаннях не згадваў, што падпалкоўнік Мураўёў працягваў заставацца сябрам таемнага таварыства пасля 1821 года. 2 чэрвеня 1826 года «последовала высочайшая резолюция: “Выпустить”»[9].

М. М. Мураўёва вызваляюць з апраўдальным атэстатам, і ён вяртаецца на вайсковую службу. І быў ён такі не адзіны: тыя, чыю віну следчыя не змаглі пацвердзіць, атрымалі магчымасць яшчэ раз праявіць сваю лаяльнасць, ужо ў паўсядзённым жыцці. Мікалай І разумеў, што найбольш верны служака — колішні ліберал з заплямленай рэпутацыяй, і таму даваў шанец.

Ужо ў 1827 годзе Міхаіл Мураўёў падае на імя імператара запіску пра тое, як варта было б рэфармаваць мясцовую адміністратыўную і судовую ўладу, каб выкараніць перадумовы карупцыі, якая паглынала дзяржаўны механізм імперы.

---

[7] ВД. Т. XX. С. 378–379. — Мураўёў не перабольшвае сваіх заслуг: ва ўласных смаленскіх маёнтках падчас голаду ён арганізоўвае дабрачынныя сталоўкі, у якіх адначасова маглі харчавацца да 150 сялян.

[8] Щеголев П. Е. Граф М. Н. Муравьев — заговорщик // Щеголев П. Е. Декабристы. М.– Л.: Государственное издательство, 1926. С. 137.

[9] Ильин П. В. Тамсама. С. 61.

Мікалай I успрымае ідэю прыхільна: аўтара чакае перавод у Міністэрства ўнутраных спраў — орган цэнтральнага кіравання ўсёй адміністрацыйнай сістэмай Расіі. Пачынаецца няўхільнае прасоўванне па кар’ернай лесвіцы, якое запатрабуе максімальнага напружання волі, умення карыстацца момантам і дасягаць свайго.

У тым жа 1827 годзе М. М. Мураўёва накіроўваюць віцэ-губернатарам у Віцебск. Другі ўжо раз ён трапляе на беларускія землі. Тагачасныя расійскія чыноўнікі ўспрымалі іх ужо як «свае» — усё-ткі больш за пяцьдзясят гадоў прайшло пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай. Але «свае» тэрыторыі заставаліся чужымі ў ментальным і культурным плане; і яшчэ праз чвэрць стагоддзя найвядомейшы тагачасны рускі раманіст I. I. Лажэчнікаў, апынуўшыся на той самай віцэ-губернатарскай пасадзе ў Віцебску, будзе ўспрымаць яго як «Город грустный, город сонный», дзе

...кухарка ваша панья,
Кучер пан и пан лакей;
Нет людей иных названья —
Стыдно молвить меж людей;
Где не в басне рассуждают
Феникс, Жаба, Жук и Бык;
Где на польский лад ломают
Гордый русский наш язык[10].

Але Лажэчнікаў прыехаў у Віцебск ужо старым, як на той час, чалавекам. А Мураўёў поўны маладой энергіі, ён робіць кар’еру. Ужо праз чатырнаццаць месяцаў, 15 (27) верасня 1828 года ён прызначаецца губернатарам у Магілёў з чынам стацкага радцы[11].

---

[10] Цыт. паводле: Строганов М. В. Об одном петербургском тексте как модели локальных текстов // А. П., Ф. Д. и В. В. Сборник научных трудов к 60-летию профессора Владимира Александровича Викторовича. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2010. С. 70. Да радка «Феникс, Жаба, Жук и Бык» I. I. Лажэчнікаў зрабіў спецыяльную заўвагу, што гэта — рэальныя прозвішчы жыхароў Віцебска.

[11] Чын адпавядаў вайсковаму рангу брыгадзіра, на той час ужо скасаванаму.

Гэта было надзвычай сур'ёзнае прызначэнне: дастаткова прыгадаць, што ў 1778–1786 гадах. Магілёў быў цэнтрам спецыяльнай акругі, а ўзначальваў акругу адзін з найпрыкметнейшых дзеячаў кацярынінскай эпохі З. Р. Чарнышоў; наступнікам ягоным быў П. Б. Пасек — актыўны ўдзельнік змовы супраць Пятра III; адгэтуль жа пачаўся кар'ерны рост будучага ваеннага міністра імперыі С. К. Вязміцінава. Тут адбылася важная сустрэча Кацярыны II з аўстрыйскім імператарам Іосіфам II. І хаця пазней значнасць Магілёва як адміністратыўнага цэнтра змяншалася, менавіта ён заставаўся цэнтрам рэлігійнага жыцця расійскіх каталікоў: каталіцкі касцёл у Расіі ўзначальваў арцыбіскуп Магілёўскі.

Міхаіл Мураўёў справядліва ўспрыняў сваё прызначэнне ў Магілёў як магчымасць праявіць сябе. І ён зрабіў усё, каб выкарыстаць гэтую магчымасць напоўніцу, не страціць яе.

Апынуўшыся ў губерні, якая рэзка адрознівалася ад унутраных расійскіх губерняў сваімі нацыянальнымі, культурнымі і рэлігійнымі традыцыямі, а да таго ж і кіравалася паводле Статуту ВКЛ 1588 года, а не паводле расійскіх заканадаўчых актаў, Мураўёў зразумеў, чаго менавіта ад яго чакаюць на вяршынях імперскай улады. Як адзначаў вядомы палітычны эмігрант князь П. У. Далгарукаў, «при Незабвенном (пасмяротны “нефармальны” тытул Мікалая І. — *А. Ф.*) всех людей умных и честных называли беспокойными людьми»[12]. Але ўсё, што адрознівалася ад маналітнага імперскага стандарту, якраз і непакоіла. І калі разумныя і шчырыя людзі траплялі ў разрад «беспокойных»[13], а часам і «вар'ятаў» (дастаткова прыгадаць П. Я. Чаадаева), то што ўжо казаць пра цэлыя губерні, якія

[12] Долгоруков П. В. Михаил Николаевич Муравьев: Биографический очерк // Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта (1860–1867). М.: Новости, 1992. С. 323. Далей адпаведныя спасылкі падаюцца па гэтым выданні.

[13] Прыгадаем дадзеную Пушкіным характарыстыку Яўгенія Анегіна: «Им овладело беспокойство, / Охота к перемене мест / (Весьма мучительное свойство, / Немногих добровольный крест)» — цыт. паводле: Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. М.– Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 170.

сваёй «непадобнасцю» выклікалі гэткі самы неспакой, а дакладней, недавер у палітычнай лаяльнасці што да ўсталяванага стандарту.

У снежні 1830 года магілёўскі губернатар дасылае імператару справаздачу, у якой настойліва рэкамендуе забараніць выкарыстанне ў справаводстве Літоўскага Статута, — і 1 студзеня 1831 года выдаецца ўказ Мікалая I урадаваму Сенату пра скасаванне старажытнага ліцвінскага заканадаўства на беларускіх землях.

У той самы час у спецыяльнай запісцы ад 22 снежня 1830 года на імя імператара пра асновы адукацыі на тэрыторыі губерні Мураўёў пераконвае Мікалая I у тым, што неабходна адхіліць ад навучальна-выхаваўчага працэсу каталіцкіх святароў і цалкам перавесці адукацыйны працэс на рускую мову. У асобнай запісцы ён таксама рэкамендуе зачыніць Віленскі ўніверсітэт як месца навучання шмат каго з нелаяльных да імператара грамадзянаў.

Тады, у 1830 — пачатку 1831 года ўсё гэта падавалася немагчымым, бо станавілася відавочным, што гаворка ідзе пра люстрацыйны працэс па веравызнаўчай і этнічнай прыкмеце. Спецыяльна створаная камісія на чале з намеснікам міністра асветы Дз. М. Блудавым (значна пазней ягоны подпіс будзе першым у спісе пад скандальна вядомым віншавальным адрасам Мураўёву ў 1863 годзе з нагоды дня нараджэння апошняга)[14] адхіліла магчымасць рэалізацыі гэтай ідэі. Аднак пасля задушэння ня паўстання 1831 года погляды магілёўскага губернатара сталіся запатрабаванымі, а сам ён атрымаў новае адказнае прызначэнне — губернатарам у Гродзенскую губерню.

На нашу думку, менавіта дзякуючы сваім метадам магчымага вырашэння «нацыянальнай праблемы», а не нейкім асаблівым заслугам падчас карных аперацый па задушэнні паўстання М. М. Мураўёў быў прызначаны на гэтую пасаду. Як адзначаў яго першы біёграф Дз. А. Кропатаў, галоўным рэальным дасягненнем Мураўёва ў часе паўстання было «собрание о стра-

[14] Гл. пра гэта: Фядута А. І. Сувораў супраць Мураўёва (Старонка з гісторыі рускай паэзіі) // ARCHE. 2010. № 12. С. 284–299.

не и неприятеле всех разнородных сведений, так называемых секретных, составляющих главнейшее основание для всех распоряжений»[15], для чаго была створаная адмысловая сакрэтная паліцыя, якая Мураўёву і падпарадкоўвалася, бо і стваралася яна фактычна з ягонай уласнай ініцыятывы. Бадай адзінай формай пакарання паўстанцаў, якая выкарыстоўвалася Мураўёвым у гэты перыяд, — з той прычыны, што гаворка ішла перадусім пра шляхту, г. зн. землеўласнікаў, — былі рэквізіцыі паўстанцкай маёмасці на карысць імперыі. За смяротныя пакаранні Мураўёў у гэты час адказваць не мог, бо не меў на тое паўнамоцтваў.

Такім парадкам, у Гродна на пасаду губернатара прыехаў чалавек, пра якога імперскія ўлады ведалі: пры неабходнасці ён здольны правесці раскаталічванне і русіфікацыю губерні, можа стварыць сакрэтную паліцыю, што дазволіць прадугледзець з'яўленне новых канспіратыўных мярэжаў, як гэта было напярэдадні паўстання 1830–1831 гадоў, а таксама не спыніцца перад канфіскацыяй маёмасці ў мясцовай нацыянальнай эліты.

Але, на наш погляд, прызначалі ў Гродна губернатарам усётакі не Вешальніка — хоць менавіта з гэтым пераходам па службе звычайна звязвае легенда ўзнікнення гістарычнай мянушкі Міхаіла Мураўёва. Вось як піша пра гэта аўтар легенды — ужо цытаваны намі вышэй князь П. У. Далгарукаў: «Он после взятия Варшавы (в 1831 г. — *А. Ф.*) назначен был военным губернатором[16] в Гродно, и тут его природная свирепость, подстрекаемая желанием угодить Николаю, превратила его в лютого тирана несчастных поляков. Только что приехав в Гродно, он узнал, что один из тамошних жителей спросил у одного из чиновников: «Наш новый губернатор родня ли моему

---

[15] Кропотов Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно: Биографический очерк. СПб., 1874. С. 356.

[16] Недакладнасць: у Гродне М. М. Мураўёў быў прызначаны не ваенным, а грамадзянскім губернатарам. Незразумела, чым выклікана недакладнасць — аберацыяй памяці П. У. Далгарукава або яго свядомым жаданнем зрабіць вобраз Мураўёва ў свядомасці чытачоў больш жорсткім.

бывшему знакомому, Сергею Муравьеву-Апостолу, который был повешен в 1826 году?» Муравьев вскипел гневом (кажется, было не из-за чего) и воскликнул: «Скажите этому ляху, что я не из тех Муравьевых, которые были повешены, а из тех, которые вешают!»»[17].

Легенда гэтая апакрыфічная, бо Міхаіл Мураўёў сваякоў ніколі не выракаўся. М. Дз. Далбілаў, які ўважліва вывучыў паводзіны М. М. Мураўёва ў час і пасля заканчэння следства па справе 14 снежня, адзначае годнасць і моц характару: «...он в противоположность, например, своему брату Александру, покинувшему общество» еще в 1819 году, нигде не кается, не просит собственно о помиловании, прощении ему грехов и заблуждений». І далей: «...освобожденный подследственный отнюдь не спекулировал на отвращении Николая к заговорщикам и не рядился в тогу «новообращенного»»[18].

Значна больш праўдзівай падаецца нам версія, якая ўскосна раскрываецца ў мемуарнай нататцы дзекабрыста А. Я. Розена: «Надо воздать справедливость и Мих. Н. Муравьеву, что он... действовал всегда прямо и, быв назначен губернатором в Гродно, выказал себя начистоту пред созванным дворянством: “Suum cuique!” (Кожнаму сваё (лац.) — *А. Ф.*)»[19] — гэта значыць, прамаўляючы да сходу губернскай шляхты — да роўных сабе, а не да ананімных падначаленых, — адказваючы на непасрэднае, зададзенае проста ў вочы пытанне (пра запіскі з залы тады яшчэ не чулі), губернатар абмежаваўся фразай: «Кожнаму сваё»[20].

Але гэта не азначае, што Мураўёў не заслужыў мянушкі Вешальнік. Папросту атрыманая яна была крыху пазней і ў сувязі з іншымі акалічнасцямі. Мы схільныя звязваць рэпутацыю

---

[17] Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 317–318.

[18] Долбилов М. Д. «...Считал себя обязанным в сем участвовать»: Почему М. Н. Муравьев не отрекся от «Союза благоденствия»? // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 201, 205.

[19] Цыт. паводле: Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 2008. С. 473–474.

[20] Больш падрабязна пра гэты сюжэт гл.: Федута А. И. О происхождении прозвища Михаила Муравьева // Ісці на святло лабірынтамі даўніх падзей: зборнік памяці Віталя Скалабана. Мінск: Лімарыус, 2013. С. 172–178.

«вешальніка» з тым, што ў 1833 годзе ў Гродне быў пакараны смерцю эмісар польскай эміграцыі Міхал Валовіч.

Валовіч быў павешаны 21 ліпеня (2 жніўня) паводле прысуду ваеннага суда. Эмісар, як вядома, быў прыгавораны да чвартавання, аднак з ініцыятывы Мураўёва прысуд быў зменены: чвартаванне замест павешання — пакаранне смерцю менш крывавае, але ганебнае для шляхціца. Як сцвярджае аўтар манаграфіі, спецыяльна прысвечанай гэтаму эпізоду польскага нацыянальна-вызваленчага руху, «смяротнае пакаранне пакінула жудаснае ўражанне.

Як паведамляе <віленскі генерал-губернатар М. А.> Далгарукаў у рапарце ваеннаму міністру гр<афу А. І.> Чарнышову, прайшло яно вельмі ўрачыста (з магчымай урачыстасцю). Сярод натоўпу прысутных панавала мёртвая ціша. «Все были до такой степени потрясены, что, несмотря на такое огромное скопление абсолютно все люди пребывали в безмолвствии»»[21].

Мяркуючы па ўсім, менавіта гэтае «народ безмолвствует», а не хамская аўтахарактарыстыка, нібыта выказаная ў адказ на бязвіннае пытанне невядомага польскага чыноўніка, і адгукнулася пазней у мянушцы былога гродзенскага губернатара Міхаіла Мураўёва. Тым больш, што адным смяротным пакараннем Валовіча — нават і такім шакуючым — расправа над удзельнікамі канспіратыўных сетак, што існавалі на былых польскіх зямлях, не абмежавалася: узгадаем, як крыху пазней, ужо пасля ад'езду М. М. Мураўёва з заходніх губерняў, быў пакараны смерцю іншы эмісар польска-ліцвінскай эміграцыі Ш. Канарскі.

Але ў цэлым відавочна, што адміністратыўна-распарадчая дзейнасць гродзенскага губернатара была дастаткова жорсткая, і ён здолеў заслужыць у вачах імператара рэпутацыю «крызіснага кіраўніка». У 1835 годзе ён «был отправлен губернатором в Курскую губернию, где и за многочисленностью бедных однодворцев, и за недостатком сбыта для земных произведений накопились огромные недоимки в податях. Желая

[21] Sidorowicz-Czerniewska K. Sprawa emisarjusza MichałaWołłowicza zr. 1833. Grodno, 1934. S. 56.

выслужиться, он с истинной жестокостью приступил к сбору недоимок; крестьянский скот, крестьянская рухлядь были описываемы и безжалостно продаваемы с публичного торга. Нашествие Муравьёва на Курскую губернию не скоро забудется: он там разорил народ»[22].

Можна было б спісаць такую жорсткую характарыстыку Міхаіла Мураўёва на пазіцыю аўтара: Пётр Далгарукаў — паўэмігрант-апазіцыянер, які вёў не на жыццё, а на смерць вайну з імперскім урадам, адным са слупоў якога ў перыяд напісання Далгарукавым цытаванага памфлета Мураўёў і з'яўляецца. Аднак ёсць і іншыя сведчанні. Паказальную характарыстыку стылю працы курскага губернатара Мураўёва пакінуў, напрыклад, у сваіх нататках граф А. Х. Бенкендорф, які наведаў Курск разам з Мікалаем I падчас яго падарожжа па Расіі ў 1835 годзе: «Муравьев, человек деятельный и суровый, но его ненавидели за жестокое обращение и поспешность, с которой он пытался восстановить порядок. Дела в губернии пошли лучше, но нигде не были довольны его управлением. По его представлениям были уволены многие чиновники, и в Курске, как ни в одной другой из посещаемых нами губерний, меня засыпали просьбами на имя императора и частными жалобами»[23]. Розніца толькі ў тым, што Далгарукаў піша пра абдзіранне сялян, а Бенкендорф — пра супрацьстаянне з чыноўнікамі, метады — адны і тыя ж.

У той самы час, у Курску, праявіўся і адзін з галоўных метадаў кіравання, што прымяняўся Мураўёвым: новы курскі губернатар давяраў толькі тым, каго ён ведаў і з кім ужо паспеў папрацаваць. «Смена за сменою, реформа за реформою в губернском правлении, палатах и судах — пошли быстрым ходом... Не прошло 2-х месяцев, как Курск совершенно обновился: весь старый хлам разбросан, растасован, выброшен! Его заменили новые личности и те, которые прибыли с губернатором из Гродно, Петербурга и Москвы в числе около двадцати

---

[22] Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 319.

[23] Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012. С. 623.

человек и постепенно наезжавшие и с севера, и с запада, и юга, и востока!..»[24].

Курскае кіраванне Мураўёва даказвае: жорсткія метады кіравання не толькі прымяняліся ім ў «нярускіх» губернях імперыі, але складалі звыклы для часу і для яго самога арсенал. У эпоху Мікалая І іншыя кіраўнікі проста не былі запатрабаваныя ці, ва ўсялякім разе, былі неабходныя не надта часта. А Мураўёў вельмі хацеў быць запатрабаваным — гэта стала, відавочна, сэнсам яго жыцця.

І ён стаў запатрабаваным. Спачатку на яго звярнуў увагу легендарны міністр фінансаў Я. Ф. Канкрын, які рэкамендаваў яго кандыдатуру для прызначэння на пасаду дырэктара дэпартамента мытаў і збораў — фактычна галоўнага падатковіка Расійскай імперыі. Верагодней за ўсё, тая хуткасць і рашучасць, з якой Мураўёў ліквідаваў пазыкі ў Курскай губерні, былі даспадобы Канкрыну. Па ягонай пратэкцыі Мураўёў быў прызначаны спачатку сенатарам, а пасля і членам Дзяржаўнага савета (1850). І, нарэшце, вяршыняй яго дзяржаўнай кар’еры сталі дзве міністэрскія пасады: спачатку ён прызначаецца на пасаду міністра імператарскага двара (1856)[25], а потым — міністра дзяржаўных маёмасцяў (1857). Абодва гэтыя прызначэнні адбыліся ўжо пры новым імператары, Аляксандры ІІ.

Мы маем дастаткова матэрыялаў, каб уявіць сабе Міхаіла Мікалаевіча на міністэрскай пасадзе. Цалкам аб’ектыўныя

[24] Слатин С. Д. М. Н. Муравьев губернатором в Курске // Русская старина. 1898. № 11. С. 280. Крыху ніжэй аўтар цытаванай нататкі называе тое, што адбылося пры Мураўёве ў Курску, «погромом должностных лиц». — Тамсама. С. 283.

[25] Ад гэтай пасады ён адмовіўся на карысць графа У. Ф. Адлерберга, атрымаўшы ўзамен пасты кіраўніка Дэпартамента ўдзелаў і дырэктара Межавога корпуса, што, паводле меркавання П. У. Далгарукава, было прыкладам яўнай карупцыі ў вышэйшых эшалонах расійскай улады — гл.: Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 322–323. Гэтая афера, а таксама ўзаемная пратэкцыя Адлербергаў і Мураўёва пры атрыманні ва ўзнагароду зямельных надзелаў атрымала шырокі рэзананс; у прыватнасці, пра яе няўхвальна гаворыць прыкметны чыноўнік чыгуначнага ведамства барон А. І. Дэльвіг, пляменнік ліцэйскага таварыша Пушкіна — паэта А. А. Дэльвіга. У астатнім, калі мяркаваць па мемуарах, ён ставіўся да Міхаіла Мікалаевіча досыць лаяльна.

мемуары пакінуў пра яго вядомы пазней дэмакратычны публіцыст і палітычны выгнаннік Мікалай Шалгуноў, які служыў пад яго кіраўніцтвам у Міністэрстве дзяржаўных маёмасцяў. Вось як ён апісвае, у прыватнасці, мураўёўскую манеру працаваць з паперамі: «Муравьев умел хорошо читать цифры и верно понимал ведомости, которые ему представляли. К ревизии он готовился тщательно, с вечера пересмотрит все ведомости и записки, которые ему представят ревизоры, загнет уголки, где ему нужно, и, несмотря на то, что ведомостей и записок наберется целая груда, Муравьев не забудет своих уголков и в них не ошибется»[26].

Пры гэтым, піша Шалгуноў, «Муравьев держал себя совсем просто, никакой внешней важности не напускал, но говорил всегда умно и содержательно, и, кроме того, каждый чувствовал, что у этого человека не дрогнет рука подписать что хотите. Этого было совершенно достаточно, чтобы одним своим именем возбуждать в робких панический страх. Рассказывали, что два чиновника от нашей ревизии умерли со страха. Это могло случиться»[27].

Цяпер наўрад ці можна дакладна вызначыць, ці былі гэтыя смерці, а калі былі, то ці не сталі яны выпадковым супадзеннем. Аднак факт застаецца фактам: чуткі такія хадзілі. І галоўнай падставай для іх узнікнення было тое, як міністр Міхаіл Мураўёў ставіўся да людзей: «Муравьев был личник и придавал большое значение личной энергии; но он без нужды напрягал чужую энергию больше, чем это требовалось для дела, и возбуждал ее чувством страха. Когда что-нибудь поручалось нескольким лицам, Муравьев всегда спрашивал: «А с кого я буду взыскивать?» Ему непременно нужно было взыскивать. Людей он вообще ценил не высоко; если ему говорили, что для такого-то дела нет человека, он отвечал: «Было бы болото». Раз, когда

---

[26] Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1967. С. 88. Далей адпаведныя спасылкі падаюцца па гэтым выданні.

[27] Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего. С. 88.

я заступался за кого-то, он мне сказал: «Поживите с мое, и вы увидите, что люди ничего не стоят»»[28].

Уласна кажучы, гэта і ёсць ацэнка актыўна прапагандаваных сёння адміністратарскіх якасцяў М. М. Мураўёва — уменне абуджаць страх і занядбанне людзьмі. Той жа М. В. Шалгуноў сведчыць: «Муравьев не был ни администратором, ни реформатором; он был разрушитель и умел ломать превосходно. Вообще эта натура была революционная. Задумав очистить министерство от лиц, он очистил его и от идей. Крестьян он обрезал землею, избавил платежей, поощрял личное землевладение, и в момент, когда государственный вопрос заключался в улучшении быта крестьян, Муравьев ухудшал этот быт»[29].

Сапраўды, Мураўёў не стварыў новай агульнаімперскай структуры кіравання, як М. М. Сперанскі, не правёў маштабнай рэформы, як Я. Ф. Канкрын ці П. Дз. Кісялёў, не стаў ідэолагам адмены прыгоннага права, як браты М. А. і Дз. А. Мілюціны. Затое ў адрозненне ад усіх гэтых сапраўды выбітных дзяржаўных дзеячаў ён заслужыў рэпутацыю буйнога карупцыянера.

Мураўёў не браў хабар, бо наўрад ці хто наважыўся б прапанаваць чалавеку з такой рэпутацыяй грошы. Але ён актыўна карыстаўся тымі магчымасцямі, якія адкрываліся для яго дзякуючы службоваму становішчу. Займаючы адначасова тры высокія пасады, ён атрымліваў і тры заробкі[30]. Ён рабіў паслугі кіраўніцтву (у прыватнасці, старшыні Дзяржаўнага савета А. Ф. Арлову дапамог прадаць у казну дом, за які ў свой час Арлову не трэба было плаціць, бо казна ж, паводле загаду

[28] Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего. С. 88–89.

[29] Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего. С. 88.

[30] «Он дошел в бесстыдстве своем до такой степени, что, отправляясь в летнюю поездку по России в 1858 году, взял разом прогоны (камандзіровачныя грошы. — *А. Ф.*) по трем ведомствам: имуществ, удельному и межевому, и через это оригинальное казнокрадство приобрел себе в публике прозвание министра «трехпрогонного»» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 325. Мы не знашлі ў іншых крыніцах, акрамя эмігранцкай публіцыстыкі, сведчанняў на карысць такой дробязнасці Мураўёва. Што да трайнога заробку, то гэта было агульнаімперскай практыкай.

імператара, за яго і ўнесла грошы, то бок фактычна дзяржава двойчы заплаціла за яго). Нарэшце, як ніхто, Мураўёў праславіўся непатызмам — уменнем, падобна да грыбаедаўскага Фамусава, «порадеть родному человечку»: «Старшего сына своего, Николая Михайловича, он сделал губернатором Вятским и по трогательному стечению обстоятельств по лесному ведомству (под началом Муравьева состоящему) оказалось в 1856 году, что справедливость (петербургская) требует от правительства награждения двух губернаторов: вятского и нижегородского за их содействие к охранению лесов. Из этих двух губернаторов один — сын Муравьева, а другой — его родной брат!»[31]. Але і гэта не ўсё. М. В. Шалгуноў прыгадваў: «Раз Муравьев говорит мне: «А какого я вам дал директора: молодого, энергичного!» И действительно, вместо доброго старика Норова, еще из киселевских людей, Муравьев дал полковника и флигель-адъютанта (своего племянника) А. Г. Лашкарева. С этих пор у нас пошла ужасная кутерьма»[32].

З такім характарам, такой рэпутацыяй і такімі адміністратыўнымі навыкамі сустракае былы сябра таемнага дзекабрыскага таварыства адну з найважнейшых гістарычных падзей XIX стагоддзя — сялянскую рэформу 1861 года. Рэформу, да якой ён паставіўся адназначна адмоўна[33]. Разам з князем В. А. Далгарукавым ён стаў лідарам той групы вышэйшых саноўнікаў імперыі, хто рабіў усё магчымае, каб перашкодзіць вызваленню сялян. Як адзначыў зласлівы Пётр Далгарукаў, «Муравьев, вступив в управление государственными имуществами, употребил лето и начало осени на поездку по России, уверял дворянство, что правительство не думает об отмене

---

[31] Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 325. — Варта таксама дадаць, што пазней, змяняючы кадры ў губернях, што ўваходзілі ў яго кампетэнцыю як генерал-губернатара Віленскага, М. М. Мураўёў зможа дамагчыся прызначэння свайго сына Мікалая губернатарам Ковенскім.

[32] Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего. С. 91.

[33] О подходах М. Н. Муравьева к крестьянской реформе и его деятельности на министерском посту см.: Долбилов М. Д. М. Н. Муравьев и освобождение крестьян: Проблема консервативно-бюрократического реформаторства // Отечественная история. 2002. № 6. С. 67–90.

крепостного состояния»[34]. Аднак усяго ўплыву Мураўёва было недастаткова для таго, каб перашкодзіць рэформе: галоўным яе рухавіком стаў вялікі князь Канстанцін Мікалаевіч, а самому Мураўёву давялося абмежавацца роляй «интриганта, довольствующегося возбуждением неудовольствия и оппозиции в Государственном совете, без всякой надежды на практические от того результаты и даже без желания результатов»[35].

Выразная нелюбоў Мураўёва да Канстанціна Мікалаевіча ніколі і ні для каго ў адпаведных колах не была таямніцай. Ды і Мураўёў, зрэшты, не хаваў сваёй антыпатыі да другой асобы імперыі. Той жа Шалгуноў успамінаў: «Муравьев был честолюбив, властолюбив и деспотичен; прощать он не умел и всегда увлекался личными чувствами... Нужно было от Муравьева (по Лесному департаменту) написать о чем-то к председателю Государственного совета, которым был великий князь Константин Николаевич. Я привез к Муравьеву бумагу; он хотел ее уже подписать, но остановился. «Почему это так?» — спрашивает он меня, указывая на «послесловие». Я ответил, что министр подписывается к председателю Государственного совета по форме (кажется) двадцать (были такие формы, в которых указывалось, как должно быть соблюдаемо чинопочитание в подписях). «Покажите». Я подал форму. Муравьев долго ее рассматривал, потом показал пальцем на два нумера ниже, то есть менее почтительно, и сказал: «Велите по этой»»[36]. Гэта было не проста дэманстрацыяй непавагі, але і грубым парушэннем урадавай субардынацыі. Прычым трэба ўлічваць, што Мураўёў у гэты час не быў яшчэ тым сімвалам імперскай улады, якім ён стаў пасля задушэння паўстання 1863–1864 гадоў. А падчас свайго знаходжання ў Вільні Міхаіл Мікалаевіч папросту праігнаруе прыезд вялікага князя, апелюючы да хваробы, якая нібыта з ім здарылася[37].

[34] Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 331.

[35] Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. Т. 1: 1861–1864. М.: АН СССР, 1961. С. 66. Далее см.: Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. С.

[36] Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего. С. 89.

[37] Паводле ўспамінаў заўважнага чыноўніка цэнзурнага ведамства Я. М. Феакцістава, які знаходзіўся ў свіце Канстанціна Мікалаевіча, і сам

Сялянская рэформа стала першай сур’ёзнай паразай Мураўёва. Гэты ўжо далёка не малады чалавек быў вымушаны адступіць перад хлопчыкамі, якімі ён лічыў вялікага князя Канстанціна Мікалаевіча і «канстанцінаўцаў». У 1862 годзе яго адправілі ў адстаўку. Імператар развітваўся з Мураўёвым стрымана, што не засталося незаўважаным[38]. Міністр унутраных спраў П. А. Валуеў запісаў у дзённіку з нагоды апошняга ўдзелу Міхаіла Мікалаевіча ў пасяджэнні Савета міністраў: «Читая обзор действий Министерства государственных имуществ, хотя в нем указаны были немаловажные результаты, государь не сказал М. Н. Муравьеву ни одного любезного слова, а <У. П.> Бутков (дзяржаўны сакратар. — *А. Ф.*) не без свойственного ему нахальства тотчас заявил желание завладеть бумагой, ясно обнаруживая намерение впоследствии проверить ее содержание»[39].

Гэта была няміласць — відавочная і, паводле меркавання самога Міхаіла Мікалаевіча, зусім незаслужаная. Ён застаўся сенатарам і членам Дзяржаўнага савета, што вызначала яго

вялікі князь, «и все встречавшие его были до такой степени сконфужены, что сцена эта производила крайне тяжелое впечатление. [...] Он <Канстанцін Мікалаевіч> не мог скрыть своего раздражения. Оно выражалось и в его голосе и в жестах» — цыт. паводле: Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л.: Прибой, 1929. С. 154. Натуральна, што знявага, якую выказваў Мураўёў да члена імператарскай сям’і і фактычна другой асобы ў іерархіі чыноўнікаў імперыі, распаўсюджвалася і на тых дзяржаўных дзеячаў, хто прытрымліваўся падобных да Канстанціна Мікалаевіча поглядаў. Напрыклад, ваенны міністр Дз. А. Мілюцін узгадваў з нагоды сустрэчы Мураўёва з Ф. Ф. Бергам, які займаў пост імператарскага намесніка ў Царстве Польскім: «На станции железной дороги встретились граф Берг с Муравьевым. Очевидцы рассказывали, что были удивлены намеренным невниманием последнего к приехавшему соседу, для него даже не было приготовлено ни экипажа, ни квартиры» — гл.: Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 445. Далей адпаведныя спасылкі падаюцца па гэтым выданні.

[38] Як сцвярджаў сенатар Я. А. Салаўёў, «лично к Муравьеву государь, кажется, никогда не питал ни доверия, ни уважения» — гл.: Соловьев Я. А. Крестьянское дело в 1858–1859 гг. // Русская старина. 1882. Т. 36. № 11. С. 243.

[39] Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 133.

статус у грамадстве і нават некаторы ўплыў на ход спраў, але было зразумела, што яго адхілілі ад актыўнай адміністратыўнай дзейнасці. Адзін з высокапастаўленых чыноўнікаў эпохі Аляксандра III і Мікалая II, І. Л. Гарамыкін, які даслужыўся пры апошнім імператары да звання старшыні Савета міністраў, параўноўваў такое становішча са знаходжаннем у нафталіне. Зяць жа М. М. Мураўёва, граф С. Дз. Шарамецьеў, пісаў: «Муравьев был сдан в архив и никто о нем не думал»[40].

Працягвалася гэта, аднак, усяго год — да таго часу, пакуль імперыю не скаланула Студзеньскае паўстанне 1863 года. І яно стала шчаслівай зоркай для Міхаіла Мураўёва.

Яго папярэднікам на пасадзе віленскага генерал-губернатара быў У. І. Назімаў — дзеяч з рэпутацыяй ліберала. Назімаў займаў гэты пост у 1856–1863 гадах, прычым паспеў заваяваць нават пэўныя сімпатыі ў асяроддзі віленскага дваранства. Ён няблага гаварыў па-польску, ахвотна кантактаваў з арыстакратыяй, даваў шыкоўныя балы. Была і больш сур’ёзная прычына для ўзаемных сімпатый генерал-губернатара і рэгіянальнай эліты: прыехаўшы ў складзе ўрадавай камісіі ў 1840 годзе разбірацца з даносам тагачаснага генерал-губернатара Ф. Я. Мірковіча пра нібыта існуючую пасля разгрому канспіратыўнай сеткі Ш. Канарскага змову моладзі, менавіта У. І. Назімаў садзейнічаў апраўданню ўжо арыштаваных маладых віленцаў. Рашэнне аб адкліканні Назімава паказвала, што ўрад лічыць вычарпанымі меры, накіраваныя на мірнае заканчэнне паўстання, прычым віна ўскладалася асабіста на генерал-губернатара; міністр унутраных спраў П. А. Валуеў увогуле лічыў, што Назімаў «принимает меры административного произвола без последовательности, толку и успеха»[41]. Патрэбны быў абсалютны антыпод, здольны да рашучых дзеянняў, які меў кепскую славу і быў пазбаўлены тых маральных перашкод, што стрымлівалі Назімава ад рэпрэсіўных дзеянняў.

Наконт прызначэння Мураўёва на пасаду віленскага генерал-губернатара хадзілі легенды, якія нарадзіліся ў найбліжэйшым

[40] Шереметев С. Д. Воспоминания. 1863–1868 гг. СПб., 1899. С. 11.

[41] Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 108.

атачэнні самога Міхаіла Мікалаевіча. У прыватнасці, вядомая версія яго малодшага брата, вядомага рэлігійнага пісьменіка Андрэя Мікалаевіча Мураўёва, згодна з якой прызначэнне гэтае не было выпадковым, з ініцыятывай выходзілі ўсе вышэйшыя чыноўнікі дзяржавы, прычым сам Мураўёў нібыта нават не ведаў, навошта яго выклікаюць з Масквы ў Пецярбург, бо ў лісце, перададзеным яму фельд’егерам, нічога, акрамя загаду з’явіцца да імператара, не ўтрымлівалася[42]. Відавочна, што гэта — гістарычная легенда, складзеная на ўзор легенды пра М. І. Кутузава ў 1812 годзе. Насамрэч рашэнне, відаць, было прынятае Аляксандрам II самастойна і дастаткова асэнсавана. Як піша Дз. А. Мілюцін, «15 апреля, по приказанию Государя, сообщено мной Михаилу Николаевичу желание Его Величества «узнать его соображения по некоторым вопросам, касающимся настоящих военных обстоятельств», для чего он был приглашен приехать в Петербург. Генерал Муравьев лишь только получил мое письмо, на другой же день, 18 апреля, выехал из Москвы и, прибыв 19-го числа в Петербург, немедленно был принят Государем»[43].

Верагодна, не варта падрабязна каментаваць тую канцэпцыю яго дзейнасці на новай пасадзе, якая была прапанаваная Мураўёвым Аляксандру II падчас сустрэчы. Па-першае, Міхаіл Мікалаевіч сам апісвае яе досыць падрабязна; па-другое, мы зрабілі гэта ў каментарах да мураўёўскіх успамінаў. Можна толькі сказаць, што ўпарты М. М. Мураўёў быў гатовы «ратаваць Расію» выключна на ўласных умовах[44].

У якасці «тэрапеўтычных» сродкаў уздзеяння на «хворы», у яго разуменні, край новы губернатар прапаноўваў выкарыстоўваць мілітарызацыю механізма дзяржаўнага кіравання,

[42] Гл.: Примечание Андрея Николаевича Муравьева, брата графа Михаила Николаевича // «Готов собою жертвовать...»: Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. М.: Пашков дом, 2008. С. 222–224.

[43] Милютин Д. А. Воспоминания. С. 124.

[44] П. А. Валуеў піша, што Мураўёў «принимает на себя назимовское наследие... не без обычных в подобных случаях оговорок» — гл.: Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 221.

русіфікацыю паўсядзённай моўнай сферы і раскаталічванне жыцця рэлігійнага і працэса выхавання новых пакаленняў імперскіх падданых[45]. Сродкам жа «хірургічнага ўмяшальніцтва» можна, верагодна, лічыць спробу пераўтварыць задушэнне нацыянальна-вызваленчага паўстання ў грамадзянскую вайну: калі Назімаў не патрабаваў ад сваякоў паўстанцаў адмежавання ад апальных родзічаў, то Мураўёў не бачыў у гэтым нічога заганнага. Паводле яго меркавання, як епіскап адказвае за ўсю паству і за ўсіх падначаленых яму ксяндзоў, так і бацька адказвае за сына, а брат — за брата. Але відавочна, што абраная імператарам кандыдатура, з аднаго боку, адпавядала прад'яўленым да яе патрабаванням, з другога — дазваляла самому Аляксандру II дыстанцыравацца ад дзеянняў новага генерал-губернатара.

«Генерал Муравьев не церемонился ни перед духовенством, ни перед помещиками, ни перед чиновным людом, ни даже перед женщинами; он сумел в короткое время восстановить авторитет русской власти и внушить страх тем, которые до того времени над ней насмехались»[46]. Можна казаць пра тое, што паўстанцам быў дадзены выразны сігнал, які дакладна прачытваўся. «Мих<аил> Ник<олаевич> Муравьев имел репутацию человека крутого, энергичного; назначение его означало решительный оборот в образе действий правительства в Западном крае и служило красноречивым ответом всем заступникам за поляков, как заграничным, так и домашним»[47]. Рэпутацыя Вешальніка, якая актыўна распаўсюджвалася палітычнымі эмігрантамі, у дадзеным выпадку працавала на вырашэнне той задачы, якую сам жа Мураўёў і сфармуляваў.

Зрэшты, новы генерал-губернатар унутрана быў гатовы пацвердзіць сваю рэпутацыю. «Первые упомянутые выше казни

[45] Пра палітыку М. М. Мураўёва ў сферы рэлігійнай гл.: Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 227–296.

[46] Милютин Д. А. Воспоминания. С. 181.

[47] Милютин Д. А. Воспоминания. С. 124.

двух ксендзов, 22 и 24 мая, произвели сильное впечатление на польское население, которое сначала не хотело верить, чтобы Муравьев решился в самом деле казнить духовное лицо. Затем последовали казни: 27 мая — в Динабурге, графа Льва Платера; 28-го — в Вильне, Колышко, сподвижника Сераковского; 6 июня — в Ковне, корнета Белозора, и в Могилеве — подпоручика Корсака и двух прапорщиков Манцевичей; 10 июня — в Лиде, еще ксендза Фальковского, а 15-го — в Вильне, Сераковского»[48]. Прычым, згодна з успамінамі сучаснікаў, Мураўёў адчуваў нават нейкую асаблівую ўнутраную асалоду, здзяйсняючы сваю «місію»: «Если докладывавший дело пытался смягчить решение, Муравьев вырывал у него из рук бумагу и быстро подписывал. Слова: «повесить», »расстрелять» выходили у него всегда разборчивее других, как будто писались с особенною любовью»[49].

Ва ўспамінах М. М. Мураўёў не хавае таго, што ён прымаў рашэнні жорсткія, не спыняўся перад прымяненнем смяротнага пакарання, не кажучы ўжо пра высылку кожнага, хто, на яго думку, мог быць нелаяльны да ўлады. Нагадаем, што пакаранне смерцю ксяндза Станіслава Ішоры абдылося 22 мая пасля таго, як Ішора, абвінавачаны ў тым, што зачытаў у касцёле маніфест паўстанцкага ўрада, сам здаўся органам паліцыі. Звычайна мемуарыст хоча выглядаць перад нашчадкамі лепшым, чым ён быў на самай справе. Але Мураўёў нібы свядома робіць усё, каб адпавядаць мянушцы, трывала прыклеенай да яго левaрадыкальнымі рускімі эмігрантамі А. І. Герцэнам і П. У. Далгарукавым.

Але ёсць і яшчэ адно адрозненне ўспамінаў Мураўёва ад успамінаў іншых высокапастаўленых чыноўнікаў той эпохі. Цудоўна разумеючы, што пасля публікацыі гэтыя тэксты могуць паўплываць на лёс іх сваякоў, усе яны старанна пазбягалі любой праявы нелаяльнасці да членаў царскай дынастыі. Некаторыя з іх самі рыхтавалі вытрымкі з успамінаў і дзённікаў да

[48] Милютин Д. А. Воспоминания. С. 181–182.

[49] Цыт. паводле: В. С. <Семевский В. И.> Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому. 1863–1864 // Голос Минувшего. 1913. № 9. С. 241.

друку пасля смерці (як, напрыклад, зрабіў міністр унутраных спраў, а затым старшыня Камітэта міністраў граф П. А. Валуеў); іншыя яшчэ пры жыцці давалі магчымасць азнаёміцца з тэкстам блізкім да імператара асобам, а часам і рабілі копіі для імператарскай бібліятэкі (так уносіў пасля гутаркі з чытачамі рукапісу папраўкі ў свае дзённікі, затым асцярожна пераплятаў іх і забяспечваў заўвагамі аднакласнік А. С. Пушкіна па ліцэі, прыкметны чыноўнік граф М. А. Корф). У тэксце ж віленскага генерал-губернатара відавочна, як узмоцнена павялічвае ён колькасць сваіх ворагаў — прычым не толькі за кошт роўных сабе, але і далучаючы да іх і вялікага князя Канстанціна Мікалаевіча і не саромеючыся недвухсэнсоўных намёкаў на адрас самога імператара.

І тут варта прыгадаць, як і пры якіх абставінах ствараўся тэкст мураўёўскіх мемуараў.

У красавіку 1865 года Мураўёва звальняюць з максімальна магчымымі ўшанаваннямі. Ён з нашчадкамі ўзведзены ў графы і ўзнагароджаны вышэйшым ордэнам Расійскай імперыі — ордэнам Святога Андрэя Першапакліканага. Аднак узнагароды не азначалі, што «ўтаймавальнік» Літвы і Беларусі атрымаў сапраўдную ўдзячнасць Аляксандра II. М. М. Мураўёў гэта добра адчуваў і паводзіў сябе адпаведна: П. А. Валуеў запісаў у дзённіку, як на пасяджэнні Савета міністраў «присутствовал и ген. Муравьев, присмиревший или присмиревающий. Он, как кот, то выпускал, то прятал когти»[50]. Так не паводзяць сябе пераможцы.

Падобным адчуваннем прасякнуты і мемуары лаяльнага ў гэты перыяд да Мураўёва Дз. А. Мілюціна: «Прибыв в Петербург 25 апреля не совсем здоровым, генерал Муравьев был принят Государем только через несколько дней. По собственному рассказу Михаила Николаевича, прием был сухой, и хотя Его Величество в коротких словах поблагодарил его за достигнутые в Северо-Западном крае успешные результаты, однако ж ясно было видно, что наговоры влиятельных лиц, противников муравьевского образа действий, произвели влияние на взгляд

[50] Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 35.

Государя. Муравьев, со своей грубоватой откровенностью, высказал ему все, что было на душе, и объявил положительно, что не может долее оставаться на своем месте, если не будет утвержден весь ряд предположенных прежде и предлагаемых вновь мер к прочному искоренению в крае следов польской пропаганды. Государь пожелал, чтобы М. Н. Муравьев изложил свои предположения письменно»[51].

Паспрабуем выказаць гіпотэзу. Значная частка той нарматыўнай базы, якая пашырыла паўнамоцтвы віленскага генерал-губернатара, была прынятая яшчэ ў часе кіравання У. І. Назімава — мураўёўскага папярэдніка[52]. Пры ім было ўведзенае ваеннае становішча. Ён прапанаваў зрабіць захады да супрацьпастаўлення шляхце сялянства, якое было зацікаўленае ў пашырэнні сваіх зямельных надзелаў і якое ў значнай меншай ступені думала пра збліжэнне з Царствам Польскім або пра адраджэнне Польшчы як дзяржавы, чым адукаваны клас. Але Назімаў, які шанаваў сваю рэпутацыю міратворцы, а не ўтаймавальніка, не мог ці сапраўды, як і падазраваў Мураўёў, не хацеў выкарыстоўваць дадзеныя яму паўнамоцтвы цалкам. Невыпадкова, напрыклад, ён не канфірмуе смяротны прысуд ксяндзам Станіславу Ішоры і Раймунду Зямацкаму, але і не адмяняе гэты прысуд. Ён можа патрабаваць увядзення на тэрыторыю генерал-губернатарства падраздзяленняў рэгулярнай арміі, але не робіць гэтага, пакідаючы ў ваганнях і бяздзеянні ваеннага міністра Дз. А. Мілюціна. Прычым усё гэта адбываецца пры маўклівай згодзе імператара.

Гэта звязана з тымі адносінамі, якія склаліся ў Аляксандра Мікалаевіча, яшчэ цэсарэвіча, з Уладзімірам Іванавічам Назімавым: у 1836 годзе Назімаў быў прызначаны знаходзіцца пры наступніку трона ў якасці інструктара па вайсковай справе. Улічваючы тое, як ставіўся да ваеннай муштры бацька будучага «цара-вызваліцеля», можна зразумець, які гэта быў давер і колькі часу вымушаны быў праводзіць Назімаў са сваім вы-

---

51 Милютин Д. А. Воспоминания. С. 429.

52 Гл., напрыклад, пра гэта: Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 20–37.

хаванцам. Адносіны гэтыя былі калі не сяброўскія, то цалкам даверлівыя, а таму няма падстаў меркаваць, што «бяздзеянне» Назімава не было ўзгодненае з імператарам асабіста. А калі дадаць, як нервова ў эпоху Вялікіх рэформаў пецярбургскі ўрад ставіўся да найменшых зменаў палітычнай кан'юнктуры на Захадзе, можна зразумець, што Аляксандр II як мінімум першыя тры месяцы паўстання ў літоўска-беларускіх губернях не хацеў выкарыстоўваць гвалтоўныя метады ўзнаўлення лаяльнасці сваіх падданых.

Прызначэнне М. М. Мураўёва замест У. І. Назімава азначае для самога Назімава цалкам ганаровае выйсце са складанай і практычна безвыходнай сітуацыі. Адстаўлены генерал-губернатар Назімаў вяртаецца ў Пецярбург цалкам упэўнены ў тым, што ніякае пакаранне за бяздзеянне яму не пагражае, што стаўленне імператара да яго засталося такім жа, якім і было раней.

Сам жа Мураўёў ушанаваны сумнеўным «гонарам» — прызначэннем на пост... ка́та: «для чего тут отыскивать доктора, который вместо того, чтобы отнять деликатным скальпелем пораженный гангреною палец, возьмет топор и отхватит по локоть целую руку?»[53]. Ён гэта добра разумеў і сфармуляваў сваю праграму — а фактычна праграму імператара — як праграму ката. Нават калі шчырасць праграмы і збянтэжыла Аляксандра II, выбару ў яго не было: верагодна, былы сябра Саюза Дабрадзенства быў адзіным чалавекам, які не толькі адэкватна зразумеў пастаўленую задачу, але і паводле маўклівай згоды мусіў пры гэтым стаць катам з шырокімі адміністратыўнымі паўнамоцтвамі.

Калі ўспомніць, як менавіта мог атрымаць М. М. Мураўёў сваю сумнавядомую мянушку Вешальнік, можна сказаць, што спачатку была створана рэпутацыя, а пасля гэты кемлівы

[53] Менавіта так успрымаў місію Мураўёва літаратар і гісторык М. В. Берг, які зусім не лічыўся прыхільнікам адрывання Літвы і Беларусі ад імперыі — гл.: Берг Н. В. Граф Михаил Николаевич Муравьев. К его «Запискам», напечатанным в «Русской Старине» изд. 1882–1883 гг. // Русская старина. 1883. Т. 38. № 4. С. 221.

чалавек зрабіў усё, каб сваёй рэпутацыі адпавядаць. Так, у вядомым фільме С. М. Эйзенштэйна Іван IV, паглядзеўшы на «пещное действо», якое выкрывала яго, і пачуўшы дзіцячае пытанне, ці гэта грозны цар язычніцкі, адказаў: «Грозным зовете? Грозным буду!».

Вярнуўшыся ў Пецярбург, генерал ад інфантэрыі М. М. Мураўёў атрымаў з рук імператара ўзнагароды і знакі пашаны, аднак не атрымаў ні даверу, ні павагі. У 1863 годзе яго выклікалі з Масквы, дзе ён знаходзіўся ў стане негалоснай няміласці, загадзя ведаючы, што няміласць яго ж і чакае[54]. Паслугі ката заўжды каштавалі дорага, але мала хто хацеў сябраваць з катам. Дакладна гэтак жа, напрыклад, Мікалай I ахвотна скарыстаўся паслугамі епіскапа Іосіфа Сямашкі ў справе знішчэння ўніі, аднак да яго асабіста ставіўся з непрыхаванай грэблівасцю.

Верагодна, менавіта так былы кіраўнік Паўночна-Заходняга краю прыйшоў да думкі пра неабходнасць самаапраўдання. Ён быў ужо стары і спяшаўся.

У атачэнні Мураўёва было шмат людзей, якія ўмелі валодаць пяром. Некаму, як, напрыклад, генералу В. Ф. Ратчу, Міхаіл Мікалаевіч сам даручыў напісаць працу па гісторыі паўстання і загадаў забяспечыць гэтага афіцыйнага гістарыёграфа свайго кіравання ў краі ўсімі неабходнымі дакументамі. Нехта, як будучы мінскі віцэ-губернатар І. А. Нікоцін, грашыў вершыкамі,

[54] К. Р. Баленка дазволіў нам працытаваць яго меркаванне, выказанае у прыватным лісце пры знаёмстве з адным з варыянтаў дадзенай прадмовы: «Любопытно, насколько при описании службы М. Н. Муравьева существенными оказываются факторы, которые в середине и даже в первой половине 19 века уже постепенно теряли свою силу: личное доверие монарха, личное его отношение, личное уважение. “Опала” имеет такое значение, словно мы оказываемся в 16 или 17 веке. Эта ориентация на личные отношения, а не на “просто” службу с обязательным участием в долговременных или мимолетных “партиях” и группировках, это одиночество в бюрократической сети действительно придают М. Н. Муравьеву нечто исключительное: пожарное, кризис-менеджерское, палаческое, киллерское. Он хочет постоянной власти и постоянной близости, а может рассчитывать почти исключительно на работу по необходимости, на “заказы”, промежутки между которыми трактует как опалу».

прычым адзін з іх, «Бокал заздравный поднимая...», настолькі атрымаўся, што, хоць ён і быў апублікаваны ў мемуарах Ніко-ціна яшчэ да рэвалюцыі, К. І. Чукоўскі палічыў за «мураўёў-скую оду» М. А. Некрасава, якая прапала без вестак[55]. Нарэш-це, вельмі і вельмі многія, адчуваючы гістарычны характар ча-су, у які яны жывуць, і сітуацыі, у якой дзейнічаюць, ужо пры жыцці Мураўёва пачалі рыхтаваць матэрыял для сваіх будучых мемуараў.

Адным з такіх людзей быў дваццацігадовы Аляксандр Мі-калаевіч Масолаў (1844–1904) — сакратар Мураўёва ў 1863–1865 гадах, які пазней даслужыўся да пасадаў губернатара і чле-на Дзяржаўнага савета. Яму стары адстаўнік і прадыктаваў свае ўспаміны, мэтаю якіх, па вялікім рахунку, была расстаноўка акцэнтаў.

Сэнс гэтых акцэнтаў быў да банальнага просты. Ёсць «яны» і ёсць «мы». Прычым «яны» — гэта нават не паўстанцы: да паўстанцаў, асабліва палякаў і католікаў, Мураўёў адносіўся як да аб’ектыўнага рэальнага ворага, якога трэба знішчыць.

Гэта відаць па самой стылістыцы яго мемуараў: часцей за ўсё згадкі пра людзей, захопленых са зброяй ці без і пакараных смерцю, не выклікаюць у яго практычна ніякіх эмоцый. Лёсы гэтых людзей для яго — пытанні кіравання давераным яму кра-ем і статыстыка, што выкарыстоўваецца для справаздачы перад імператарам.

«Яны» — гэта пецярбургская ўлада, вышэйшы эшалон ра-сійскай бюракратыі, чытачы выданняў лонданскіх эмігран-таў. «Яны» — здраднікі-лібералы, якія насмеліліся супярэчыць сродкам, што выкарыстоўваліся ім для задушэння паўстання. Гэта найперш вышэйзгаданы вялікі князь Канстанцін Міка-лаевіч і яго атачэнне, якім Мураўёў паслядоўна апаніраваў,

[55] Гл. пра гэта: Бухштаб Б. Я. О «муравьевской оде» Некрасова // Каторга и ссылка. 1933. № 12. С. 138–145. Пры перавыданні дадзенага даследавання аўтар адзначыў у спецыяльнай заўвазе: «После опубликования настоящей ста-тьи в 1933 году текст стихов Никотина в собрании стихотворений Некрасова больше, разумеется, не печатался» — Бухштаб Б. Я. Об исчезнувшем тексте Некрасова // Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов: Проблемы творчества. Л.: Сов. пи-сатель, 1989. С. 181.

яшчэ пачынаючы са свайго ўдзелу ў рэдакцыйных камісіях па сялянскай рэформе.

Гэтая канцэпцыя супрацьпастаўлення «іх» і «нас» ужо была апрабаваная былым віленскім генерал-губернатарам. В. Ф. Ратч, напрыклад, расказваў прысланаму ў Бабруйск у якасці мірнага пасярэдніка смаленскаму памешчыку М. К. Палявому, «как тяжело дался Муравьеву этот блестящий успех, какую борьбу пришлось ему вести с Петербургом; как трудно было ему подобрать себе помощников. Он признавал, что Муравьев до сих пор одинок, все должен сам обдумать, что эти усиленные труды расстроили его здоровье, сделали суровым, мрачным расположение духа его; но ум его светел, ясен, воля не поколебима»[56]. І гэты «кранальны» вобраз адзінокага старога, які ахвяраваў усім, у тым ліку здароўем і рэпутацыяй, дзеля ўдзячнай Айчыны і няўдзячнага цара, тыражыраваўся ў грамадскай свядомасці паслядоўна і мэтанакіравана[57].

Аднак успаміны былі патрэбныя Мураўёву перш за ўсё для таго, каб паставіць кропку ў свядомасці нашчадкаў. Ён апеляваў не да імператара, які асабіста чытаў усе ягоныя справаздачы і дакладныя запіскі, але меркавання свайго пра Мураўёва не змяніў. Ён апеляваў да будучыні.

Але і ад барацьбы за розумы сучаснікаў Міхаіл Мікалаевіч не адмаўляўся. Ён добра разумеў, што тыя рэзкія ацэнкі, якія даў ён вышэйшым службовым асобам Расійскай імперыі і членам царскай сям'і, не дазволяць яго мемуарам быць апублікаванымі пры яго ўласным жыцці, а дакладней, пры жыцці імператара Аляксандра II. Таму ўспамінам дыктатара Літвы і Беларусі

[56] Полевой Н. К. Два года // Русская старина. 1910. № 2. С. 267.

[57] Як справядліва адзначыў М. Дз. Далбілаў, пытанне ўласнага пазіцыянавання ў грамадскай думцы Расіі было для Мураўёва асноўным: «разыгрывая свое назначение как первый акт некоей политической драмы, он придавал миссии генерал-губернатора в Литве подчеркнуто самостоятельный, самоценный характер, а собственной фигуре — знаковую важность, статус живого символа» — гл.: Долбилов М. Д. Конструирование образов мятежа: Политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova 2000: сборник статей / под ред. А. И. Филюшкина. М.: Глобус, 2000. С. 338–408.

з самага пачатку быў наканаваны лёс самвыдата — тым больш прывабнага, чым суб'ектыўнейшыя ацэнкі ў іх утрымліваліся. Рабіліся пісарскія копіі; вытанчана пераплеценыя, яны ўпрыгожвалі сабой бібліятэкі блізкіх да Мураўёва асоб (напрыклад, П. А. Вяземскага), апанентаў (П. А. Валуева, жанатага з унучкай Вяземскага), стаялі ў кніжных шафах Зімняга палаца і іншых пецярбургскіх палацаў і асабнякоў.

Разуменне таго, хто будзе чытаць гэтыя ўспаміны, не толькі не стрымлівала Мураўёва ад рэзкасці, але, наадварот, стымулявала яе. Былы генерал-губернатар, які ніколі не лез за словам у кішэню пры палеміцы з апанентамі, не хаваў сваёй пазіцыі нават у афіцыйных дакументах[58], адкрыта хаміў. Успаміны, напісаныя ў манеры карцельнага выкліку, былі складнікам яго праграмы фарміравання ўласнага палітычнага іміджу на заключным этапе кар'еры. Міхаіл Мікалаевіч быў перакананы: у падзеленым грамадстве неабходна трымацца пэўнай пазіцыі,

[58] М. Дз. Далбілаў адзначае: «Официальному слогу Муравьева, не блиставшему стилистическим совершенством, не откажешь в индивидуальности, в особого рода драматической экспрессии. Общий тон его риторики был задан в первый же месяц генерал-губернаторства двумя публичными «объявлениями», от 2 июня и 23 июня: первое — отдельно сельским обывателям Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерний (тех из подведомственных Муравьеву, где действовал указ 1 марта 1863 г. об обязательном выкупе наделов), второе — «всем сословиям, населяющим край». Муравьев, почти не выходивший в Вильно из своего кабинета, а во время редких публичных встреч с представителями сословий сдержанный и немногословный (с дворянством и католическим духовенством — еще и сурово немногословный), придавал особое значение этим воззваниям, доносившим его голос до массы жителей края. Не будет преувеличением предположить, что в них взвешивалось каждое слово» — Долбилов М. Д. Конструирование образов мятежа: Политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova 2000: сборник статей. М.: Глобус, 2000. С. 338–408. Гл. таксама: Ратько А. Ф. Язык документов Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьёва как отражение политики царизма на белорусско-литовских землях (1863–1865) // Язык и межкультурные коммуникации: материалы III Международной научной конференции. Минск — Вильнюс, 17–20 мая 2011 г. Минск: УО «БГПУ имени М. Танка», 2011. С. 249–250.

каб перацягнуць на свой бок хоць бы палову грамадства, кіданне паміж лагерамі папулярнасці не дадасць.

Мураўёў перамог. Калі 4 красавіка 1866 года Дзмітрый Каракозаў здзейсніць чарговы няўдалы замах на жыццё Аляксандра II, у імператара проста не застанецца выбару: грамадская думка Расіі будзе перакананая, што толькі «ўтаймвальнік Літвы» зможа знайсці вытокі зробленага злачынства. Як адзначыў у сваім дзённіку П. А. Валуеў, «один факт, что за ним <М. М. Мураўёвым> послали, что его сочли нужным, изменил его снова и во внешних приемах и в настроении духа. Он иначе ходил, иначе садился, командовал рейткнехтами, сердился, что его заставляли ждать, и пр.»[59]. Нарэшце, ён спрабаваў апеляваць да грамадскай думкі, актыўна падтрымліваючы антыпольскую і антызаходнюю публіцыстыку рэдактара «Московских ведомостей» М. Н. Каткова.

Міхаіл Мікалаевіч атрымаў магчымасць прадэманстраваць, каго выбраў ён у якасці чарговай мішэні. Мураўёў не хаваў: паводле яго меркавання, за спінай дробнага шляхціца Сярдобскага павета Саратаўскай губерні стаялі значна больш уплывовыя асобы. Мураўёў шукаў змову, прычым, хоць караці яе — у пецярбурскім вышэйшым свеце, польскую змову — гэта было б вышэйшым доказам правільнасці яго думак. М. Дз. Далбілаў прыводзіць па архіўных крыніцах «курьезный рассказ об испытании, которому подверг в 1866 г. арестованного Д. В. Каракозова председатель Следственной комиссии, в недавнем прошлом виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев, страстно желавший представить покушение на Александра II частью «польской интриги». Поскольку Каракозов в первые дни допросов отказывался говорить, проверить чистоту его русского выговора, знание или незнание польского языка было затруднительно. Но Муравьева это не смущало. Для "разоблачения" Каракозова он — цитирую рассказчика — "...будто ненарочно уронил перчатку; потом, обращаясь к преступнику, сказал: 'Подними перчатку!' Когда тот исполнил его приказание, Муравьев, зорко наблюдавший его манеры,

[59] Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 117.

объявил ему решительно: ‘Ты поляк!’ Говорят, злодей (то есть Каракозов. — *М. Д.*) трясся всем телом”»[60].

Шукаў — але не знайшоў[61]. Гэта было яўнай няўдачай, і той розгалас, на які разлічваў старшыня следчай камісіі, быў згорнуты на ягонае ж пажаданне: «сначала он хотел весьма многое напечатать в газетах; потом он пожелал напечатать поменьше; теперь почти ничего печатать не хочет», — адзначаў у дзённіку яго апанент, міністр унутраных спраў П. А. Валуеў[62].

---

[60] Цыт. паводле выд.: Долбилов М. Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. Пар. з запісам у дзённіку П. А. Валуева: «В 4 часа утра меня разбудили с корректурою... статьи, присланной для «Северной почты». Государь два раза ее возвращал к Муравьеву, который хотел непременно упомянуть о западных губерниях, хотя до сих пор нет ни одного нерусского имени между привлеченными к делу» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 119.

[61] Для таго каб атрымаць чаканыя сведчанні, у справу ішлі разнастайныя сродкі. У прыватнасці, адзначае той жа П. А. Валуеў, «ген. Муравьев, узнав, что в Каракозове проявляются признаки набожности, вздумал отслужить... обедню в комендантской церкви, за которою присутствовал он, гр. Муравьев, и Каракозов. Потом он допрашивал Каракозова в надежде на большую откровенность, но Каракозов, по словам ген. — м. Огарева, от которого я имею эти сведения, наговорил ему одни небылицы» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 131. Аднак прымяняліся не толькі падобныя ханжаскія прыёмы. Паводле ўспамінаў чыноўніка для асаблівых даручэнняў пры віленскім генерал-губернатары П. А. Чарэвіна, які пазней пераехаў следам за Мураўёвым у Пецярбург, «допросы продолжались безостановочно по 12–15 часов. В течение этого времени допрашиваемому не позволялось не то чтобы сесть, но даже прислониться к стене. Ночь не была покоем, ибо в течение оной его будили раза три в час...» — Черевин П. А. Воспоминания: 1863–1865 гг. Кострома, 1920. С. 5. Дзевятнаццацігадовы Ф. П. Лапкін, які быў арыштаваны па справе, але адмовіўся ад сваіх ранейшых сведчанняў, так заявіў на судзе: «Мне угрожали... что они меня отправят к Михайле Николаевичу Муравьеву, а между нами был слух, что Михайло Николаевич подвергает пытке Каракозова... Об этом я говорил комиссии — мне отвечали: «Может быть, Михайло Николаевич и подвергал Каракозова пытке, не знаем». Для меня это было положительным ответом. После всех этих угроз я решился было покончить с собой и хотел изойти кровью... Вот почему я принял на себя такое страшное обвинение в том, в чем я никогда не был виновен...» — цыт. паводле: Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. С. 73.

[62] Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 135.

І памёр. Памёр за дзень да смерці Каракозава на шыбеніцы, «в своей лучшей деревне, куда выехал на несколько дней»[63]. На пахаванні прысутнічалі імператар і вялікія князі. Паслядоўны апанент былога віленскага губернатара, Аляксандр Герцэн, пісаў з гэтай нагоды: «Разлагающийся труп Муравьева на пути к виселице Каракозова — такое страшное, громкое поучение. Имя Муравьева останется выжженным на царском плече, как имя Аракчеева на плече Александра I. Когда же, Россия, умоешься? Обмойся, оботрись — на твоих губах остался скверный след поцелуев Муравьева»[64].

Герцэн не паспеў канчаткова расчаравацца. Ён не ўбачыў, як, запознена адзначаючы стагоддзе М. М. Мураўёва, у Вільні быў узведзены помнік работы вядомага скульптара М. А. Чыжова, грошы на які збіраў народ па ўсёй Расіі, прыраўнаўшы такім чынам «утаймавальніка Літвы і Беларусі» да найвялікшага рускага паэта. Так Расія дзякавала чалавеку, жорсткасць якога стала на дзесяцігоддзі візітоўкай яе нацыянальнай палітыкі.

Зрэшты, была і іншая ўдзячнасць. Вядомая пазней беларуская грамадская і культурная дзеячка Паўліна Мядзёлка ўзгадвала: «Іду... на Дварцовую плошчу ў шэры дом, што насупраць сквэру з помнікам Мурав'ёву-вешацелю. Каля помніка спацыруе ўзад і ўперад гарадавы. Я ўспомніла, што мне апавядалі аб гэтым помніку. Даўней не было тут гарадавога. Ён паявіўся пасля адной штукі, якую выкінула віленская моладзь. Набралі хлопцы ў бойні трыбухаў і кішок, ноччу абчапілі імі помнік з галавы да ног, а на пастамент вылілі некалькі бутэлек валерыянкі. Зляцеліся са ўсяго гораду сабакі да трыбухаў, а каты на пах валерыянкі. І што там тварылася ў падножжа помніка, можна сабе ўявіць! З таго часу гарадавы і днём і ноччу сцеражэ гэты помнік»[65].

Дапільнаваць яго, аднак, не атрымалася. Падчас Першай сусветнай вайны помнік Мураўёву давялося за шыю сцягнуць

---

[63] Валуеў П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 146.

[64] Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 19. С. 137

[65] Гл.: Мядзёлка П. Сцежкамі жыцця // БДАМЛіМ. Ф. 403. Воп. 1. Адз. зах. 3. С. 54–55.

з пастамента, каб адвезці ўглыб Расіі — як і помнік Кацярыне II, якая некалі сілай зброі далучыла непакорлівы край да сваёй імперыі. Далейшы лёс манумента невядомы.

Затое вядома іншае.

Як ніхто з расійскіх палітыкаў мінуўшчыны, Міхаіл Мураўёў працягвае жыць у свядомасці інтэлектуальнай эліты, якая абгрунтоўвае сваё права на постсавецкую прастору. Мураўёў — удалая магчымасць абаперціся на мінулае. Расійскія нацыяналісты бачаць у ім прыклад таго, як можна ўратаваць імперыю ад распаду; нацыяналісты дзяржаў, што зноў набылі суверэнітэт пасля 1991 года, — доказ бясконцых імперскіх намераў расійскага народа. Для адных ён — прыклад страшнай ксенафобіі, для іншых — гістарычнае пацвярджэнне эфектыўнасці дыктатуры. Дыяпазон гістарычных ацэнак дастаткова шырокі, можна выбіраць, кім, па-вашаму, з'яўляецца М. М. Мураўёў — «талантливым администратором и организатором»[66] ці «пачварай дэспатызму»[67].

Праблема палягае ў тым, што ні вялікім патрыётам, ні пачварай дэспатызму Міхаіл Мікалаевіч не быў. Неардынарны чалавек, ён быў, як ні банальна гэта гучыць, сынам свайго часу. Жорсткі і валявы кіраўнік у ім спалучаўся з карупцыянерам, а патрыёт — з сапраўдным кар'ерыстам. Але ў адрозненне ад іншых сваіх сучаснікаў Мураўёў змог найбольш яскрава ўвасобіць у сабе рускі варыянт тыпу дзейснага імперыяліста. Ён служыў імперыі верна, ахвотна знаходзячы пры гэтым для сябе магчымыя асабістыя выгоды, — аднак апошняе ў памяці нашчадкаў застаецца не заўсёды.

Не ведаем, ці атрымліваў Мураўёў насамрэч задавальненне ад выканання той ролі ката, якую добраахвотна ўзяў на сябе. Лёс Міхаіла Мікалаевіча склаўся так, а не інакш, магчыма, якраз таму, што ўсе мажлівыя спалучэнні супрацьлегласцяў былі і для яго, і для часу, у якім ён жыў, зусім натуральныя. І той факт, што з усяго атачэння Аляксандра II запатрабаваны

---

[66] Трещенок Я. И. История Беларуси. Ч. 1. Дооктябрьский период. Могилев: МГПУ имени А. А. Кулешова, 2003. С. 133.

[67] Feliński Z. Szcz. Pamiętniki. Warszawa: Pax, 2009. S. 528.

сёння аказваецца найперш Мураўёў, а не, скажам, сапраўды выбітныя рэфарматары браты Мікалай і Дзмітрый Мілюціны або выдатны юрыст Дзмітрый Замятнін, сведчыць пра тое, што грамадства да гэтага часу не вылечылася ад імперскага сіндрому. Міф пра тое, як Расія супрацьстаяла магчымай агульнаеўрапейскай інтэрвенцыі і абараніла сваю цэльнасць і гэта — дзякуючы самаахвярнаму, хоць і жорсткаму кіраўніку, — аказаўся цяпер. Фантомны боль ад непазбежнага распаду імперыі працягвае нагадваць пра сябе, шчыміць: маўляў, каб быў замест Міхаіла Гарбачова Міхаіл Мураўёў — і ўсё ўдалося б захаваць!..

Але тыя, хто думае, што выратаваць імперыю ад распаду магчыма, тыя, хто зноў і зноў спрабуе ажывіць графа Віленскага, забываюцца: на змену Міхаілу Мураўёву непазбежна прыходзіць Ігнат Грынявіцкі, а затым — і Фелікс Дзяржынскі. Пра гэта варта памятаць, чытаючы ўспаміны, якія вы трымаеце ў руках.

* * *

Тэкст успамінаў М. М. Мураўёва друкуецца паводле адзінага сучаснага выдання: «Готов собою жертвовать...». Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. / [сост., вступ. ст., коммент. К. В. Петрова]. М.: Пашков дом, 2008. Мы вымушаныя былі звярнуцца менавіта да дадзенай публікацыі, бо яна ўзнаўляе поўны тэкст копіі мемуараў М. М. Мураўёва, які захоўваецца ў Расійскай дзяржаўнай бібліятэцы (Масква). Пасмяротныя публікацыі ўспамінаў у XIX стагоддзі, як мы адзначалі вышэй, утрымлівалі вымушаныя купюры.

Мы не мелі магчымасці супаставіць апублікаваны К. В. Пятровым тэкст з іншымі вядомымі копіямі мемуараў М. М. Мураўёва з прычыны сціснутых тэрмінаў падрыхтоўкі нашага выдання і адсутнасцю такой задачы. Верагодна, у будучыні мы паспрабуем вырашыць і яе.

Асобна неабходна сказаць пра прынцыпы адбору матэрыялу для каментароў да «Нататак пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра задушэнне ў ім бунту 1863–1864 гг.».

Успаміны Мураўёва, як мы ўжо казалі вышэй, — не толькі ўласна мемуары, але і палітычная публіцыстыка. Многае аўтар робіць свядома: замоўчвае асобныя факты, дае экспрэсіўныя ацэнкі людзям і падзеям. Любы мемуарны тэкст непазбежна суб'ектыўны, але тэкст палітычны — суб'ектыўны ўдвая. Менавіта таму мы імкнуліся пры падрыхтоўцы дадзенага выдання не толькі змясціць у каментарах кароткія даведкі пра ўзгаданых мемуарыстам людзей, падзеі і з'явы, але найперш даць магчымасць пачуць і іншыя ацэнкі і пункты гледжання.

Як мы пісалі вышэй, захавалася мноства сведчанняў сучаснікаў пра мураўёўскую эпоху. Таму пытанне адбору матэрыялу для нас з'яўляецца прынцыповым. Мы імкнуліся прыводзіць меркаванні ў першую чаргу тых, хто прысутнічаў пра апісаных падзеях, быў знаёмы з людзьмі, якім Мураўёў даваў характарыстыкі (таму, напрыклад, лічым магчымым цытаваць П. У. Далгарукава і не прыводзіць характарыстыкі, дадзеныя А. І. Герцэным).

У асобе М. М. Мураўёва мы маем справу з чалавекам, які займаў не толькі пэўную палітычную і маральную пазіцыю, але і высокі дзяржаўны пост. Пра многае мяркуе ён з пункту гледжання лічбаў. Аднак за статыстыкай паўстаюць чалавечыя жыцці, як за прысудамі — чалавечыя смерці. Менавіта таму мы лічылі неабходным прадэманстраваць сучаснаму чытачу тое, чаго не заўважыў ці не пажадаў заўважыць віленскі генерал-губернатар. Часам прыведзеныя намі сведчанні дапаўняюць, часам удакладняюць ці зняпраўджваюць аўтара «Нататак...». Але ўсе мемуарысты пры гэтым валодаюць у нашых вачах прэзумпцыяй невінаватасці і маюць права на сваё меркаванне: суб'ектыўнасць аўтара каментараў праяўляецца толькі ў выкарыстанні ім права на адбор таго ці іншага фрагмента тэксту.

* * *

Аўтар прадмовы і каментара ўдзячны Канстанціну Баленку (Масква), Сямёну Букчыну (Мінск), Вользе Гарбачовай (Мінск), Міхаілу Далбілаву (Каледж Парк, Мэрыленд), Ганне

Запартыцы (Мінск), Марыне Запартыцы (Мінск), Леаніду Лаўрэшу (Ліда), Паўлу Лаўрынцу (Вільнюс), Уладзіміру Леўшуку (Гродна), Дзмітрыю Матвейчыку (Мінск), Анатолю Сідарэвічу (Мінск), Алесю Смаленчуку (Гродна), Сяргею Струнцу (Брэст) і Паўлу Каганеру (Санкт-Пецярбург) за кансультацыі ў працэсе падрыхтоўкі гэтай кнігі. Асаблівая ўдзячнасць Марыне і Ціхану Чарнякевічам, якія пераклалі навуковы апарат выдання на беларускую мову, а таксама яшчэ раз Дзмітрыю Матвейчыку, Сяргею Харэўскаму, Вользе Гарбачовай і Дзмітрыю Вінаходаву (Санкт-Пецярбург), якія дапамаглі скласці альбом з ілюстрацыямі да нашай кнігі.

Аляксандр Фядута

Глава I
Управление Северо-Западным краем[1]

В конце 1861 года, по причине совершенно расстроенного здоровья, я просил об увольнении меня от звания Министра государственных Имуществ[2]; к этому я был еще более побуждаем направлением, которое получали в то время все правительственные дела[3], т. е. полное и совершенное распущение и ослабление всякой власти, развитие демократических начал во всех сословиях, по особенному на то влиянию В<еликого> К<нязя> Константина Николаевича[4], который явно во всех комитетах и правительственных делах заявлял эту мысль и вел к тому дела, а в особенности при составлении положения об освобождении крестьян, в которое вводил он много таких начал, которые, если б были приняты, то, конечно, произвели бы большие в государстве беспорядки и неустройства.

Таким образом, по издании манифеста 19 февраля о прекращении крепостного права[5], Государь[6] настаивал, чтобы немедленно было передано в общее неустроенное еще положение помещичьих крестьян все управление государственных крестьян, невзирая на то, что еще не было никакого управления помещичьими крестьянами и неизвестно было, чем окончится эта реформа. Я старался уверить Государя, чтобы выжидать, по крайней мере, пока увидят последствия прекращения крепостного права и устройства мировых учреждений, но великий князь старался увлечь Государя к исполнению его идеи, т. е. к уничтожению всякого порядка управления, со введением демократических начал. Государю угодно было, чтобы непременно государственные крестьяне были переданы в общее управление в сентябре 1861 года. К этому времени проект положения был составлен[7], но я еще раз упрашивал Государя не увеличивать неустройства внутреннего управления прибавлением 9 миллионов государственных крестьян и выждать некоторое

время, пока вполне будут видимы последствия реформ. Хотя Государь не согласился, но, по-видимому, обстоятельства заставили Его воздержаться от исполнения своего предположения и дело не получило дальнейшего направления, потому что В<еликий> К<нязь> Константин Николаевич хотел составить новое положение, отдавая Государственным крестьянам в собственность казенные земли, по примеру помещичьих. Это предположение его встретило много возражений, и дело осталось без исполнения до 1866 года.

Между тем я оставил в исходе 1861 года министерство и в марте 1862 года отправился за границу для лечения.

Возвратившись из-за границы осенью 1862 года и находя необходимым в следующем году вновь ехать за границу для лечения, я попросил себе увольнения от управления Департаментом уделов[8], сохранивши звание члена Государственного Совета[9] и присутствующего в Комитете Министров[10].

В 1863 году начавшиеся с 1861 года волнения в Западном крае[11] приняли характер вооруженного восстания. Правительство наше, послаблявшее до того времени всем Польским проискам и революционным манифестациям, коим сочувствовала в России вся демократическая партия, устрашилось неминуемых бедственных для России от того последствий. В<еликий> К<нязь> Константин Николаевич и Маркиз Вельепольский[12], поставленные еще в июне 1862 года во главе управления Царства Польского[13], равно способствовавшие развитию революционной партии в Царстве и имевшие до того времени большую поддержку в Петербурге между правительственными лицами, начали уже терять свое влияние во мнении Государя и, вообще, Петербургского общества, устрашенного быстрым развитием вооруженного мятежа, как в Царстве Польском, так и, в особенности, в Северо-западных губерниях. Польская революционная партия была покровительствуема Западными европейскими державами, которые, видя слабость нашу и значительное сочувствие высшего общества и вообще демократической русской партии польскому делу, признали возможным настойчиво требовать восстановления Польши[14].

Правительство наше, испуганное совершающимися в Западных губерниях событиями, угрожаемое опасностью от европейских держав, долго еще колебалось предпринимать решительные меры к укрощению мятежа. В Царстве Польском В<еликий> К<нязь> Константин Николаевич, также устрашенный, не решался ни на какие строгие меры и мятеж возрастал ежедневно. В Литовских губерниях генерал-губернатор Назимов[15], человек глупый и слабый, но пользовавшийся полным доверием Государя и личною даже привязанностью Его, при всей своей добросовестности, не понимал положения края и не находил никаких разумных средств к подавлению мятежа. Впрочем, надо в оправдание его сказать, что направление, даваемое из Петербурга преимущественно Министром внутренних дел Валуевым[16], шефом жандармов кн<язем> Долгоруковым[17] и министром иностранных дел кн<язем> Горчаковым[18], не давало ему возможности действовать твердо и решительно, ибо первые два заботились только о том, как примириться с поляками и склонить их к снисхождению к России разными уступками, которые, как известно, еще более возрождали в них самоуверенность в успехе, а последний — кн<язь> Горчаков, разделяя систему действий Валуева, Долгорукова, В<еликого> К<нязя> Константина Николаевича и Вельепольского (который овладел почти всеми правительственными умами в Петербурге в последнюю бытность в столице), страшился еще угроз Западных держав, которые настойчиво требовали признания независимости Польши в пределах 1772 года[19]. Государь колебался и чувствовал необходимость решительных мер. Из Варшавы (от В<еликого> К<нязя> Константина Николаевича) прибыла депутация Замойского[20], который на аудиенции у Государя настойчиво требовал автономии Польши и восстановления ее в пределах 1772 года[21].

Страх правительства нашего был так велик, что Замойского приняли и выслушали весьма милостиво, хотя не согласились на его предложение, не смели подвергнуть его ответственности и отпустили его, с обязательством лишь ехать за границу и не возвращаться в Царство. Замойский по прибытии в Париж

огласил слабость, колеблемость нашего правительства; а между тем в Варшаве революционеры обеих партий Замойского и Вельепольского возымели намерение возвести В<еликого> К<нязя> Константина Николаевича на Польский престол[22], чему особенно сочувствовала В<еликая> К<нягиня> Александра Иосифовна[23]. День и час представления депутации во дворец В<еликого> К<нязя> Константина Николаевича был уже назначен, но накануне приведения этого намерения в исполнение обе партии перессорились, и дело осталось без последствий. Намерение сказанной депутации представиться В<еликому> Князю, с предложением принять корону Польскую, было известно как самому В<еликому> Князю, так и правительственным лицам в Варшаве. Назначены были даже два батальона для присутствования при проходе депутации пред дворцом и с тем, чтобы не допускать к оному народной толпы. В<еликий> Князь хотел принять депутацию, но вместе с тем намеревался высказать всю неуместность их предложения и приказать им разъехаться.

В Петербурге, в начале марта месяца, кн<язь> Горчаков склонил Государя к изданию Манифеста об амнистии всех поляков, которые положат оружие к 1-му мая[24]. Мера эта послужила еще к вящему поощрению их к мятежу. Они увидели из нее страх, обуявший наше правительство, и Западные державы еще более стали настаивать на исполнении прежних требований насчет Польши.

Дела в Царстве Польском и западном крае более и более запутывались и усложнялись; насилия, грабежи, неистовства, производимые мятежными шайками над Русскими, захваченными везде врасплох, увеличивали обуявший наши правительственные лица страх. Они боялись уже не за Литву, а за Петербург и за себя; они страшились за всеобщее развитие демократических начал. В Петербурге, во второй половине апреля между главными правительственными деятелями была всеобщая паника. События под Динабургом[25], т. е. разграбление графом Платером[26] транспорта с оружием, до того устрашили Петербург, что по железной дороге был послан Уланский полк

для усмирения этой ничтожной шайки, с которою не могли справиться местные власти, потому что само высшее правительство не принимало на месте никаких мер. Министерство внутренних дел и жандармская часть вполне бездействовали. Надо заметить, что восстание Динабургское было перетолковано поляками, имевшими большое влияние на Петербургские власти, совсем иначе, чем было. Жандармерия уверяла, что это — бунт раскольников против помещиков, что это предвещает резню, бывшую в Галиции в 1848 году[27], что Платеры, Моли[28] и прочие помещики совершенно покойны и нет никакого заговора против правительства. Виленский окружной жандармский генерал[29] Гильдебрандт[30], в душе поляк и имеющий много родных в Динабургском и Режицком[31] уездах, всеми средствами уверял, что нет мятежа и что надо смирить старообрядцев, которые грабят мызы помещичьи[32]. Кн<язь> Долгоруков уверил в этом Государя и 16 числа испросил высочайшее повеление отправить туда войско и генерала для усмирения старообрядцев, которые управлялись министерством государственных имуществ и известил о том министра Зеленого[33]. Генерал-адъютант[34] Зеленый, знавший превратное толкование этого дела со стороны жандармов, в вечеру 16 числа отправился к Государю, объяснил ему настоящее положение дела, испросил отмену посылки особого генерала от шефа жандармов и разрешение о представлении министру государственных имуществ прекратить тамошние беспорядки без вмешательства жандармов, для чего и послан был им служивший в министерстве генерал-лейтенант Длотовский[35], с предоставлением ему прав начальника той местности. Генерал Длотовский, по прибытии в Динабург, обнаружил настоящее положение дел; весь заговор тамошних помещиков и развившийся мятеж во всех соседних уездах как Витебской, так и Виленской губерний, причем принял меры к сохранению крепости Динабурга, в которой все управление было в руках польских чиновников и почти не было для сохранения оной войск, кроме одного резервного батальона и прибывающих для укомплектования его рекрутов. Динабург не был взят мятежниками по собственному

их бессмыслию, ибо, не дождавшись предназначенного им дня для взятия его (что можно было сделать весьма легко), граф Платер с<о> своими сообщниками семью днями ранее кинулись на транспорт, и тем обнаружился их замысел и вооруженный мятеж. Старообрядцы, ненавидевшие поляков, давно видели их приготовления к восстанию, и при первом покушении Платера все вооружились, отбили транспорт, рассеяли шайку и взяли самого Платера[36]. Не ограничиваясь сим, старообрядцы отправились по Динабургскому и Режицкому уездам укрощать мятеж и тем самым отняли возможность сформироваться собиравшимся мятежным бандам. Поляки испугались, в особенности помещики, ибо увидели, что все их замыслы уничтожены одними старообрядцами, которые, за неимением войск, сами усмирили мятеж в Динабургском уезде. Вот причина всех возгласов, бывших в Петербурге, против старообрядцев, которые подверглись бы страшному гонению от нашего правительства за исполнение ими верноподданнической присяги. Таково было настроение петербургского Управления. Генерал Зеленый первый показал необходимость принять решительные меры против мятежа и противодействовать Петербургским деятелям.

По причине возгоревшегося мятежа я не признавал возможным оставлять Россию и потому отложил предположение о поездке за границу.

17 апреля, в день рождения Государя, я был на малом выходе[37], в церкви, там только и говорили о Динабургском происшествии. Государь подошел ко мне и спросил: «Слышали ли вы, что случилось в Динабурге?» Я отвечал Его Величеству, что слышал и этого надо ожидать было не только в Динабурге, но и везде в западных губерниях и в особенности в Ковенской. (Надо заметить, что до апреля месяца Ковенский губернатор[38] и Виленский генерал-губернатор уверяли, что в Самогитии[39] все спокойно и никаких нет приготовлений к мятежу, тогда как там было все его основание.) Государь отвечал мне, «что послал туда полк и надеется, что все будет прекращено». Я же старался Его уверить в противном, прибавив, что уже более 30 лет знаю тот край[40] и что те фамилии, которые замешаны

в Динабургском деле, участвовали и в мятеже 1831 года[41]. Тем и прекратился разговор мой с Государем.

Между тем восстание Европейских государств против нас увеличивалось, по-видимому, готовились грозные силы в особенности во Франции, где польские революционеры с необыкновенным успехом вооружали общественное мнение против нас[42]. Правительство наше готовилось к отпору. Войска наши были в самом неустроенном положении, и только что формировались из кадров[43]. Батальоны, квартировавшие в Западном крае, наполнялись рекрутами, которые в апреле месяце едва прибывали в оные и не были ни вооружены, ни одеты. В Литве стояли только 1-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии, с которыми можно было предпринять войну; остальные же едва только могли бороться с мятежными бандами. Правительство вынуждено было отправить в Литву 2-ю гвардейскую пехотную дивизию, потому что там не было войска и в случае войны с Европой нельзя было дать отпора. Ввиду европейского напора и могущих быть военных действий в апреле месяце вызван был брат мой генерал-адъютант Николай Николаевич[44] для совещания о защите всего прибрежья от Свеаборга в Финляндии до границы Пруссии[45].

В апреле <25-го> брат мой был у Государя, и, как я после узнал, Государь был очень расстроен полученными из Литвы сведениями. Я ожидал с нетерпением возвращения брата от Государя, чтобы узнать о ходе дел на западе, как вдруг приезжает от Государя фельдъегерь с приглашением меня к Нему. Я немедленно отправился во дворец и нашел в аванзале Государя одного министра иностранных дел кн<язя> Горчакова, очень смущенного. Я у него спросил: не знает ли он, зачем Государь меня требовал и кто теперь у Государя? Он отвечал, что у Его Величества еще мой брат и что Государю угодно со мной поговорить о делах Западных губерний. Не прошло пяти минут, брат вышел от Государя и сказал, что Государь меня требует. (Ему Государь объявил о своем намерении насчет меня.)

Взойдя к Государю, я его нашел весьма смущенным[46]. Он мне рассказал о положении Литвы и Царства Польского, обо всех

своих опасениях относительно возможности удержать за нами Литву, в особенности при европейской войне, которую должно ожидать после сделанных нам угроз Франциею и Англиею. При этом Его Величество сказал, что имеет до меня просьбу, чтобы я принял управление Северо-Западным краем, с командованием всеми войсками, в нем расположенными и с присоединением к 4-м губерниям Виленского генерал-губернаторства 2-х Белорусских[47]; он надеется, что я прекращу там мятеж и приведу там все в надлежащий порядок, что он дает мне полные права действовать по усмотрению надобности и что от меня будет зависеть, по укрощении мятежа, ежели пожелаю, или оставаться там генерал-губернатором, или возвратиться.

Предложение Государя для меня было совершенно неожиданно. Мне и в мысль не приходило, что я послан буду в Литву, а в особенности когда, оставляя министерство, я видел нерасположение Государя, направляемое против меня В<еликим> К<нязем> Константином Николаевичем, которого Государь оставлял еще в Царстве Польском. На предложение Государя я отвечал, что, как русскому, было бы бесчестно мне отказываться от возлагаемой на меня Его Величеством обязанности. Всякий русский должен жертвовать собою для пользы отечества, и потому я беспрекословно принимаю на себя обязанность генерал-губернатора в том крае, что от Его Величества будет зависеть приказать мне оставаться там столько времени, сколько он найдет нужным. Но что вместе с тем прошу со стороны Его Величества доверия, ибо, в противном случае, не может быть никакого успеха. Я с удовольствием готов собою жертвовать для пользы и блага России, но с тем вместе желаю, чтобы мне были даны и все средства к выполнению возлагаемой на меня обязанности, и главнее всего условиться предварительно в системе действий. При чем я сказал Его Величеству, что нахожу действия по управлению Царством Польским вовсе несоответствующими настоящим обстоятельствам. Необходимо, чтобы как в Западных губерниях, так и в Царстве Польском была одна система, т. е. строгое преследование крамолы и мя-

тежа, возвышение достоинства Русской национальности и самого духа в войске, которое теперь негодует от того, что оно, будучи постоянно оскорбляемо поляками, не имеет даже права противодействовать их буйству; что необходимо дать решительный отпор иностранным (государствам) державам, которые будут всеми средствами опорочивать предлагаемую мною систему строгого преследования мятежа и польского революционного (мятежного) духа, что необходимо, дабы и министры Его Величества были проникнуты такою же системою и теми же мыслями, ибо в противном случае не может быть успеха в действиях на местах. Все это, совокупно взятое, заставляет меня просить Его Величество еще раз обсудить: не найдет ли он другое лицо для выполнения возлагаемого на меня теперь поручения, система действий которого привлекла бы к себе более расположение Европы и петербургских правительственных лиц. Я вперед знаю, что система моих действий не будет нравиться, но я от нее отступить не могу и заявляю впредь, ибо знаю довольно народ польский и уверен, что уступчивостью и послаблением мы только ухудшим дело, а единственно мерами строгой справедливости и преследования крамолы мы можем восстановить спокойствие в крае. При этом я выразил Его Величеству мое убеждение, что край тот есть искони Русский, что мы сами его ополячили[48], и что опыт 1831 года нам не послужил в пользу, и что теперь надобно решительно подавить мятеж, уничтожить крамолу и восстановить Русскую народность и православие в крае. Говоря о политическом и нравственном положении края, я ссылался Его Величеству на приобретенный мною опыт в распознании Польского характера и враждебных его против России направлений, что в бытность мою в том краю, т. е. в Витебске Вице-губернатором, и, находившись во время всего похода 1831 года в Литве при главнокомандующем графе Толстом[49], который вверил мне все распоряжения по гражданской части во время мятежа, я мог узнать как тот край, так и революционные замыслы и Польские крамолы.

На все это Государь мне ответил, что он благодарит меня за самопожертвование и готовность принять эту нужную обузу,

что он вполне разделяет мой образ мыслей, предлагаемую систему и от оной не отступится.

Весь этот разговор с Государем был так неожидан, что когда мне Государь сказал, что поэтому можно отдать в приказах о назначении меня ген<ерал>-губернатором, я просил Его еще повременить и приказать своим министрам со мною объясниться по делам Западных губерний, дабы я мог разъяснить им мой взгляд на управление тамошним краем, ибо я должен быть уверен, что и министры будут мне во всем содействовать. Государь на это согласился и сказал: «Я поручаю вам объясниться по этому делу в виде комитета с кн<язем> Долгоруковым, военным министром Милютиным[50], министром госуд<арственных> имуществ Зеленым и министром внутренних дел Валуевым, но прошу Вас только ускорить это, ибо время не терпит; по окончании с ними соглашения, вы мне напишите, и я вас тотчас призову для окончательных мероположений».

В исполнение высочайшей воли 27 числа[51] мы окончили совещание. Министры все были согласны со мной *на словах,* хотя видимо было, что Долгоруков и Валуев колебались, но, видя трудность положения дел, вынуждены были согласиться, ибо, как я выше сказал, страх обуял их всех.

28 числа я был уже у Государя, объявил ему соглашение министров и представил Его Величеству некоторые вопросы по управлению с расширением прав действия: на все мои предположения Государь изволил согласиться. Но вслед за тем я увидел возрождавшееся противодействие со стороны Валуева и Долгорукова. Им не понравились испрошенные мною права по управлению.

30 апреля я опять был у Государя и заметил в нем некоторую холодность, так что я вынужден был повторить ему, что не лучше ли послать другого в Западные губернии. Государь прогневался и сказал: «Я однажды высказал свои убеждения и не намерен их повторять».

А когда я Ему сказал, что его министры не совсем разделяют Его (мнения) убеждения, то Он мне, с некоторою грубостью,

отвечал: «Это неправда». Тогда я встал и сказал Его Величеству: «*Находите* другого вместо меня».

Государь взял меня тогда за руку и просил извинения в неправильном выражении, которое вырвалось, как Он говорит, невольным образом. Я сказал Государю, что «неправды не говорю» и еще раз прибавил: «Найдите другого, который Вашему Величеству будет говорить правду».

Тогда Государь меня обнял, просил еще раз извинения и чтобы я навсегда это забыл, что такой у Него «дурной характер», иногда высказывает против Его желания не должное слово[52]. Мы примирились, и Государь спросил только: «Итак, я могу отдать в приказах о вашем назначении?».

Я отвечал, что «когда и как угодно будет Его Величеству. Я согласен и сделаю все, что могу для исполнения этого столь важного возлагаемого на меня поручения. Я служу России и готов жертвовать собою для нее и для Вашего Величества. Прошу только не оставлять жены[53] и дочери[54]».

Мы обнялись с Государем и расстались очень дружелюбно, но может быть на сердце у него что и осталось. Причем Государь мне повторил, что Он желал бы, чтоб я скорее ехал, что дела в Литве очень плохи, что Назимов просит поскорее его сменить. Я просил у Государя, по крайней мере, неделю времени, чтобы приготовиться, собрать людей и вообще русских деятелей, ибо мне одному делать там нечего, и в особенности желал я устроить лучшее управление в Белоруссии, прежде чем прибуду в Вильну, откуда было бы уже труднее распоряжаться по случаю прекращения всех внутренних сообщений мятежными шайками.

1-го мая отдано было в приказе о назначении меня генер<ал>-губернатором 6-ти Северо-Западных губерний.

До 12 мая я оставался в Петербурге, приискивая людей на службу, входил в сношения с министрами на счет различных мероположений, кои я признавал необходимыми как в отношении гражданского, так и военного устройства; был несколько раз у Государя в Царском Селе с докладами[55], перед отъездом представлялся Императрице[56], которая была в большом

смущении о положении дел в Царстве и Западных губерниях. Она благодарила меня за решимость и самоотвержение и, между прочим, объясняя трудность положения дел и о напоре против нас западных держав, сказала: «Если бы мы могли удержать за собою Литву», — а о Царстве Польском не было уже и речи, — вот в каком расположении были тогда сами царственные лица.

12 мая, помолившись в Казанском соборе[57], в 10 ч<асов> вечера я отправился по железной дороге в Вильну. Грустна была разлука с женою и детьми. Меня провожали брат Ник<олай> Николаевич <Муравьев (Карский)>, Зеленый и многие другие.

Я, скрепя сердце, расстался со всеми, возлагая одну надежду на помощь Божию, ибо я видел, что в Петербурге не будет мне никакой опоры; в крае я также не мог ожидать ничего благоприятного, ибо все в губернии были охвачены пламенем мятежа, правительственной власти нигде уже не существовало; войска наши сосредотачивались только в городах, откуда делались экспедиции (как на Кавказе в горы), все же деревни, села и леса были в руках мятежников. Везде кипел мятеж, ненависть и презрение к нам, к русской власти и правительству. Над распоряжениями генерал-губернатора смеялись, и никто их не исполнял. У мятежников везде и даже в самой Вильне были революционные начальники, в уездных городах окружные и парафиальные, в губернских городах целые полные гражданские управления: министры военные, революционные трибуналы, полиции и жандармы, словом, целая организация, которая беспрепятственно везде действовала[58], собирала шайки, образовывала в некоторых местах даже регулярное войско, вооружала, продовольствовала, собирала подати на мятеж, и все это делалось гласно для всего польского населения и оставалось тайной для одного нашего правительства[59]. Надо было со всем этим бороться, а с тем вместе и уничтожать вооруженный мятеж, который больше всего занимал правительство. Генерал-губернатор ничего этого не видал, русские власти чувствовали только свое бессилие и вообще презрение к ним поляков, ознаменовавшееся всевозможными дерзостями и даже

неуважением к самому войску, которому приказано было все терпеть и переносить с самоотвержением; так все это переносили русские, и даже семейство генерал-губернатора было почти оплевано поляками[60].

В таком безнадежном положении находился край, когда я прибыл в Вильну 14 мая к 3 часам по полудни.

Дорогою я остановился в Динабурге с 13 на 14 число. Я был болен и при том крепко устал. Мне необходимо было видеть также власти Динабургские, чтобы узнать о положении края, ибо в Петербурге ничего не знали. Генерал Длотовский мне подробно изложил все бедственное положение гражданского и военного управления. Я здесь еще более уверился в необходимости принять строгие и решительные меры, ибо мятеж разгорался, поляки были уверены в успехе и уверили в том все население, так что русские старожилы в том крае считали дело потерянным и убеждены были, что мы будем вынуждены уступить требованиям поляков, желавших присоединения к независимой Польше наших Западных губерний. Никто не верил, что правительство решится на какие-либо меры, не согласные с настроениями западных держав, и что оно уступит необходимости, т. е. что оно признает законность польских притязаний о восстановлении Польши в ее прежних пределах. Мне надобно было на первых порах разъяснять польскую дурь и возродить в русских и в войсках уверенность в непоколебимости предпринимаемых правительством мер. Словом, надо было восстановить правительственную власть и доверие к оной, без этого ничего нельзя было сделать. Задача трудная, но я, решившись на все самопожертвования, как материальные, так и моральные, с полным упованием на Бога, взялся за дело.

В Динабурге я сделал все необходимые распоряжения для охранения его от мятежных покушений и, призвав предводителя дворянства и бывших в городе дворян, громогласно, в присутствии всех гражданских и военных чинов, высказал им свой взгляд на дело и ту систему, которой буду руководствоваться в моих действиях. Чтобы доказать свою решимость действовать не на словах, а на деле, я тут же велел отдать под

строгий надзор полиции предводителя дворянства[61], который показывал уверенность, что польское дело останется торжествующим; это был двоюродный брат того Плятера, который напал на транспорт с оружием и впоследствии был расстрелян. Но моим словам еще мало верили, ибо в продолжение почти 10 лет не было никакого управления и власти в крае, и поляки везде господствовали[62], так что даже войска были наполнены офицерами польского, бывшими по большей части в заговоре, и многие из них ушли в лес для формирования шаек. Римско-католическое духовенство было везде во главе польской пропаганды, раздувало мятеж и внушало это всем от мала до велика даже на исповеди[63].

Усмотрев в Динабурге, что главнейшие силы мятежников совокуплялись в лесах за Двиною в Новоалександровском и Дисненском уездах, я присоединил эти два уезда к району действий генерала Длотовского.

В Вильне я был принят генер<ал>-губернатором очень радушно: он угостил обедом меня со всем штабом (прибывшими из Петербурга военными и гражданскими чиновниками). Назимов, по-видимому, был доволен моим приездом, ибо действительно находился в безвыходном положении: он не знал и не понимал ни края, ни обстоятельств, в которых находился; видел только, что все идет очень дурно, и был крайне недоволен петербургскими властями[64] и в особенности Валуевым, которому он неоднократно писал о необходимости изменить систему уступчивости и, так называемой, легальности, которою эта *государственная ничтожность* хотела побороть мятеж. Назимов ничего не мог рассказать мне о положении края и после обеда, провожая меня наверх, в мой кабинет, пригласил только зайти в церковь, посмотреть приготовленные им ризы, разложенные нарочно для показа на столах, и потом объяснил только, что около дома все посадки кустарников сделаны его женой[65]. В отношении края он не мог ничего указать, кроме реляций, получаемых от военных начальников о встрече с мятежниками, в которых они выставляли блистательные победы над огромными шайками мятежников, тогда как большею ча-

стью шайки эти были самые ничтожные, и редко превосходили 300–500 человек. О секретной же организации мятежа Назимов и понятия не имел; когда же я спросил у него, какие он имел средства для секретных дознаний о мятежах, то он объяснил мне, что поручает их своему племяннику Мясоедову[66], которого и рекомендует для этого и еще одного известного негодяя еврея и подрядчика Апатова[67].

Я был весьма затруднен пребыванием Назимова в Вильне. Тем более что от него узнать ничего не мог, и был очень доволен, узнав, что он через два дня уедет, ибо он только мне мешал пустыми рассказами и просьбами протекций разным чиновникам.

14 числа<мая 1863 года> я телеграфировал государю о том, что вступил в должность, а 15 числа сделал общий прием чиновников, духовенства и вообще всех сословий в Вильне; но перед этим ездил к митрополиту Иосифу[68] вместе с Назимовым, и помолиться Богу в Николаевский собор[69], где нашел убитого гвардейского солдата, окруженного товарищами своими, ожидавшими священника для панихиды. Это первое явление произвело на меня весьма грустное впечатление. Возвратившись домой, я застал уже залы дворца наполненными.

Военные встретили меня с большим радушием и радостью, особенно гвардейцы 2-й пехотной дивизии, ибо они уверены были, что с моим прибытием изменится система управления, и поляки, дотоле горделивые и дозволявшие себе всевозможные грубости и невежливости при встрече с Русскими, скоро смирятся. Гражданские чины, кроме русских, бывших в небольшом числе, встретили меня с видимым неудовольствием, и в особенности предводители дворянства и городское общество преимущественно католическое. Евреи же играли двусмысленную роль и выказывали будто бы радость, но это было притворно, ибо они везде содействовали мятежу и помогали оному деньгами[70].

Римско-католическое духовенство было принято мной в особой зале, и на лицах и из разговоров их, в особенности же епископа Красинского[71], заметна была полная уверенность, что я не успею подавить мятеж. Я всем представившимся высказал

предназначенную себе систему действий, т. е. строгое и справедливое преследование мятежа и крамолы, невзирая ни на какие лица, а потому выражал надежду найти в них самых усердных помощников, причем советовал тем, которые не разделяют этих мнений, оставлять службу, ибо в противном случае я сам немедленно их от оной уволю и предам законной ответственности. Все они молчали, вероятно, желая увериться на опыте в твердости моих намерений, и не буду ли я вынужден уступить и подчиниться системе действий, принятой в Царстве Польском.

Епископ Красинский был так убежден в неисполнимости моих предположений, что он мне с улыбкою отвечал: «Какой здесь мятеж, здесь просто погоня за несколькими несчастными повстанцами, за ними гоняются войска в лесах, как за зайцами»[72].

Еще замечателен был разговор жандармского окружного генерала Гильдебранта, который во всеуслышание обвинял генерала Длотовского в потачке старообрядцам, уничтожившим шайку гр<афа> Плятера. Он старался доказать в присутствии поляков, всех чиновников и римско-католического духовенства, что там мятежа не было и что это чистый грабеж и разбой старообрядцев и вообще русских мужиков.

Я заставил его молчать и, когда все уже разошлись, высказал генералу Гильдебранту, что я подобных ему лиц во вверенном мне крае оставлять не могу и не допущу противодействовать и еще менее ободрять поляков и обвинять русских за то, что они исполнили обязанность верноподданных, что за сим я с ним служить не буду и прошу отправиться в Петербург к шефу жандармов, которому напишу о нем, для доклада Государю, с просьбою о замене его другим. Гильдебрант был удивлен моей решимостью, ибо он привык, к произволу своему, распоряжать действиями главного местного начальства. Через неделю его уже не было в Вильне, и Долгоруков, хотя с видимым неудовольствием, вынужден был уволить его от занимаемой должности.

16 мая выбрался из Вильны и генерал-адъютант Назимов — я тогда только мог свободно распоряжаться чиновниками, ко-

торые более или менее, при малой благонадежности, состояли под особым покровительством или самого Назимова, или его семейства[73].

Первое время пребывание мое в Вильне было крайне затруднительно. Я должен был потерять, по крайней мере, неделю, чтобы ознакомиться как с разными личностями, коим поручено было управление, так и вообще с ходом дел, т. е. с политическим положением края. Меня особенно озаботило положение войск и правильное их распределение на огромном протяжении вверенного мне края, для преграды бродившим везде шайкам.

Всем успехом дела я обязан гвардейцам. Я нашел в них самых деятельных и благоразумных сотрудников. Они с радушием принимали все возлагаемые на них обязанности и исполняли их отлично, даже в солдатах было особое стремление к подавлению мятежа; они на все шли с самоотвержением, их много ободрило данное мною приказание, чтобы нигде не давать спуску полякам, которые осмелились быть дерзкими в отношении к ним. Я приказал всех таковых немедленно брать под арест и отправлять к коменданту. Эта, по-видимому, маловажная мера значительно, однако, подействовала на упадок духа поляков: они увидели, что восстановляется значение правительства и должное уважение к русским.

Для обуздания мятежа необходимо было, кроме возбуждения духа в войске и вообще в русских деятелях, преподать правила для управления на местах, т. е. инструкцию с подробным изложением обязанностей военных начальников и других лиц, которым вверялись участки. Главное состояло в разделении всего края и всех уездов на соответственные, соображаясь с обстоятельствами и ходом мятежа, военные отделы с подразделениями оных на участки, которые с полными правами главного распорядителя вверялись особо назначенным для сего лицам, с полным подчинением им всего населения в тех отделах. Написав подробную инструкцию военно-полицейского управления и обозначив в оной ту систему, которой я предположил руководствоваться при управлении краем с обозначением отношений каждого военного начальника к прочим властям

и лицам, равно с полною ответственностью тех и других, я разослал ее повсеместно к точному и непременному исполнению, сделав распределение участков и постепенно назначая в оные благонадежных по возможности начальников, с подчинением им всех войск, в участке находящихся.

Инструкция эта приведена в исполнение 24 мая 1863 года и послужила краеугольным камнем всех дальнейших распоряжений по укрощению мятежа и устройству края.

К этому времени я получил первое утешительное сочувственное заявление к моим действиям из Москвы от митрополита Филарета[74], который прислал мне икону Св. Архистратига Михаила при письме, с выражением всей важности возложенной на меня обязанности, выразил вместе с тем сочувствие церкви и России, и сильно поддержал меня нравственно на этом трудном поприще. Знаменательное письмо его следующего содержания:

«Было слышно и видно, что много деятельная Государственная служба вашего Превосходительства потребовала, наконец, облегчения, дабы часть должностного труда была заменена долею покоя. Но как скоро Царское слово вас вызвало на защиту и умиротворение Отечества, Вы забыли потребность облегчения и покоя, не колеблясь, приняли на себя бремя, требующее крепких сил и неутомимой деятельности, нашли новую силу в любви к Царю и Отечеству. Верные сыны Царя и Отечества узнали о сем с радостью и надеждою. Ваше назначение есть уже поражение врагов отечества, ваше имя победа.

Господь сил да совершит Ваше дело правды и дело мира! Да пошлет тезоименного Вам небесного Архистратига, да идет пред Вами с мечом огненным и да покрывает Вас щитом небесным. С сими мыслями и желаниями препровождаю Вам, вместе с сим, в благословении икону Архистратига Михаила».

На это письмо я отвечал следующим:

«Глубоко коснулось сердца моего милостивое послание Ваше и Архипастырское благословение иконою Св. Архистратига Михаила. Пути Всевышнего неисповедимы — я неожиданно призван волею Государя от жизни мирной на поприще брани, для пода-

вления крамолы и мятежа. Тяжелая пала на меня обязанность умиротворить край, карать клятвопреступников мерами казни и крови. Человеческий взор не может прозреть сквозь завесу, покрывающую будущность этого дела.

Исполняя долг верноподданного и русского, в полном уповании на Бога, я духом покоен и иду смело по пути, мне свыше предопределенному. С содействием доблестного воинства нашего, в успехе сомневаться не смею. Повергая себя и порученное мне дело умиротворения Литовского края Архипастырскому благословению и святой молитве Вашей, с глубочайшим почтением» и т. д.

Между тем я занялся устройством самого города Вильны и учреждением в оной полиции, которой не существовало, так что начальники шаек и вообще все повстанцы получали все нужное из Вильны и проживали в оной сами по нескольку дней, словом, Вильна была арсеналом и плацдармом мятежников, снабжавшим их ежедневно и значительным числом новобранцев.

Всякий день полицмейстер[75] представлял мне сведения об ушедших в мятеж обывателях, средним числом от 40—50 человек в сутки; останавливать их войсками не было возможности, ибо город открытый. Я прибегнул к мере обложения штрафами, которая в результате оказалась очень удачной. Приказано было домохозяев, а также мастеров, трактирщиков и других облагать штрафом от 18—25 руб. за каждого ушедшего от них человека в мятеж и взыскивать штраф неукоснительно, продавая последнее имущество. Таким образом, обложены были монастыри и приходское римско-католическое духовенство за всякого, уходившего из их среды в мятеж, по 100 руб., а при возобновлении побегов штраф велено удваивать. За ношение траура велено было взыскивать также 25 руб. штрафу и удваивать при повторении[76]. Мерами этими, приводимыми строго и немедленно в исполнение, прекратились все упомянутые неустройства, и из города уже редко стали уходить кой-какие бесприютные лица в мятеж. Ксендзы же и монахи, заплативши несколько сот рублей штрафу, перестали уходить в шайки; но, тем не менее, оставаясь в Вильне, они тайно и явно содействовали

и раздували пламя мятежа. Сам епископ Красинский был усерднейшим деятелем оного.

Все эти меры и многие другие, о которых не упоминаю, ибо одно перечисление их было бы затруднительно, а многие из них напечатаны и достаточно известны, принесли и видимую пользу и утишили польские революционные манифестации; но и этого было слишком мало, надо было приступить к более важным мероположениям и строгому преследованию мятежа и крамолы.

Много было взято лиц под стражу в разное время за участие в мятеже; ими наполнены были все тюрьмы, но, к сожалению, по большей части их дела не были окончены и даже не начаты. О тех же личностях, которые были приговорены военными судами, не было постановлено конфирмаций, ибо опасались строгостью раздражить мятежников.

Желая, напротив того, показать полякам, что правительство наше их не страшится, я немедленно занялся рассмотрением приговоров о более важных преступниках, конфирмовал и немедленно приказал исполнить приговоры в Вильне[77], на торговой площади, в самый полдень и с оглашением по всему городу, с барабанным боем. Поляки не верили, что я решусь на это; но когда увидели исполнение сего на деле, а не на словах, всех их обуял страх[78]. Воплю и крику было много в городе и многие даже уезжали из него. Епископ Красинский более других испугался казни ксендзов. Он боялся за себя и за свой капитул[79], и когда я потребовал, чтобы он циркулярно предписал римско-католическому духовенству противодействовать мятежу, то притворно сказался больным и передал другому распоряжение консисториею[80]. Для примера другим я отправил его с жандармами в Вятку, где он и поныне находится. В числе лиц, находившихся под стражею, был раненый, бывший капитан генерального штаба[81], Сераковский[82], командовавший самою большою шайкою в Самогитии, уничтоженною командиром финляндского полка Ганецким[83], также дворянин Колышко[84], начальник другой значительной шайки.

Я приказал ускорить производимые об них дела и также конфирмовал обоих повесить[85].

Эти четыре примера сильно подействовали на поляков, и они стали удостоверяться, что с ними шутить не будут и потому, по обычному польскому характеру, многие искали уже у нас покровительства — те, которые, наконец, с гордостью называли себя восстановителями польской отчизны и гонителями москалей и монголов.

Принимая меры к уничтожению повсюду скитавшихся мятежных шаек, получавших продовольствие и вооружение от самых владельцев, которые тайно и явно содействовали и покровительствовали мятежу, я скоро убедился, что одним оружием не предстоит возможности подавить мятеж, ибо весь край был заражен мятежным духом, поддерживаемым ксендзами, дворянством и шляхтою и потому необходимо было принять самые решительные меры против владельцев, дающих приют мятежникам, и к открытию тайной организации, покрывавшей весь край.

С учреждением, как сказано выше, военно-полицейских управлений в уездах и со средоточением власти в руках военных начальников, при распространении на все шесть уездов военного положения, я получил возможность учредить во всех уездах, более участвовавших в мятеже, военно-следственные комиссии, независимо от таковых во всех губернских городах, поручив деятельно заняться исследованиями поступков всех лиц, более или менее принимавших прямое или косвенное участие в мятеже, подвергая ответственности и тех владельцев, которые давали приют мятежникам и снабжали хлебом, оружием, деньгами, не исключая и тех, которые, для прикрытия своей вины, утверждали, что они были вынуждены угрозами давать пособия мятежникам; а дабы более поставить помещиков в ответственность за участие в мятеже, я распорядился, чтобы все, которые жили по городам (будто бы для безопасности, а в сущности для прикрытия только тайных сношений с шайками, кои снабжались ими на местах через управителей всем необходимым), отправились немедленно в свои деревни и там ответствовали за спокойствие в лесах и принадлежащих им землях, под опасением военного суда в случае недонесения

ближайшей команде о прибытии мятежников. Совокупность этой и других принятых мною мер поставили в возможность захватить, в скором времени, главных деятелей мятежа, тайно содействовавших развитию шаек, которые сами собой начали уничтожаться, не имея опоры в народонаселении. Тогда и крестьяне, видя восстановленную силу правительства нашего, бывшие столь долгое время под страхом истязаний и мучительных казней, производимых над ними мятежниками, с содействием ксендзов, за преданность их правительству, начали понемногу освобождаться от обуявшего их страха и содействовать правительству к открытию скитавшихся еще по лесам мятежников, так что в скором времени можно было из самих крестьян образовать сельскую вооруженную охрану, которая повсюду содействовала войскам к окончательному истреблению мятежников[86].

Нельзя не удивляться, каким образом главное местное управление могло быть так недальновидно и беспечно, что попустило полное уничтожение правительственной власти и уважения к ней, так что никто уже не верил, чтобы в крае том могло быть восстановлено русское правительство; даже и крестьяне в этом были убеждены: манифест 19 февраля 1861 года о прекращении крепостного права, по слабости и беспечности начальства, не был даже введен в действие[87]. Крестьяне еще в начале 1863 года во многих местах отправляли барщинную повинность, они платили неимоверные оброки там, где была прекращена барщина.

Мировые посредники были все избраны из местных помещиков, большею частью были агентами мятежа и даже главными тайными распорядителями оного[88]; в уездах и городах были учреждены съезды помещиков и мировых посредников для общих сговоров по устройству мятежа и увлечения в оный крестьян.

В Вильну были вызваны все почти помещики и мировые посредники в феврале 1863 года, будто бы для обсуждения по крестьянскому делу, но на этом и подобном же съезде в Ковно были положены начала для содействия мятежу и соединились

обе партии так называемых белых и красных[89], причем избраны для губернских и уездных городов по два делегата, которые бы наблюдали за действиями предводителей дворянства и самого правительства, и все это делалось явно на глазах того же правительства. Генерал-губернатор не имел решимости прекратить эти мятежные манифестации. Я уже не говорю о тех манифестациях, которые продолжались с 1860 до 1863 год в разных видах, повсеместно, в костелах, на улицах, народных гульбищах и вообще везде, где только было можно, собирались сотни и тысячи народу и пели гимны об освобождении Польши от ига москалей со всевозможными ругательствами. Учрежденные, по предложению министра внутренних дел, полицейские суды[90], составленные из тех же дворян, служили только посмешищем над бессилием нашего правительства, полицейских чиновников, которые решались доводить до сведения начальства о сих сборищах толпы, били и с ругательством выталкивали из костелов и тому подобных мест. Когда однажды генерал-губернатор решился взять под стражу нескольких гимназистов, певших в костеле гимны[91], то толпы женщин всех сословий пришли к нему во дворец на выручку их. Генерал-губернатор принужден был удалиться во внутренние покои, и, после некоторых переговоров, арестованные были выпущены, а женщины удалились, узнав, что приказано было привести пожарные трубы[92]. Описывать все дерзкие поступки обывателей города Вильны было бы излишне, они довольно всем известны.

Положение 19 февраля было превратно истолковано крестьянам, при составлении же уставных грамот отняты у них лучшие земли и обложены высокими оброками, далеко превосходящими их средства; крестьянам объявлено, что в этом заключается дарованная государем милость и свобода, и что ежели они пойдут в мятеж и будут помогать польскому правительству, то отдается им вся земля даром, и они не будут платить никаких податей; между тем тех крестьян, которые не платили возвышенных оброков, подвергали строгим наказаниям, заключали в тюрьмы, и малосмысленное главное местное начальство, по ходатайству тех же мировых посредников

и помещиков, посылало войска для усмирения мнимых крестьянских бунтов.

В начале мая месяца большая часть мировых посредников, уездных предводителей дворянства и некоторые из польских чиновников (еще при бывшем генерал-губернаторе) прислали просьбы об увольнении их от службы[93], в просьбах сих употреблялись самые дерзкие против правительства выражения в том смысле, что будто бы оно возмущает крестьян против помещиков и готовит Галицийскую резню, что посему мировые посредники, предводители дворянства, в том числе и губернские: Гродненский — Старжинский[94] и Минский — Лаппа[95] признавали неприличным служить такому правительству; цель же их существенно заключалась в том, чтобы возбудить и общее негодование помещиков против правительства и склонить их к более усердному содействию мятежу, в главе коего они сами находились.

Генерал-адъютант Назимов был испуган этим общим заговором чиновников, оставлявших службу, как видно, по приказанию революционного; некоторых он уговорил остаться на службе, а большую часть просьб оставил без разрешения, ожидая, вероятно, моего прибытия. Полагая, что на эту дерзкую манифестацию следует ответствовать решительною мерою, я распорядился немедленно отрешить от должности всех просивших об увольнении, а тех из мировых посредников и предводителей уездных, которые в просьбах своих употребляли дерзкие выражения или замечены в тайных съездах и заговорах против правительства, приказал, арестовав, представить в губернские города под строгий надзор полиции, более виновных содержать под строгим караулом, предав их на месте военному суду; мировые же учреждения во всех 4, так называемых, Литовских губерниях, как действовавшие ко вреду правительства и к угнетению крестьян, окончательно закрыть, поручив ограждение крестьян от притеснений помещиков военным начальникам и уездной полиции, которую постепенно пополнял русскими чиновниками.

Принятая против лиц, подавших договором в отставку, мера произвела всеобщий страх; многие из неблагонадежных миро-

вых посредников и предводителей были отправлены на житье в отдаленные губернии с секвестром их имуществ; другие же содержались под стражей до окончания о них военно-судных дел. Затем не только прекратилась подача просьб об увольнении, но многие просили о помиловании и о возвращении к должностям; сим последним было, конечно, отказано; но польский чиновный люд хотя наружно смирился. Оставались еще из губернских предводителей два главных деятеля мятежа: Минский — Лаппа и и<сполняющий> д<олжность> Гродненского — граф Старжинский. Лаппа, как один из руководителей дела, был приведен арестованным в Вильну и отправлен в Пермскую губернию[96]; графа же Старжинского я приказал привезти в Вильну, где, содержа его под арестом, произвести над ним военный суд. Старжинский был одно из самых замечательных лиц польской пропаганды и мятежа. Он уже прежде сего был, за участие в политических заговорах, сослан на Кавказ, где и служил рядовым. В 1856 году был прощен и вместе с другими возвращен на родину, избран Гродненским уездным предводителем и исправлял в 1861 году должность губернского. Он умел вкрасться в ближайшее знакомство с главными нашими властями в Петербурге, и вместе с тем имел тайные сношения со всеми революционными заграничными агентами и особенно Варшавскими: так ему покровительствовал Вельепольский[97]. Будучи протежирован министром внутренних дел Валуевым, он представлял проекты ему о восстановлении Литвы, отдельной от России, но соединенной с Польшей[98], уверяя, что этим одним можно усмирить продолжающееся более трех лет революционное волнение в крае; покровительствуемый, таким образом, Валуевым, кн<язем> Долгоруковым и иными лицами, которые, по несчастию, признавали тогда, как и ныне еще, весь западный край не Русским, но будто бы Польским, Старжинский был представлен Государю. Ему даже отведена была квартира во дворце в Царском Селе, и он не однажды был у Государя, прочитывая ему свои проекты; зимою же 1862 он был даже приглашен сопровождать Государя в Москву, где находился во все время пребывания там Его Величества, стараясь

всеми мерами доказать, что надо смирить поляков кротостью, милостью и восстановлением границ 1772 года[99].

Так велико было заблуждение в высших сферах правительства нашего, что Старжинскому верили, как оракулу, и тайно разрешено было сообщать министру внутренних дел свой взгляд на дело для будущего успокоения края. Старжинский, по возвращении в 1862 году в Гродно, не хотел уже и знать генерал-губернатора и показывал ему полное пренебрежение, рассказывая всем о блистательном приеме Государем и о покровительстве петербургских властей. Под сим обаянием он овладел всеми умами безумной польской интеллигенции в крае; все поляки смотрели на него как на будущего освободителя, смело пренебрегавшего уже местного правительственною властью.

Для большого утверждения морального своего влияния в крае, он ездил по своему произволу, без ведома генерал-губернатора, в Варшаву, где при содействии Вельепольского овладел вполне умом и расположением В<еликого> к<нязя> Константина Николаевича, сообщил ему свои проекты о восстановлении Литовско-Польской автономии, которым, как известно, так сильно сочувствовал В<еликий> князь. Старжинский до того вкрался в его расположение, что был им тайно отправлен за границу, для сношений с польскою революционною эмиграцией и для помещения в журналах нескольких статей, которые бы могли примирить их с управлением Ц<арством> Польским В<еликого> князя, против которого многие из эмигрантов восставали, называя его еще слишком строгим, хотя в существе всякая правительственная власть была уничтожена в Царстве самим В<еликим> князем. Но полякам нужно было бранить все Русское, даже и Константина Николаевича, потому что он был брат государя, хотя он делал все, чтобы водворить в крае польское начало и уничтожить все русское.

В феврале 1863 года, когда вспыхнул мятеж, Старжинский решился действовать уже самостоятельно, написал дерзкие письма Государю и министру внутр<енних> дел, в которых обвинял правительство в допущении будто бы демократических начал и в восстановлении крестьян против владельцев, также

в принятии строгих мер к гонению польского начала в крае и в употреблении вооруженной силы против оного (тогда как, напротив того, правительство безнаказанно допускало распространение революционных начал и только принимало полумеры для прекращения манифестаций и начавшейся резни отдельных русских команд), объявляя, что за сим он не считает себя обязанным служить правительству в качестве предводителя дворянства и слагает с себя это звание; он вместе с тем сообщил о том всем гродненским уездным предводителям дворянства, дабы и они последовали его примеру, что и было ими исполнено[100]. Министр внутр<енних> дел, не сознавая в этом поступке ничего противного чести поляка и обязанности верноподданного, исходатайствовал Всемилостивейшее увольнение его от должности *по прошению,* с тем только, чтобы он оставался на жительстве в Гродне.

Генерал-губернатор Назимов, находя пребывание в Гродне Старжинского, по связям его с революционерами, вредным и опасным для края, поступок же его в высшей степени дерзким и противозаконным, ходатайствовал о том, чтобы подвергнуть его законной ответственности. Но министр внутр<енних> дел, оттягивая дело по разным предлогам, не давал ответа. По прибытии в Вильну, удостоверившись во вреде, приносимом Старжинским в Гродне, я приказал доставить его арестованным в Вильну, где и предал его военному суду, известив о том министра внутр<енних> дел, чтобы он доставил всю, бывшую с ним и о нем, переписку. Само собою, разумеется, что Валуев не смел противоречить, но доставил мне кой-какие неполные сведения о действиях его в Петербурге. Все то, что выше сказано было, найдено в собственных бумагах Старжинского. Военный суд, на точном основании законов, приговорил его к каторжной работе, но и тут петербургская интрига старалась вредить этому делу; постоянно требовались по Высочайшему повелению сведения о ходе оного видимо с целью прикрыть нелепые действия исношения с Старжинским министра внутр<енних> дел и так как Старжинский, в оправдание своих поступков ссылался на петербургское правительство и на сочувствие

к нему в<еликого> к<нязя> Константина Николаевича, которого будто бы он исполнял веления, а потому и необходимо было смягчить (наказание Старжинского) приговор ссылкою Старжинского на жительство в отдаленные губернии, с выдержанием в крепости до одного года. Но и этот приговор был в Петербурге ослаблен[101]: крепостное содержание ему назначено в Бобруйске, т. е. в крае, где польская пропаганда еще сильно действовала, а потом он выслан в Виленскую губернию[102]. Вот пример тенденций высших петербургских правительственных лиц, которые, конечно, более были виновны в совершившихся в крае событиях, нашли те жертвы польского сумасбродства и безумия, которые решились поднять оружие против правительства нашего, потому лишь что были уверены в его слепоте и бессилии и частию в надежде даже на покровительство некоторых правительственных лиц в Петербурге и в особенности в Варшаве.

Я рассказываю эпизод о Старжинском во всей подробности единственно для того, чтобы ознакомить с положением, в котором находилось правительство при начале мятежа и с чем мне предстояло бороться; очевидно, что из трех врагов: мятежа, петербургского правительства и варшавского самая трудная борьба была в этих двух пунктах и на местах он поддерживался не столько собственною силою (в поляках нет достаточного постоянства, чтобы долго преследовать одну цель), а в надежде только на покровительство царского брата в Варшаве. Последнее доходило до того, что когда мятеж в Северо-Западных губерниях начал значительно утихать после принятых мною мер, то для ограждения спокойствия в крае я вынужден был послать отряды войск в соседственные губернии Царства Польского, чтобы уничтожить там мятежные скопища, предоставленные там своему произволу без всякого преследования и беспрестанно вторгавшихся в Гродненскую губернию, где и производили грабежи и разные неистовства, а в Августовской губернии[103] формировалось и регулярное войско. Слабость и несобранность управления в Царстве доходила до того, что поведено было во всех уездных казначействах

принимать на счет казны все выдаваемые ими контрибуции. Раненых же мятежников приказано было оставить на попечение владельцев, не считая их пленными.

Безначалие и поблажка польскому восстанию доходили до того, что несколько властей Августовской губернии прислали мне 6 августа, с депутациею, за подписью нескольких тысяч лиц, просьбу принять их в мое управление и оградить от неистовства мятежников. Вследствие этого и видя усиливающееся неустройство и развитие мятежа в Царстве, Государь повелел мне принять в управление свое Августовскую губернию, и вскоре за сим (в сентябре) и В<еликий> К<нязь> Константин Николаевич вызван был в Петербург и оставил управление Царством, перешедшее к графу Бергу[104].

Из губернских предводителей, Виленский, Домейко[105] умел скрыть свои польские тенденции перед бывшим генерал-губернатором: с одной стороны, он потворствовал революционному направлению владельцев, а с другой, он заискивал расположение правительства, так что к пасхе 1863 года, когда мятеж уже был в значительном развитии, он получил в награду за свое двусмысленное поведение орден Св. Станислава 1-й степени[106]. Но вслед за тем, получив общее приказание Жонда[107] оставить службу и выражение негодования оного за полученную награду, а еще более испугавшись слухов о моем назначении генерал-губернатором, Домейко исходатайствовал себе дозволение приехать в Петербург, дабы избавиться, как он говорил, от преследования мятежников. Действительно, Домейко человек не дурной, но слабый и хитрый; он хотел плавать между двух вод и, явившись ко мне в Петербург, просил об увольнении его за границу на воды. Само собой разумеется, я ему в этом отказал и потребовал немедленно отправиться в Вильну, ибо теперь более чем когда-нибудь каждому следует быть на своем месте, невзирая ни на какие опасности; он прикинулся больным и только через несколько недель после прибытия моего в Вильну ко мне явился. Я заставил его вступить в должность и действовать решительно, т. е. показать себя или преданным правительству или врагам оного. В это время начали уже

убеждать его в том, что сила правительства будет восстановлена в Литве, и Домейко решился хотя по наружности показывать себя противодействующим мятежу, и действительно около него образовался кружок из нескольких польских помещиков, признавших более выгодным устранить себя в настоящее время от мятежных заявлений.

Пользуясь сим начинающимся благоприятным направлением, я старался внушить мысль о ходатайстве дворянства о помиловании. Так как мятеж видимо уже ослабевал, в исходе июня большая часть тайных и явных вожаков мятежа были открыты и арестованы, другие страха ради бежали за границу и сами крестьяне и вообще простолюдины, бывшие в мятеже, увидели бессилие шаек, беспрестанно уничтожаемых войсками, и при том по причине полевых работ, без чего хозяйства их значительно бы потерпели, начали расходиться, а дворяне Виленской губернии приставать к тому кружку, который намеревался просить о помиловании.

Для усиления сего движения я в июне месяце обратился с воззванием вообще к народу, объясняя поселянам всю бессмысленность мятежа и бедственные оного последствия, при чем обещал помилование всем простолюдинам, которые возвратятся восвояси с отдачею оружия, и независимо от сего поручил всем сельским обществам иметь ближайшее наблюдение за помещиками и управителями и об участвующих в мятеже немедленно доводить до сведения начальства; с тем вместе приказано было особо заняться составлением обывательских книг и переписью всех сословий, приняв строгие меры к прекращению беспаспортных отлучек всех лиц и сословий и особенно ксендзов, облагая нарушающих преподанные для сего правила значительным штрафом, подвергая контрибуциям тех владельцев и вообще селения, которые давали приют мятежникам.

Мера эта имела самый благоприятный успех: в конце июля месяца уже многие тысячи народа оставили шайки и водворились на прежних местах жительства; при этом начальники банд, не будучи в силах противиться этому движению, распускали шайки и требовали, чтобы после покоса и уборки хле-

ба они снова возвратились в оную, для чего зарывали бы оружие в лесах для будущего вооружения; вместе с тем мятежные (шайки) банды, по распоряжению жонда, разделились на мелкие шайки от 20–25 чел<овек>. Расположились по всем уездам и лесам, где только можно было, и держали террором в страхе все население, учреждая во всех местах полициантов, так называемых, *жандармов-вешателей,* которые следили за направлением народного мнения и тех, которые выказывали преданность правительству, увлекали в леса и вешали, подвергая предварительно всякого рода истязаниям, производимым даже над женами и детьми[108].

Этот новый способ действий мятежников представил немаловажные затруднения для военных распоряжений, ибо мелкие шайки в лесах были неуловимы; между тем страх и террор везде увеличивались, всюду только и слышно было об изувеченных, убитых, повешенных мятежниками разных лицах; в том числе было несколько и наших священников. Надо было принять выходящие из обыкновенного разряда меры к уничтожению сего страшного для края действия мятежников — надо было уничтожить жандармов-вешателей и мелкие бродячие шайки, которые еще находили приют у помещиков и ксендзов и получали продовольствие также из шляхетских околиц.

Оставалось мне одно последнее средство: приказать уничтожить дотла помещичьи мызы и шляхетские околицы, в которых произведены мятежниками неистовства и допущено водворение жандармов-вешателей; те же селения, которые наиболее участвовали в мятеже, по надлежащем исследовании переселить в сибирские губернии; тех лиц, которые составляли бродячие неистовые шайки, при взятии судить на месте военным судом и тут же расстреливать; самые же селения облагать огромными контрибуциями и на 10–15 верст весь околоток, допускавший заведомо пребывание разбойников и недонесений о сем ближайшим командам; несколько подобных примеров скоро положили преграду помянутым неистовствам мятежников, ибо как они, так и все содействующие им обыватели увидели, что правительство не шутит и сильнее мятежа[109].

Все это, вместе исполненное, побудило и дворянство во всех губерниях писать адресы о помиловании, ибо оно полагало, что сим способом подписавшиеся, хотя бы и замешанные в мятежных действиях, будут помилованы. Первый пример адреса подало Виленское дворянство. 27 июля адрес был представлен мне губернским предводителем при нескольких депутатах и был подписан более чем 200 лицами[110].

Я был обрадован этим движением умов, или, лучше сказать, страхом помещиков: оно доказывало, что принятые мною меры достигли цели[111]. Адрес этот я сделал гласным по всем губерниям, дабы возродить везде подобное движение; в Гродне и Ковне начали также помышлять о составлении подобных адресов. Революционный жонд был устрашен этим успехом и решился принять отчаянные меры к остановке действий главного местного начальства[112].

Варшавское революционное правление, видевшее ослабление мятежа в Литве, еще с июля месяца начало присылать своих агентов в Вильну, для поддержания упадающего революционного движения; все эти агенты, при довольно порядочно уже устроенной полиции, были захвачены в Вильне, но они успели, однако же, в половине июля месяца сформировать команду тайных кинжальщиков, которым вменено в обязанности убить генерал-губернатора, губернского предводителя дворянства и тех, кои наиболее противодействовали мятежу; но кинжальщики эти, страха ради, ни на что не решались[113]. Между тем начальство уже получило о них некоторые сведения и приняло меры к их обнаружению.

Для решительного действия был, наконец, прислан известный полициант вешатель Беньковский[114] с обязанностью убить Домейко и меня.

27 июля, в день рождения Императрицы, Беньковский пробрался на паперть собора, чтобы убить меня, но не мог близко подойти по огромному стечению служащих и вообще народа. 29 июля (через два дня послепредставления адреса) он в 9 часу утра вошел в квартиру Домейко и нанес ему семь ран кинжалом, равным образом изранил и человека, пришедшего

на помощь, а сам скрылся. Раны Домейко были сильны, но не опасны[115]. Жонд публиковал по городу, что Домейко убит и наказан за измену польскому делу, а в особенности за составление адреса. Надо заметить, что адрес был послан мною Государю, при всеподданнейшем рапорте, с испрошением награды Домейке, а 29-го я телеграфировал Государю о сказанном событии; между тем приняты были всевозможные меры к отысканию убийцы. Сделаны были повсеместно обыски, опубликованы приметы убийцы, поставлены в сомнительных местах караулы, а в особенности был усилен надзор на железной дороге и на всех путях, ведущих к ней.

Один из виленских кинжальщиков (к стыду, русский, православный, сын отставного солдата, женатого на польке) Мирошников[116] проговорился в хвастовстве о кинжальщиках, он был спрошен, уличен и в угрызении совести открыл большую часть полициантов и название самого убийцы Беньковского.

Последний был взят 6 августа на железной дороге, готовясь к отъезду в Варшаву, переряженный, с окрашенными волосами[117] в сопровождении варшавского своего товарища Чаплинского[118]. Уже до того в короткий промежуток времени было взято десять кинжальщиков из виленских обывателей, которые признали запиравшегося Беньковского; он был родом из Варшавы, цирюльник, учинивший уже там многие преступления и известный своим отчаянным характером. Беньковский, Чаплинский и прочие были немедленно судимы военным судом; семеро повешены в Вильне, а остальным смягчены (наказания) приговоры и они отправлены в каторгу, в том числе и Мирошенков в уважении его признания.

Это последнее покушение варшавских революционеров к возбуждению мятежа в Литве окончательно было разрушено скорым и успешным отысканием присланных в Вильну злодеев и казнию их, так что главные революционные деятели скрылись или убежали, ибо все они были обнаружены и, скрываясь под разными фальшивыми именами, появлялись только по временам в Вильне; но страх и их обуял, ибо вслед за кинжальщиками были взяты в Вильне прочие революционные

Деятели, как-то: Далевский[119], Гажич[120], Дормаловский[121] (прибывший из Познани) и Зданович[122], которые по приговору военного суда все (кроме Гажича) были казнены. Начальник самого города Вильны Малаховский[123] (офицер путей сообщения, служивший при железной дороге) скрылся в Петербург и оттуда бежал за границу. Другой же важный деятель Дюлоран[124] (служивший тоже при железной дороге) скрылся в Варшаве.

Оставался в Вильне один бодрствовавший, некто Калиновский[125], в качестве главного начальника жонда Литовского, но скрывавшийся под фальшивым именем Витольда Витоженца, и с ним еще несколько второстепенных лиц, которые тоже были взяты по обнаруженным сношениям их с минскими и ковенскими революционерами, так что уже в конце августа месяца главные деятели мятежа были обнаружены и взяты; кроме Калиновского. В Ковне и Гродне также успешно подвигалось открытие мятежной организации. Все тюрьмы были наполнены арестантами, и обнаружена была связь между губерниями и Царством Польским. Причем открылись мятежные связи с польскими агентами в России. Одна минская губерния оставалась как бы в затишье, т. е. не было в ней обнаружено тайной организации.

Находя нужным еще более ослабить мятежные действия Ковенской губернии, населенной фанатическими католиками, состоящими под ближайшим влиянием епископа Волончевского[126], я должен был принять меры, чтобы заставить его склонить посредством увещания народ к положению оружия. Мера эта принесла успех, и мятеж, самый упорный в Ковенской губернии, уменьшился. Оставался там один главный деятель ксендз Мацкевич[127], человек необыкновенно ловкий, умный и фанатик; он пользовался большим влиянием в народе и беспрестанно формировал шайки и появлялся в разных местностях губерний. Хотя шайки его неоднократно были разбиваемы нашими отрядами, но он умел сам ускользать от преследования и формировать новые. Таким образом, после поражения его в Зеленковском лесу и других местностях Поневежского уезда, в августе и сентябре он скитался по Ковенской губернии

и возбуждал везде к мятежу. В исходе ноября, не находя более средств к продолжению и поддержанию крамолы, он решил уйти за границу, но был захвачен почти над самым Неманом отрядом наших войск, привезен в Ковно со своим адъютантом и казначеем и по приговору военного суда повешен в Ковно[128]. С казнью ксендза Мацкевича в Ковенской губернии почти повсеместно прекратился мятеж, остались только незначительные бродячие шайки, которые и были в скором времени уничтожены. В Гродненской губернии также все затихло и мятеж в конце 1863 года был прекращен[129].

В Минской губернии хотя и не было наружных проявлений мятежа, но зародыш оного оставался нетронутым по бессмысленности тамошнего управления, в особенности губернатора[130]. Хотя в октябре месяце тамошнее дворянство составило также адрес и сильнее чем другие выражало свои верноподданнические чувства и раскаяние, но все тайные мятежные деятели оставались на местах и, без сомнения, при первом удобном случае возобновили бы покушение на крамолу.

Надо заметить, что минское дворянство отличалось большим нерасположением к русскому правительству, чем дворянство прочих губерний, оно постоянно было в сношениях с дворянством Юго-Западных губерний и в октябре месяце 1862 года на дворянских выборах составило протокол, для представления всеподданнейшего адреса, по примеру Подольской губернии, о присоединении Минской губернии к Царству Польскому. Их дерзость была так велика, что когда им тогда же объявлено Высочайшее повеление о противозаконности подобных действий, то они, не отменяя своего постановления, записали только оное в журнал с отметкою, что они не привели его в исполнение вследствие воспрещения высшего правительства.

Крамольный этот дух минского дворянства еще более развился во время вооруженного мятежа в 1863 году, но они не могли вооружить столько шаек, как в других губерниях, по причине меньшего числа шляхетских околиц и потому что большая часть населения губернии православного вероисповедания: но, тем не менее, во всех лесах, где только было возможно,

а особенно в Борисовском и Игуменском[131] уездах, были значительные шайки. Шайки же Новогрудского и Слуцкого уездов соединились с таковыми же в Гродненской губернии.

Справившись с открытием тайной крамолы в Литовских губерниях, я послал особую следственную комиссию в Минск для обнаружения секретной администрации. В скором времени председатель оной жандармский полковник Лосев[132] обнаружил главных деятелей мятежа в Минской губернии и их сношения с прочими губерниями, преимущественно с Виленской. Таким образом, окончательно были взяты оставшиеся виленские революционеры и в том числе Калиновский, главный распорядитель мятежа в Литве[133]. С уничтожением их прекратились и все мятежные покушения, минские же революционеры были судимы в Вильне. Таким образом окончены были главнейшие мятежные заговоры, в том числе и могилевские, имевшие непосредственные сношения с минскими, а витебские с Виленской губернией и с Динабургским уездом.

О могилевском вооруженном восстании здесь не говорю, ибо оно было в высшей степени бессмысленно и, начавшись 17 апреля, окончено было в первых числах мая, почти без содействия войск, одними православными крестьянами: они перехватали в лесах и на мызах почти всех панов, гимназистов и шляхту, которые образовали шайки, из коих часть только под предводительством известного Топора (подполковника генерального штаба Звирждовского[134]) ограбили гор<од> Горки и бежали в Минскую губернию; сам же Топор бежал в Царство Польское, где впоследствии был взят и повешен. Замечательно, что могилевское восстание было произведено под видом охоты на лося[135]. И в известный назначенный день большая часть молодежи, а также руководителей мятежа собрались в охотничьей одежде, с запасом продовольствия, в указанные места и там были постепенно обезоруживаемы и взяты крестьянами. Могилевские революционеры были до такой степени уверены в бессилии и послаблении правительства нашего, что они смело, в ответах своих следственным комиссиям, уверяли, что не имели никаких мятежных замыслов, но действительно по-

всеместно сговаривались идти на охоту. Остальное польское население Могилевской губернии старалось поддерживать это нелепое оправдание, так что даже многие русские, а в особенности в Петербурге, старались этим оправдать покушение к мятежу в Могилевской губернии. Тамошний губернский предводитель Любомирский[136] был один из главных секретных деятелей и руководителей оного; но он так себя осторожно вел, что его трудно было юридически уличить, впрочем, он был уволен от должности и отдан под надзор полиции.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что белорусские губернии Могилевская и Витебская, которые 37 лет тому назад, когда я был в первой губернатором, во второй вице-губернатором, были почти совершенно русскими, за малыми исключениями, и когда в 1830 году, по моему ходатайству, Высочайше поведено было уничтожить в них производство дел по Литовскому статуту[137], повсеместно ввести русский язык, как в судопроизводстве, так и во всем управлении, то это было принято не только беспрекословно, но составлен был благодарственный государю адрес за дарование им общих с Россиею прав. И это все было в 1831 году во время самого разгара польского мятежа в Варшаве и в Литовских губерниях.

Надо заметить, что в 1831 году мятеж преимущественно распространен был в Ковенской и Виленской губерниях и только кое-где появлялись шайки в Минской и весьма немного в Гродненской. В Белорусских же губерниях в одной Витебской и именно в Лепельском уезде были проявления мятежных покушений[138]. Но вообще противоправительственное направление наиболее высказывалось в Полоцком, Дриссенском и Динабургском уездах, т. е. там, где была прежде Иезуитская коллегия[139] (до 1817) и вообще от нее утвердился католический фанатизм.

В 1863 году все эти губернии были объяты пламенем мятежа и ежели не везде проявились вооруженные шайки, по недостатку средств к вооружению и противодействию православного сельского населения, то, тем не менее, все дворянство, шляхетство и ксендзы повсеместно явно и безбоязненно

провозглашали владычество Польши, старались в том уверить крестьян и тем самым, при малейшем успехе мятежа в Литовских губерниях, Белоруссия, без всякого затруднения, вошла бы в состав предполагаемой революционерами Польши в границах 1772 года.

Политическое и нравственное положение губерний в 1831 году, когда мятежники имели отличное регулярное войско и вели даже войну с нами, иногда даже со значительным успехом, но везде было все тихо (кроме Ковенской губернии всегда фанатизированной католицизмом) в сравнении с тем, что было в 1863 году, ясно доказывает, что правительство в продолжение последних 30 лет, не только не принимало мер к уничтожению в крае польской пропаганды, но, напротив того, по крайнему неразумению местных и главных правителей давало все средства к развитию польского элемента в крае, уничтожая все бывшие зародыши русского начала. Я не стану в подробности упоминать о действиях тех лиц, которые с 1831 года были главными на местах распорядителями, о их бессмысленности и неразумении положения края, польских тенденций о незнании истории сей искони русской земли, о постоянном их увлечении призраками польского высшего общества, пресмыкавшегося перед ними и высказывавшего преданность правительству, но не только тайно, а явно обнаруживавшего свои тенденции к уничтожению всего русского; но все это привлекло на их сторону генерал-губернаторов, а в особенности женский пол, жертвовавший честью и целомудрием для достижения сказанных целей[140]. Для истории нельзя, однако ж, умолчать о тех начальниках того края, которые наиболее ознаменовали себя подобными тенденциями и нанесли огромный вред могуществу России в той стране. Это были: в Белоруссии — кн<язь> Хованский[141], генерал-адъютант Дьяков[142], кн<язь> Голицын[143]; в Вильне: кн<язь> Долгоруков[144], Илья Гаврилович Бибиков[145] и генерал-адъютант Назимов. Вот ряд людей, которые при содействии подобных же деятелей в Петербурге, в глубоком неведении своем положили в крае твердое начало польской пропаганде и впоследствии развитию мятежа, стоящего так дорого

России. Теперь (1866 г.), благодаря Бога, все обнаружено, мятеж подавлен, крамолы и заговоры против правительства открыты во всех отраслях и направлениях, не исключая и петербургского польского жонда под руководством Огрызко[146], Юндзилла[147], Сераковского и других; теперь остается правительству воспользоваться тяжким уроком и положить конец польской крамоле в западном крае, прижав его окончательно русским, не силою оружия, но моральным возрождением в нем долго подавляемых исконных русских начал.

Во время принимаемых мною мер к прекращению в 1863 году мятежа во вверенных мне губерниях, Государю угодно было поручить моему заведованию, как выше сказано, Августовскую губернию, которою мятежники распоряжались по произволу и в которой войска наши (почти целая дивизия) расположены были по городам, не будучи в силах, без содействия гражданского начальства, принимать какие-нибудь меры к прекращению мятежа. Варшавское же правительство, как объяснено выше, не только бездействовало, но под управлением в<еликого> к<нязя> Константина Николаевича и Вельепольского равнодушно смотрело на все неистовства, производимые мятежниками в крае.

В сентябре 1863 года, получив высочайшее повеление об Августовской губернии, я отправил туда войска под начальством генерала Бакланова[148] и поручил ему немедленно ввести военно-гражданское управление в крае, на основании данной мною 24 мая для Северо-Западных губерний инструкций. Преображенский полк, под начальством кн<язя> Барятинского[149], занял главные мятежные пункты губернии, и не прошло и трех недель, как со введением сказанного управления мятеж почти совершенно там утих, оставались только в Ломженском уезде некоторые бродячие шайки, преимущественно наполненные шляхетским населением. А также туда вторгались мятежные шайки из других губерний Царства Польского, так что для ограждения этого уезда я вынужден был распорядиться о занятии нескольких пунктов в соседнем Остроленском уезде Плоцкой губернии.

По мере подавления мятежа в Северо-Западных губерниях я принимал меры к прочному обеспечению сельского населения и к ограждению оного от насилия панов.

Трудно было до этого достигнуть, по неимению лиц достаточно благонадежных, чтобы поручить им на местах это важное дело; все чиновники, как выше сказано, были польского происхождения, также и мировые посредники; большая часть их была взята под стражу, за участие их в мятеже или по неблагонадежности уволены от должностей: надо было спешить скорей занять русскими людьми все полицейские должности и вообще имеющие прикосновение к народу, который составлял главную нашу опору. Трудно было вдруг наполнить край русскими чиновниками. Я еще при выезде из Петербурга отнесся ко всем начальникам губерний, прося их присылать лиц более благонадежных, для чего и ходатайствовал для них у Государя особые льготы и пособия и просил о том же министра внутренних дел. Действительно, чиновники начали прибывать, но, к сожалению, многие из них не соответствовали ожиданиям, особенно присылаемые от министра внутренних дел, так что я вынужден был многих возвратить обратно и медлить занятием вакантных мест[150].

Имея в виду, что главное дело в крае состояло в упрочении быта сельского населения, уничтожении над ними власти мятежных панов и привлечении народа к правительству, я преимущественно обратил внимание на вызов из России деятелей по крестьянскому делу. С августа 1863 года в тех уездах, где был подавлен мятеж, постепенно назначались русские мировые посредники и члены поверочных комиссий, так что к концу года в большей части уездов были русские деятели по крестьянскому делу, которые и обнаружили всю бездну злоупотреблений и угнетений, которым подвергался бедный народ русский от Польских панов и избранных из среды их посредников[151].

Зло было так велико, что нельзя было оставлять его без радикального излечения и даже исправления тех правил, которые были установлены по крестьянскому делу для западных губерний, ибо они составлены в Петербурге без знания местного

хозяйственного быта крестьян, по указанию лиц, вызванных из тамошнего края в виде экспертов, которые употребили все усилия, чтобы обмануть правительство и еще более поработить крестьян владельцам.

Скоро можно было убедиться, что утверждение уставных грамот в том виде, как они были составлены, послужило бы к вящему разорению крестьян и к возбуждению сих последних против правительства; в этом заключалась цель бывших польских деятелей всего шляхетского управления краем. Я решился воспользоваться моментом (с одной стороны, боязни правительства нашего от распространившегося мятежа, с другой — устрашения самих владельцев сильными мерами против мятежа и всеобщим почти участием их в оном), чтобы рассечь гордиев узел пагубного влияния панов на сельское население. Я пригласил нескольких мировых посредников и иных деятелей, более других изучивших положение крестьян и отношения их к владельцам, и в августе 1863 года издал Инструкцию для действий поверочных комиссий, предоставив им право переделывать уставные грамоты, составленные в противность закону, возвращать крестьянам отобранные от них в последнее время (с 1857) земли, обеспечивать обезземеленных крестьян и батраков, назначить им безобидные покосы и выгоны, не лишать их права пользоваться общим с владельцем топливом, и пастбищем скота, причем приказано было определить оценки оброков сообразно действительной ценности участков, отнюдь не стесняясь прежними высокими платежами. Меры эти, взятые в совокупности, были немедленно приведены в исполнение[152]; паны, как все виновные в мятеже, беспрекословно подчинились оным, тем более, что многие из них, сочувствуя мятежу, объявляли крестьянам в начале 1863 года, что им отдадут землю безвозмездно, если они пойдут в мятеж, и потому опасались, что правительство отберет все земли даром.

Владельцы упали духом, а крестьяне воспрянули, и почувствовали новую жизнь, причем приняты были меры к возвышению духовенства и к восстановлению православных церквей, с распространением повсюду русских школ. Для довершения

уничтожения возможности формироваться вновь к весне мятежным шайкам среди огромных лесов, покрывающих еще северо-западные губернии, приказано было везде делать просеки к тем местам, в которых могли укрываться шайки, а в случае ежели помещики его не исполнят, то предоставить это по указанию начальства самим крестьянам. Большая часть просек была исполнена сими последними, и сею мерою в одно время был обеспечен край отмогущих вновь появиться мятежников[153], а крестьяне получали за труды большое количество лесу, и в следующем году большая часть обстроилась вместо бывших их убогих хат.

Помещики на местах вполне смирились и втайне роптали, но в Петербурге подняли большой ропот и нашли сочувствие в министре внутренних дел, и у иных правительственных лиц. Невзирая на все это, я решился провести до конца начатые меры, ибо этим единственным способом можно было упрочить наше там владычество и подавить польскую преобладавшую интеллигенцию, против которой уже крестьяне в улучшенном своем состоянии, при содействии правительства, могли бороться.

К этому восстанию в Петербурге против принятых мною мер сильно присоединилась немецкая партия, владеющая значительными имениями в Инфляндских уездах Витебской, а также в северо-западных уездах Ковенской губернии. Немцы теряли едва ли не более поляков, так как они еще более угнетали крестьян и вводили батрачество в своих имениях, т. е. полное обезземеление крестьян.

Те же самые меры по устройству быта крестьян были применены мною еще в 1863 году в Августовской губернии, причем приказано было постепенно уничтожать гминное управление владельцев и назначать на место их гминными войтами крестьян по собственному их выбору, равным образом введены были независимые от помещиков крестьянские суды, с правом решать дела до 100 руб.

Всем этим мерам подчинились безропотно владельцы Августовской губернии и в скором времени крестьяне до такой

степени осмелели, что начали сами ловить мятежников и представлять правительству.

То же самое было в Северо-Западных губерниях; отовсюду я получал от крестьян депутации с благодарственными адресами; везде крестьяне молились торжественно за Государя, даровавшего им свободу, присылали адресы и устраивали часовни и образа во имя Александра Невского[154] — словом, всеобщее было торжество крестьян, которые вполне передались на сторону правительства и нелицемерно благодарили государя за все оказанные милости. В крае так ожило русское начало, что везде заговорили по-русски и православные священники, бывшие в угнетении и в рабском почти порабощении у ксендзов и панов, стали пренебрегать прежними своими властелинами[155], помещики же явно упали духом, в особенности же, когда с половины 1863 года были обложены 10 % сбором с доходов их имений, который однако же был беспрекословно и в кратчайшее время внесен и послужил к поддержанию русских чиновников, прибывающих в край, на устройство церкви и иных предметов, о коих будет помянуто далее[156].

Против правильности обложения помещиков 10 % сбором было много возгласов, особенно в Петербурге; обвиняли меня в неуравнительности и возвышенности раскладки, и никто не хотел понять, что во время самого сильного разгара мятежа, т. е. в июне и в июле 1863 года, нельзя было в несколько недель составить правильную оценку доходов помещичьих имений; но таково было уважение высшей Петербургской сферы, что они, подстрекаемые польскою партиею, хватались за все нелепые идеи, чтобы только обвинить принятые мною необходимые меры для укрощения мятежа; они не хотели понять, что у поляков нет настоящего патриотизма, но лишь влечение к своеволию и угнетению низших классов, что им хотелось восстановления древних прав польской аристократии во время Речи Посполитой, что им нужно было до невозможности поработить народ и выжимать из него сок, превращая его в «bydło» (по-польски значит скотина; так обыкновенно называли паны простой народ); по сей-то причине паны и вообще

польская интеллигенция не столько восставала против строгих мер, принимаемых к укрощению мятежа, сколько во всеуслышание вопияли против ограждения крестьян от панского гнета и возрождения в них нравственной силы. Они называли действия управления в сем отношении разрушительными для общественного порядка и последствием системы социалистов. В Петербурге тоже твердили, ибо не понимали ни положения края, ни необходимости утвердить в нем русскую народность. Министр внутренних дел и шеф жандармов преимущественно противодействовали, сколько могли, принятым к устройству быта крестьян мерам и старались поколебать доверие Государя к местному управлению; причем они старались распространить мысль, что меры эти приведут к гибельным последствиям в самой России, и потому министр внутренних дел не допускал обязательного выкупа крестьянами земель в Западных губерниях.

10 % сбор они считали явным грабежом и разорением владельцев, не принимая в соображение, что те же самые владельцы платили дань мятежникам, далеко превосходящую 10 % сбор; они не хотели понять, что раскладка сделана была по указанию самих помещиков, т. е. что взята в основание оценка десятины, объявленная помещиками при составлении уставных грамот; таким образом, владельцы, стараясь увеличить свои доходы угнетением крестьян, сами поплатились при обложении 10 % сбором тех доходов.

10 % сбор, кроме справедливости меры и способа разложения, представлял ту главную выгоду правительству, что он лишал помещиков возможности уделять доходы на поддержание мятежа. Мера эта, в присоединении к ней взимания штрафов за траур[157] и другие революционные манифестации, а также контрибуции на пособия мятежникам, произвели самое благодетельное влияние в крае, ибо польские паны, шляхта и ксендзы принуждены были дорого платить за все их бессмысленные заблуждения, поляка же ничем нельзя остановить в его безумии, как деньгами; его надо, как говорит пословица, бить по карману. Более благоразумные поляки в этом сами сознаются. С уменьшением доходов уменьшились и революционные за-

теи, всякий занялся поддерживанием своего хозяйства и опасался только, чтобы не подпасть под новые штрафы и взыскания, и за сим все в скором времени смирилось в крае.

В числе мер, принятых мною для окончательного подавления мятежа и переловления скрывающихся одиночных мятежников, я испросил Высочайшее соизволение на учреждение во вверенном мне крае жандармских команд из 30 человек в каждом уезде под начальством одного офицера. Команды эти снабжены были подробною инструкциею и размещались в уездах на определенных пунктах для наблюдений за действиями обывателей, с содействием войск и казачьих команд, размещенных также по уездам; в скором времени были уничтожены последние остатки бродячих шаек.

Жандармские эти команды до такой степени очистили край от последних остатков мятежа, что в 1864 году можно было безопасно повсюду ездить, и все мирные обыватели вполне почувствовали столь необходимые для них и их благосостояния силу и покровительство наших властей[158].

Инструкция, данная жандармским командам, выходила из ряду обыкновенных, принятых у нас начал для жандармерии: они поставлены были в непосредственную зависимость от мятежного начальства, которое распоряжалось ими по своему усмотрению, как высшею административною полициею, команды эти составляли тоже, что во Франции marechaussee[159]. Высшее жандармское управление стремилось к тому, чтобы их обратить в безответственных доносчиков, чем уничтожалась бы их административная, полезная, ответственная деятельность, но я этого не допускал во время управления моего краем, и команды эти были действительно весьма полезны, подчиненные главному местному начальству.

Независимо от сего, во всех уездах была учреждена, с половины июля месяца постепенно, сельская вооруженная стража под начальством благонадежных унтер-офицеров, ее формировавших. Стража эта доходила до 1 т<ысячи> и 2 т<ысяч> человек в некоторых уездах, охраняла селения, очищала леса совокупно с войсками от мятежников и держала в страхе

мятежных панов, которые были обложены особым сбором на содержание оной. Каждый стражник получал в сутки 10 коп. деньгами, кроме продовольствия; в сложности содержание стражи обошлось польскому дворянству шести Северо-Западных губерний более 800 т<ысяч> рус<ским> серебром. Дворянство заплатило также за все убытки, которые учинены мятежниками, как в казенном, так и в частном имуществе, т. е. священников, крестьян и т. п. Эти меры, совокупно с 10 % сбором, имели самые благоприятные результаты. За счет помещиков же было ограждено все протяжение железной дороги, расчищены окрестные леса, устроены бараки для войск по всей линии, словом, они вполне заплатили деньгами за свое безумие, не говоря уже о частных штрафах.

В ноябре 1863 года военные действия почти повсеместно прекратились. Так что в декабре можно было возвратить в Петербург 1-ю гвардейскую дивизию, оказавшую так много услуг правительству (равно как и прежде бывшая 2-я дивизия) при укрощении мятежа. К тому времени уменьшились и аресты, и усиленно только действовали на местах военно-судные и следственные комиссии, для скорейшего очищения тюрем, наполненных лицами, участвовавшими в мятеже. Так как он был повсеместно прекращен, то я признал возможным облегчить и меру наказаний, дозволив простолюдинов, участвовавших в шайках, но принесших чистосердечное раскаяние, вовсе освободить от взысканий с отдачей на поручительство обществ; таким образом, в течение 1863 и 1864 годов более 4 т<ысяч> человек разного звания, замешанных в мятеже, отданы были на поручительство с учреждением за ними полицейского надзора, кроме такового же количества добровольно возвратившихся из шаек, также водворенных на прежнем месте жительства[160]. Количество же лиц, присужденных к разным тяжким наказаниям, высланных и оставленных в крае, в подробности указано в прилагаемой особой ведомости, сообщенной мною военному министру для доклада Государю[161].

Из ведомости этой ясно видно, как преувеличены были все толки и возгласы об огромном будто бы числе лиц, сделавших-

ся жертвою жестокости управления Северо-Западным краем. Едва ли когда-либо мятеж, столь сильно охвативший все 6 северо-западных губерний (с населением более 6 мил<лионов> жителей), мог быть окончен с меньшим числом жертв; все бывшие революции в Европе и восстания в Английских колониях стоили несколько крат более жертв, чем бывшее в Западных губерниях восстание, ибо главное начальство сего края заботилось о том только, чтобы введением строго ответственной и правильной администрации восстановить достоинство правительства и только более разительными примерами смертной казни главных руководителей мятежа и в особенности лиц, учредивших правильные неистовства и злодеяния над безоружным народом, надо было остановить тот террор, который они всюду распространяли. Здесь дело заключалось не в одних строгих наказаниях, ибо их было весьма немного, но в совокупности всех принятых мер к подавлению мятежа и к предупреждению всех, беспрестанно изменяющихся способов действия мятежного жонда; в этом собственно и заключалось достоинство управления и успех его действий; мятеж сам собою погас, и все смирилось потому только, что во всех покушениях своих он находил своевременное правительственное противодействие. Бессмысленные польские умы отрезвились, и все затихло в крае, когда убедились, что правительственная власть восстановлена и идет необоримо к предназначенной цели, не останавливаясь ни пред какими препонами, повсюду поставляемыми. Мятеж прекратился, когда самые происки петербургских и варшавских революционеров не могли побороть и ниспровергнуть действий главного начальства Западного края.

Глава II
Ретроспективный обзор событий 1863 г.

Моральное и политическое положение края, сношения главного управления Северо-Западного края с высшим правительством; возрождающееся противодействие высших властей и особенные более или менее замечательные в сем году события

Я изложил вкратце общий ход мятежа и подавления оного в Северо-Западных губерниях и временно присоединенной к моему управлению Августовской губернии. Их этого описания видны все местные трудности и в особенности самое развитие мятежной организации во всем крае, поддерживаемой польской эмиграцией за границей, утвердившимся революционным жондом в Варшаве, развитием всеобщего мятежа во всем Царстве Польском и агентами оного в Петербурге и России.

Заграничное влияние революционной партии увлекло против нас главные Европейские державы: Францию, Англию и Австрию; дипломатические наши сношения шли неуспешно и уступчивость наша возрождала еще большую самонадеянность польских мятежников. Они имели полную надежду на содействие Франции и Англии. Все успешно принимаемые меры в Северо-Западных губерниях получали на местах противодействие, не столько материальное, сколько моральное от надежд, что западные державы принудят Петербургское правительство согласиться на требования поляков и подчиниться необходимости восстановления Польши. Надежды эти еще более возрастали при видимом не только бездействии Управления Царством Польским, но даже как бы при явном сочувствии мятежу партии, так называемых, белых, тайно руководимой маркизом Вельепольским, овладевшим умом В<еликого> К<нязя> Константина Николаевича.

Революционеры Западных губерний ожидали высадки французских войск в Курляндии и на границах Ковенской губернии. Надежды эти, при легкомысленности поляков, вскоре обратились в несомненную уверенность и никакие убеждения не могли их в том разуверить, между тем петербургское правительство наше колебалось и тогда только решилось говорить самостоятельно, отстаивая интересы России, когда принятыми мною энергическими мерами, видимо, ослаблялся мятеж в Северо-Западных губерниях, так что в половине июля, наш министр иностранных дел кн<язь> Горчаков, видевший, с одной стороны, всеобщее возбужденное в России чувство оскорбленной народности и патриотизма, а с другой, сильно подавляемый мятеж в Северо-Западных губерниях, решился энергическими нотами отвергнуть все нахальные требования западных держав и польской заграничной эмиграции, которая образовалась в виде польской официальной власти, почти признаваемой иностранными державами.

С изданием решительного категорического отзыва[162] кн<язя> Горчакова Западным державам начали упадать и надежды польских революционеров, так что уже в августе месяце, как мною было сказано, принятые меры к подавлению мятежа возымели полный успех.

Сочувствие России к правительственным мерам и к принятым мною в Северо-Западных губерниях, довершило успех начатого дела возрождения Русской народности в Северо-Западном крае.

Все польские долголетние козни, происки и враждебные действия противу России явно обнаружились перед Россией.

Россия вступилась за древнее свое достояние, столь постыдно в течение десятков лет, обращаемое в польские провинции слабостью и неразумением как бывшего правительства, так и местных исполнителей. Сочувствие России к святому делу восстановления православия и русской народности в Северо-Западном крае было так всеобще и велико, что я из всех краев великого нашего отечества получал благодарственные адреса за успешное поборение мятежа: от духовенства, дворянства,

городских и сельских обывателей; кроме адресов посылаемы были мне иконы, и все это придавало мне нравственную и, могу сказать, телесную силу для преодоления всех трудностей на месте и для борьбы с некоторыми правительственными лицами, не сочувствовавшими принятым мерам к укрощению мятежа.

Замечательно, что в то время, т. е. в самый разгар мятежа, я получал анонимные, ругательные письма из всех стран Европы и на всех языках; в них, кроме убийства кинжалом и ядом, предвещали неуспех принятых мною мер, ибо вся Европа за поляков и Россия не в силах противостоять требованиям западных держав.

Между этими бессмысленными посланиями были весьма замечательные, так, например, некоторые увещевали меня именем религии оставить поляков в покое, другие, как бы по дружбе, просили о том же; некоторые вызывали меня на поединок, угрожая смертью от тайных агентов, посланных в Вильну. Таких посланий я получил более 100 с разными карикатурами, руганиями, виселицами, эшафотами и т. д. Послания эти были одним из средств для устрашения меня, ибо революционеры видели, что принимаемыми мною мерами мятеж скоро начал утихать и эти угрозы преимущественно продолжались до сентября и октября 1863 года, т. е. когда они уже видели бесполезность принятых ими мер и что мятеж окончательно уничтожился в Северо-Западном крае. Коллекцию этих руганий и угроз я сохранил в виде исторического документа морального напора Европы, каковой производил на меня совершенно противное действие; он возбуждал во мне еще большую энергию и при сильном, почти ежедневно ознаменовавшемся сочувствии православной нашей России, с помощию Божией, я мог в короткое время смирить крамолу и дал возможность правительству нашему действовать с большею самостоятельностью, ибо оно уверилось, что и в Царстве Польском мятеж может быть скоро укрощен, если тамошнее начальство будет следовать той же системе и мерам, которые были приняты мною в Северо-Западном крае.

Уже в половине августа Высочайше поведено было, по возможности, держаться в управлении Царством Польским тех мер, которые были приняты мною в Северо-Западных губерниях. В том же августе был вызван В<еликий> К<нязь> Константин Николаевич в Петербург, где, пробывши несколько дней и по возвращении в Варшаву в первых числах сентября был уволен в отпуск и вслед за тем освобожден вовсе от управления Царством[163].

Помощник его граф Берг вступил в управление Царством, маркиз Вельепольский уволен от занимаемых должностей и поехал за границу. Со всеми этими переменами в личном составе главного управления Царством Польским изменилась и система действий; гр<аф> Берг почти безусловно принял мою систему против мятежа и по соглашении с ним и с Высочайшего соизволения присоединен к управлению моему Ломжинский уезд, более других сосредоточивавший в себе мятежные скопища; но и сей уезд, за принятыми мною строгими мерами, был в самое короткое время усмирен.

С выездом из Царства В<еликого> Кн<язя> и Вельепольского, с принятием энергических мер против мятежа, он постепенно и в скором времени стал утихать, но продолжался еще до конца 1864 года и я вынужденбыл принимать меры, дабы не вторгались во вверенный мне край шайки из Царства Польского. При вызове Константина Николаевича в Петербург, он надеялся, что я встречу его в Вильне со всеми почестями как главнокомандующего и царского брата, и мне дано было по телеграфу знать о выезде его из Варшавы. Общее негодование и, могу сказать, презрение всех Русских и самого войска к великому князю и его управлению (так как его во всеуслышание называли изменником России) было так велико, что я не признавал достойным, как главный начальник края, лично принимать его Высочество, тем более, что известная его необузданность и невежливость могли бы возбудить самые неприятные и неприличные при других столкновения; по этой причине и так как я действительно был нездоров, я поручил старшим военным и гражданским властям встретить его Высочество на

дебаркадере железной дороги с почетным караулом. Он вышел из вагона взбешенный, наговорил грубостей присутствовавшим и, не здороваясь даже с караулом, сел опять в вагон и отправился в дальнейший путь[164]. В Петербурге он жаловался на меня Государю; но там предупреждены были уже о всех его неприличных действиях[165].

На обратном пути его из Петербурга в Варшаву он счел более приличным проехать инкогнито, тем более что он был уверен, что я его опять не встречу. При давнишнем нерасположении ко мне великого князя и столкновениях при суждениях в главном Комитете и государственном Совете по составлению положения об освобождении крестьян, события в Северо-Западном крае, случившиеся явным укором действиям его Высочества в Варшаве, и неоказание ему ожидаемой почести при проезде через Вильну закрепили его ненависть ко мне, которую я конечно считал одной из лучших наград верной службы моей России и Государю.

Моральное настроение края ясно видно уже из всего сказанного; крамола и мятеж распространены были в оном повсеместно действиями польской пропаганды в течение десятков лет: урок 1831 года нам мало послужил впрок; после строгих мер, принятых первоначально Государем Николаем Павловичем[166], вскоре последовали исключения из оных, за сим послабления в исполнении[167], в 1833 году явились в Западном крае польские эмиссары, отправленные туда из Парижа из учрежденного там Общества прав человечества (societe des droits de l'homme), они проникли в Виленскую и Гродненскую губернии, независимо немалого числа находившихся в Царстве Польском. Тогда в Вильне был генерал-губернатором князь Николай Андреевич Долгоруков, человек, преданный женщинам и при запутанности своих домашних дел сделавший много долгов и потому бывший под влиянием польских магнатов, у которых он занимал деньги. Когда князь Долгоруков, женившись на польке, был впоследствии переведен в Харьков генерал-губернатором, то те же польские магнаты смеялись над его слабостями и теми уступ-

ками и снисхождениями, которые он им делал, и говорили, что руки уехали, а долги остались.

В числе эмиссаров были: некто Шиманский[168], уроженец Гродненской губернии, прибывший из Парижа и бежавший из Самогитского полка поручик Пищатовский[169] и, кроме того, помещик Волковысского уезда тогда же прибывший из Парижа Воллович[170]. Принятыми мною тогда же энергическими мерами, они были скоро схвачены, а вместе с ними и более 200 человек разных сословий, принимавших их и содействовавших им распространять повсюду мятежные покушения[171].

В Гродненской губернии тогда же были устроены много повсюду военно-полицейские управления, так что эмиссары эти, снабженные инструкциями из Парижа и имевшие целью возбудить всеобщее противу правительства восстание в крае, убивать русских начальников частей, уничтожать военные запасы, магазины и все то, что могло служить к утверждению русского правительства в крае, не успели ничего сделать и были захвачены; один только из них Воллович успел собрать шайку из 12 челов<ек> в лесах Слонимских, и напасть на денежную почту, но не мог однако же ее захватить. Вскоре Воллович со всею шайкой был взят, судим военным судом и повешен в Гродне. Пищатовский был также судим в Гродне и расстрелян в Белостоке, где он главным образом действовал. Над всеми прочими лицами учреждена следственная комиссия и военный суд, но, к сожалению, главные виновники, т. е. польские аристократы, будучи уличены вполне в мятежных своих покушениях, освобождены по распоряжению генерал-губернатора, находившегося, как выше сказано, под влиянием аристократии и женщин. Одни бедные и ничтожные шляхтичи, служившие орудием аристократии и увлеченные их льстивыми обещаниями, подвергнуты наказаниям и сосланы во внутренние губернии и в Сибирь[172], так что эти, так столь счастливо открытые мятежные заговоры в крае, не имели для правительства желаемого результата, напротив того, польское высшее дворянство, духовенство и заграничные эмиссары убедились, что можно деньгами и прелестью женщин распоряжаться в крае по

усмотрению и получить расположение правительственных наших лиц.

Последствием всех этих событий было общее негодование против меня, как сильно отстаивающего интересы России и строго преследовавшего крамолу и мятеж.

Повсеместно польская интрига работала против меня, стараясь затмить, сколь возможно, все обнаруженные следы мятежных действий в крае; в особенности им были крайне неприятны видимые успехи в восстановлении православия; так что в начале 1835 года я вынужден был оставить край, и по воле Государя переведен в Курск военным губернатором, разумеется, под самым благовидным предлогом приведения в порядок Курской губернии, которою Государь был недоволен, по случаю беспорядков, происшедших на дворянских выборах.

Выше было упомянуто об эмиссаре Шиманском, взятом мною. Он был один из весьма замечательных агентов польской пропаганды, уроженец Гродны и там воспитанный, он имел там связи и знакомства почти со всеми, особенно с римско-католическим духовенством и с учениками светских училищ, бывших тогда при католических монастырях. Он провел более 10 дней в Гродне, приводил к присяге в костеле, по ночам, учеников на общее восстание, собирал ксендзов и адвокатов бывших тогда судов, составлял разные политические кружки и в особенности при участии женщин, как в Гродне, так и на мызах; несколько раз покушался меня убить в городском саду, но наконец был схвачен как с кинжалом, который готовил на меня, так и с пистолетом, с которым он сторожил меня под мостом, когда я собирался ехать в Вильну.

Шиманский был в близких сношениях с содержателем пансиона Фрижаном[173], дети коего были в 1863 году замешаны в мятежных заговорах. Сколько Шиманский был самонадеян во время успеха своих действий, столько напротив он сделался низким и искательным во время производства над ним следствия. Он был вытребован генерал-губернатором в Вильну. Кн<язь> Долгоруков, желая похвалиться успехом открытия заговоров и взятия эмиссаров, предложил бывшему тогда во-

енному министру кн<язю> Чернышеву[174] вызвать в Петербург Шиманского, который обещал Долгорукову открыть главных агентов мятежа, находившихся в Париже.

Шиманский, в сущности самый ничтожный, но ловкий человек, был привезен в Петербург и посажен в крепость. Князю Чернышеву и Долгорукову хотелось придать большую важность этому пленнику. Военный министр отправился сам так же, как и шеф жандармов граф Бенкендорф[175], к нему в каземат к допросу. Шиманский, ободренный доверенностью и ласкою этих высших сановников, наговорил им всякой небылицы и дал честное слово содействовать в Париж к открытию польских революционеров, для чего просил дозволить ему, освободив его, отправиться в Париж, для чего и снабдить его некоторыми денежными средствами. Оба колпака-сановника испросили Высочайшее соизволение на освобождение его, и он, снабженный деньгами, отправился торжественно в Париж; но едва переехал он нашу границу, как из первого города написал кн<язю> Чернышеву благодарственное ругательное письмо, в котором выставлял низость их чувств и глупость их в том, что они могли думать, что он, будучи поляком, решится изменить присяге своей и предать интересы ее в руки русских. Таким же образом в 1839 и 1840 годах вновь появились в Западном крае заграничные эмиссары, тайные общества для польской пропаганды, независимо от постоянных действий в польском духе во всех отраслях внутреннего управления краем. Главные правители оного как бы того не замечали и даже скорей содействовали, признавая тот край польским и не усматривая в нем никаких русских начал, ибо в виду их были только дворянство и римско-католическое духовенство. Русское же православное духовенство было в пренебрежении, а о народе и церквах православных и не думали.

В 1839 году совершилось в крае великое событие: воссоединение унии с православием. Дело это было введено в 1828 году нынешним митрополитом Литовским и Виленским Иосифом, который тогда был заседателем Греко-униатской коллегии в Петербурге[176]. Государь Николай Павлович внял его предложению

обратить унию в православие и с содействием графа Блудова[177], бывшего тогда Директором департамента иностранных исповеданий, это важное дело получило свое начало.

Иосиф по фамилии Семашко был сделан епископом униатским в Гродненской губернии и в м<естечке> Журавичах[178] и приступил к приглашению униатского духовенства принять православие при первом призыве правительства, независимо от особых мероположений, принятых правительством для уменьшения влияния католического духовенства на греко-униатов. В действиях своих он входил в ближайшее со мною соглашение (был в Гродно губернатором с 1831 по 1835 г.) и совокупными силами и преимущественно административными мерами восстановлялись в униатских церквах Гродненской губернии древние иконостасы, уничтоженные поляками, вводилась православная литургия с уничтожением католических обрядов, так что уже в 1833 и 1834 годах в Гродненском древнем православном монастыре Коложе[179], обращенном в униатский, служили уже по православному обряду, с дьяконом из нашего собора, и народ привыкал к православному служению в униатских церквях.

В Журавичах, где были Консистория и Семинария греко-униатские, уже в 1834 году не поминали папу[180] и Семашко в 1835 году уже почти от всех греко-униатов Гродненской губернии получил подписи на согласие к переходу в православие[181]. Один Михаил Голубович[182] (теперешний епископ Минский) противился этому по наущению католиков. Семашко обратился ко мне и вскоре Голубович смирился, сделавшись впоследствии ревностным православным.

Я не буду упоминать о всех препятствиях, встречаемых Семашко на трудном поприще, ему предстоявшем; католики сильно ему противодействовали и в особенности униатские монастыри, наполненные католиками, под названием лишь Базилиан[183]. Не однажды приезжал ко мне в Гродно Семашко, передавая мне свое грустное настроение о встречаемых всюду препонах к исполнению великого дела. Правительство наше, как и всегда, колебалось, соображаясь с возгласами и проти-

водействием Европы, а когда надо было действовать, то граф Блудов отлагал исполнение, и тем самым в самих униатах, давших согласие на присоединение, возрождал недоверие к самому делу, и многие даже отступились от обещаний. Не однажды сам Семашко выражал сомнение в успехе своего дела и хотел идти в монахи в один из православных монастырей; но Бог, видимо, помогал великому и святому делу; терпением и настойчивостью Семашки преодолены были все противодействия и в 1839 году 25 марта торжественно было объявлено воссоединение унии с православием. Таким образом, более 2 500 000 жителей обоего пола в Северо-Западных губерниях увеличили число православных; но священниками остались старые униаты, хотя и принявшие православие, но по привычке и по обычаю более католики и поляки[184]. Трудно было Иосифу, который вместе с сим был сделан митрополитом Литовским, устроить новую свою православную паству. Хотя Государь и давал ему всевозможные материальные средства, но дело состояло в моральном преобразовании духовенства и освобождении самых крестьян от давления и ига панов-католиков, которые не давали крестьянам свободно усваивать православную религию.

Нравственное преобразование духовенства требовало много времени и материальной поддержки, которой оно не имело, и оставалось в той же бедности и зависимости от богатых панов. Причем надо заметить, что главные правители края оказывали явное предпочтение католическому духовенству и не только не содействовали митрополиту Иосифу, но даже противодействовали во многом.

При такой неблагоприятной обстановке дела надо удивляться, как митрополит Иосиф удержал оное. Правительство обязано единственно ему в совершении сего великого дела, которое с тем вместе положило в будущем твердое начало русской народности в крае и дало возможность сельскому населению бороться с мятежом.

Мятеж 1863 года положил венец сему делу, ибо крестьяне, получив сверху свободу манифестом 19 февраля 1861 года,

только в 1863 году получили <ее> на самом деле, вполне ограждены от ига и грабежей, бывших панов и, восчувствовав всю важность присоединения к православию и русской народности, послужили твердым оплотом будущего развития в крае русского начала, которое должно быть нераздельно с православием.

Правительство должно убедиться в том, что первый враг русской народности в том крае есть полонизм и в связи с ним католичество, ибо католик и поляк одномысленны в понятии народа, и потому ослабление влияния католицизма в крае есть одна из главных мер, на которые должно обращать внимание правительство.

Во время мятежа (1863 г.) поляки высказывали наиболее озлобление противу православной церкви и служителей ее, так что во многих местностях православные священники должны были скрываться от их преследования; некоторые были умерщвлены ими при страшных истязаниях и мучениях, не говоря уже о многих православных крестьянах, а в особенности староверах, которые с самоотвержением служили правительству и подвергались мучительной смерти.

Эти гонения и истязания нашего духовенства и вообще православных обывателей вынудили меня принять самые строгие меры к взысканию с тех селений и помещичьих мыз, которые в том участвовали, и только уничтожением этих вертепов варварства и разбоя и выселением жителей их в дальние губернии я мог достигнуть прекращения всех неистовств мятежных банд.

Польская пропаганда старалась выставить с самой невыгодной стороны принимаемые меры к укрощению мятежа, скрывая все неистовства, производимые мятежниками; но что более всего грустно для всякого русского, это то, что в самом Петербурге лица высокопоставленные сочувствовали и отчасти даже поддерживали происки и возгласы польских революционеров; это сочувствие доходило до того, что, высылаемые по приговору военных судов в Сибирь, мятежники были остановлены в Петербурге военным генерал-губернатором

кн<язем> Суворовым[185] и под предлогом болезни допускаемы были к свиданию со всеми своими единомышленниками, как в тюрьме, так и вне оной; от них принимаемы были даже разные опровержения и клеветы на местное начальство, которые и распространялись тем же генерал-губернатором в петербургской публике, так что главных преступников я вынужден был высылать не чрез Петербург, а окольным путем чрез Псков, Новгород и далее до Москвы.

Влияние генерал-губернатора на общее мнение в Петербурге, конечно, не было принято многими из благомыслящих русских, но среди некоторых правительственных лиц оно имело не мало сочувствия и вредило успеху дела подавления польской пропаганды. Многие, даже секретные агенты мятежа, предвидя предстоящую им в Западном крае опасность, скрылись в Петербурге и, вопреки законам, получали из главного петербургского управления паспорта за границу и таким образом ускользали от преследования закона.

К чести русского общества в Петербурге, которое постоянно противодействовало польской пропаганде, прилагаются стихи Тютчева[186], произведшие шум и вызвавшие сочувствие[187].

Переписка моя с кн<язем> Суворовым и с петербургскими властями, для прекращения видимого его покровительства польским мятежникам, ни к чему не повела, ибо правительство было расслаблено во всех отраслях управления.

Независимо от покровительства, оказываемого польской пропаганде петербургским правительством, значительно воспособляло им управление Остзейских губерний[188], польские мятежники, как явные, так и тайные, укрывались в большом числе в Риге, Ревеле[189] и вообще в прибалтийском крае, оставаясь под покровительством бессмысленного и слабого тамошнего управления генерал-губернатора барона Ливена[190]. Невзирая на все требования, как мои, так и смежных с прибалтийским краем военных и гражданских начальств, с трудом удавалось иногда выхватить оттуда лиц, замешанных в мятеже. Остальные под разными именами скрывались там и получали паспорта за границу. К сожалению, я почти то же должен

сказать об управлении Юго-Западным краем генерал-адъютанта Анненкова[191]; там польская пропаганда и мятежные заговоры не прекращались и служили к поддержанию мятежа в Гродненской и Минской губерниях.

Был даже замечательный случай в 1863 году, что на частном киевском пароходе «Кумир» были отправлены вооруженные повстанцы в Пинск[192], но, благодаря сельской страже на границе Киевской и Минской губерний, пароход этот был остановлен и поспешил возвратиться обратно в Киев, не дозволив сделать надлежащего обыска, причем 3 человека сельской стражи были потоплены быстрым поворотом парохода. Киевский генерал-губернатор старался замять это дело, и виновные не были обнаружены.

Все эти противодействия или, вернее сказать, безрассудные поступки соседних главных начальств под видом филантропии, а в особенности явно враждебное России управление царством польским, были причиною столь дерзких и настойчивых действий польских революционеров в Северо-Западном крае.

При всей неудаче их действий в оном при скором подавлении мятежа, главные деятели его не переставали по этим причинам быть уверенными, что все принимаемые мною меры к подавлению мятежа будут скоро, волею высшего правительства, ослаблены и высланные из края мятежники возвращены на родину. Эта уверенность была так велика, что отправляемые преступники, прощаясь с родными, объявляли во всеуслышание, что они скоро возвратятся, и пели гимны о восстановлении Польши.

Все мои сообщения о том министру внутренних дел и шефу жандармов, даже с докладами Государю, не имели никакого результата; высланным из края оказываемо было полное снисхождение от местных начальств и министерство внутренних дел размещало их почти по всем городам центральных наших губерний.

Таким образом, зло распространялось по всей России; сосланные поляки повсюду пропагандировали свои революци-

онные замыслы и старались увлечь на свою сторону по несчастию существующий у нас не в малом количестве революционный элемент.

Моральная зараза была очевидна; переписка сосланных между собой и с оставшимися в крае родными и знакомыми о том достаточно свидетельствует. Я неоднократно сообщал об этом петербургскому начальству, и о сем доводимо было до сведения Государя; но все эти представления остались тщетными; филантропические заблуждения петербургского правительства были так велики, что польза России, невзирая на положительные повеления государя, была забываема и должна была уступить место польским тенденциям.

Надо заметить, что во внутренних губерниях России в продолжение 30 лет польская пропаганда успела приобрести немалое число сообщников, как из поляков, сосланных туда на жительство, так и из русских. Доказательством тому служат попытки к мятежу в Казани[193] и приволжских губерниях, распространившиеся, начиная с Симбирской губернии[194], по всему пространству этому и по всей России в 1864 и 1865 годах пожары, как известно, были более или менее производимы агентами польской эмиграции.

Многие из бывших в каторжной работе и вообще сосланных в Сибирь за участие в мятеже 1831 и 1848 годов были возвращены в Западный край и Царство Польское и, как известно, сделались главными распорядителями мятежа 1863 года[195]. Знакомство же их и связи в России служили как бы этапными пунктами для сношений и покровительства высылаемых в 1863 году в Сибирь мятежников.

Таким образом, по распоряжению министерства внутренних дел рассеялись по всей России агенты польского мятежа, грозящие, несомненно, в будущем бедствиями для России. Все мои настоятельные ходатайства и представления о сосредоточении сосланных мятежников в отдаленнейших местах, где бы они менее могли вредить, не имели никакого успеха.

Взгляд правительства на мятеж 1863 г.

Мною уже было объяснено, каким страхом было объято наше правительство в марте и апреле 1863 года при появлении повсеместно в Западном крае и в Царстве Польском вооруженных шаек; страх этот тем более увеличивался, что почти из всех столичных учебных заведений — Медико-хирургической академии[196], университета, гимназий и из многих полков, а в особенности из артиллерии, инженеров и генерального штаба молодые люди, под разными фальшивыми предлогами и паспортами отправлялись в Северо-Западный край и вступали в шайки. К сожалению, надо сказать, что в том числе было несколько русских, православных. Правительство в то время еще не отрезвилось, и идеи филантропии и гуманности в ущерб России имели перевес во всех государственных обсуждениях и министерствах; так, в начале 1863 года было объявлено по военному ведомству Высочайшее повеление, что все офицеры, не желающие участвовать в делах против мятежников, могут просить о переводе их в полки, квартирующие во внутренних губерниях. Мера эта поколебала даже и тех, которые и не дерзали думать, что они могут нарушить присягу и изменить знамени своему. Скоро распоряжение это возымело свои плоды; из всех полков поступало много просьб на основании сего высочайшего повеления; многие выходили в отставку и вступали в ряды мятежников, независимо от тех, которые прямо дезертировали. Само правительство сею, так называемою, гуманною мерою возбудило в офицерах польского происхождения — католиках мысль о том, что они могут и должны устранять себя от службы Государю и России против польских мятежников, к чему побуждал их и польский революционный жонд рассылкою во все полки чрез почту и по начальству печатных циркуляров, с требованием, чтобы все лица польского происхождения и католики оставляли службу и переходили в ряды мятежных банд.

Мысль, выраженная таким образом самим правительством о различии национальностей в рядах войск, произвела такое

сильное впечатление даже на русских начальников, что многие из них просили меня, по прибытии моем в Вильну, переводить солдат польского происхождения во внутренние губернии.

Для прекращения этой губительной заразы, разрушающей достоинство и силу войск наших, я вынужден был тотчас по прибытии в Вильну отдать приказ, в противность помянутого распоряжения высшего министерства, с тем, чтобы офицеры, которые осмелятся разбирать национальности и думать, что они могут уклоняться от обязанности верноподданнической присяги, будут немедленно судимы по всей строгости законов: как клятвопреступники.

Распоряжение это произвело магическое действие. Поляки, служившие в рядах войск, убедились, что с ними шутить не будут, и если они в душе остались врагами нашими, то, по крайней мере, исполняли свои обязанности и не срамили достоинство русских войск, всегда верных России и Государю.

Надо заметить, что в 1831 году почти не было примеров, чтобы офицеры польского происхождения переходили к мятежникам и большею частью они верою и правдою служили в рядах наших войск против своих собратий, тогда как в 1863 году все это изменилось по воле самого правительства.

Вслед за изданием мною помянутого приказа одумалось и само правительство, и военное министерство объявило, что переводов во внутренние полки более допущено не будет, но не отменялось право подачи отставки, впрочем, за состоявшимся приказом моим никто более не подавал в отставку из офицеров и только те были уволены от службы, которые признавались неблагонадежными и за сим отдавались под надзор полиции и некоторые даже выселялись из края.

По мере подавления мятежа петербургские власти стали ободряться и оказывать покровительство и сочувствие будто бы угнетенным мятежным полякам; о многих из них поступали ко мне из Петербурга ходатайства о снисхождении, помиловании и т. п. Словом, первоначальный страх начал забываться и свойственные правительству нашему quasi-гуманность, потворство и угодничество европейским тенденциям против

России начали, видимо, вновь развиваться, так что уже во время пребывания Государя в Крыму, т. е. в сентябре и октябре месяцах я начал уже получать официальные настояния о возможном ослаблении принятых к укрощению мятежа мер.

Так как в ноябре во всех вверенных мне губерниях, не исключая и Августовской, мятеж был совершенно укрощен и за сим исполнено было возложенное на меня Государем поручение, а потому я, при совершенно расстроенном здоровье, признал нужным оставить управление краем. На основании данного мне Государем обещания при посылке меня в Западный край, просил Его Величество уволить меня от управления оным.

На письмо мое от 3 ноября Его Величество удостоил меня милостивым рескриптом, в котором положительно изъявлял свое желание, чтобы я продолжил управление краем доколе здоровье мое дозволяет это, на что я должен был согласиться, хотя вполне чувствовал, что скоро изменятся общие взгляды высших правительственных лиц на польский мятеж. Я остался, но с твердым намерением не давать правительству колебаться в своих мероположениях и, опираясь на заявленное Государем желание, чтобы я оставался в крае, приступить к полному преобразованию внутреннего быта оного; уничтожая польскую пропаганду и водворяя на прочных началах народность Русскую и православие. Таким образом, с ноября 1863 года начинается новый период моего управления краем, т. е. эпоха внутреннего преобразования оного.

Не лишним нахожу упомянуть, что в ознаменование своего благоволения ко мне Государь изволил 30 августа, в день своего тезоименитства, прислать мне орден Св. Андрея Первозванного при милостивом рескрипте[197]; но так сильно было влияние противодействующей мне партии, что в то же время, с целью ослабить значение данной мне награды (тот же орден), пожалован был тем же орденом Киевский генерал-губернатор и генерал-адъютант Анненков при рескрипте такого же содержания, тогда как в Юго-Западном крае не было не только принимаемо мер к укрощению мятежа, но явным образом была допущена польская пропаганда даже в самом Киеве.

Одновременная награда генерал-адъютанта Анненкова произвела общий ропот русских и возродила справедливое недоверие к прочности вводимой мною системы в управлении. Негодование это даже отразилось в лице председателя Государственного совета гр<афа> Блудова, который почтил меня письмом поздравительным, в коем он выражает свой взгляд на эту награду, а к 8 ноября, день моего ангела, русские люди, во главе которых был гр<аф> Блудов, желая моральным сочувствием поддержать вводимый мною порядок управления и систему уничтожения польской крамолы и мятежа, удостоили меня присылкой драгоценной иконы Св. Архистратига Михаила, при многознаменательном письме за подписью более 80 лиц[198], в коем изъявляют сочувствие свое; дар этот и благословение русских, исходящее из глубоких чувств любви к отечеству и приверженности к православию изгладили во мне то горестное впечатление, которое произвела на меня двусмысленная награда орденом Св. Андрея Первозванного. В присланной иконе я видел торжество русского дела и русских чувств, смею сказать, всей России, которых не в силах поколебать ни польская пропаганда, ни внутренние враги России.

Еще в 1863 году я делал, сколько мог, во время самого мятежа распоряжения к обессилению влияния польских панов, шляхты и ксендзов всегда нам враждебных и улучшал моральный и материальный быт крестьян, поддерживая везде православие, водворяя везде русские школы не только среди сельского населения, но и в городах, привлекая и евреев, дотоле вовсе чуждых русскому делу, к обучению русской грамоте. Ксендзов же подчинил самому строгому наблюдению местных уездных властей, которые были уже почти все из русских. В числе мер, принятых мною к обузданию католического духовенства, я закрыл и вовсе упразднил три католические общества, учрежденные под видом благотворительности и улучшения народной нравственности, но в сущности имевшие целью распространить влияние латинской пропаганды и подчинить оной население края, преимущественно сельское.

«Общество трезвости», имевшее будто бы целью уничтожение пьянства в народе, было учреждено еще в 1860 году, т. е. при

начале развития польской пропаганды в крае; это братство учреждено вопреки законам папским благословением и передано к исполнению католическим епископам. Главными деятелями оного были: в Ковенской губернии — епископ Волончевский, а в Виленской и Гродненской — Красинский. Волончевский не замедлил распорядиться, чтобы все духовенство вверенной ему епархии приняло в оном деятельное участие. Во всех церквах с амвона было провозглашено открытие братства; ксендзы внушали каждому на исповеди обязанность записаться в братство трезвости и под видом сего подчиняться безусловно распоряжениям духовенства, которое с разрешением епископа и с благословением папы разрешало им грехи на многие годы вперед; таким образом, народ сделался безмолвным исполнителем воли католического духовенства, которое направляло его против нашего правительства, содействуя всем революционным манифестациям, проявившимся с 1861 года во всем крае.

Бывший генерал-губернатор генерал-адъютант Назимов видел это зло, но не имел достаточно силы воли, чтобы остановить оное. Еп<ископ> Волончевский на данное ему предложение ответствовал резким отказом и в начале 1862 и 1863 годов старался еще более усилить влияние духовенства на народ, чтобы завлечь оный к мятежу.

В течение 1863 года и в конце его приняты мною меры к остановлению сего вредного фанатического влияния римско-католического духовенства на народ.

Братства трезвости были решительно воспрещены и те ксендзы и землевладельцы, которые нарушали это распоряжение, были подвергаемы законной ответственности и сверх того денежным штрафам. Таким образом, римско-католическое духовенство подвергалось штрафу за учреждение школы без ведома учебного ведомства единственно с целью распространить латинско-польскую пропаганду.

Строго и без колебаний приводимые к исполнению распоряжения мои по сему предмету скоро достигли цели, и народ постепенно стал выходить из под сильного гнета римско-католического духовенства, которое со своей стороны неволь-

но должно было подчиниться ближайшей местной военной и гражданской власти.

Не менее вредное учреждение в 1861 году «общества Винцентинок»[199] (St. Vincent de Paul) госпожою Бучинской[200], известной по религиозному фанатизму своему, имело целью, охватив все умы не только польских, но и более значительных русских дам в Вильне, даже и в Петербурге, под предлогом благотворения собирать деньги для содействия мятежу. Генерал-адъютант Назимов, жена его, а за ними и большая часть дам русских записались в члены общества, состоявшего под главным управлением епископа Красинского.

Бучинская первая подала пример ношения траура, и собранные деньги она раздавала женщинам из простолюдинок с обязательством носить траур по отчизне.

В начале 1863 года сам Назимов догадался, к чему стремилось общество; Бучинскую отправил на жительство в деревню и воспретил собрания общества; но его уже никто не слушал; общество неоднократно собиралось в самой Вильне под председательством епископа Красинского.

Мною сделано было распоряжение к исследованию действий Общества. Красинский прежде сего был выслан мною в Вятку, а главные деятели общества Бучинская, Лопатинская[201], гр<афиня> Плятер[202] и другие дамы по рассмотрении их действий в следственной комиссии, были отправлены на жительство во внутренние губернии империи и общество окончательно закрыто по обнародовании вредных действий оного[203].

Позднее, уже в 1864 году было упразднено общество г-жи Домбровской[204], учрежденное с разрешения высшего начальства под названием благотворительного, в котором участвовали почти все жители края, посредством делаемых с них сборов; общество это имело свои дома будто бы для призрения бедных, но в сущности цель его была содействовать мятежу различными сборами и рассылкою агентов для сборов по всему краю. Агенты эти, преимущественно женщины, служили переносчицами всех политических мятежных сношений и составляли род монашествующих, давших обет посвятить себя благотворению.

Домбровская завела отделы этих обществ в Ковне, Шавлях, Динабурге, Креславле, Освее, Дрогичине и других местах. У нее даже были агенты в Константинополе для сношений по мятежу и в разных местах Северо-Западного края, в оставшихся за упразднением в прежнее время монастырях сестры милосердия по слабости правительственного надзора и с разрешения епископа келейно учреждали обители; таковые были в Освее, Креславле и Дрогичине, в Ковне и других местах. Все эти обители, вместе с упразднением общества Домбровской, были закрыты, дома взяты в казну и так называемые монахини разосланы на места своей родины. Домбровская умерла в начале 1864 года и потому избегнула ответственности.

Уничтожением всех этих главных обществ, столь деятельно помогавших мятежу, сильно возродилось негодование польской пропаганды, поддерживаемой в Петербурге и я, конечно, не успел бы достигнуть умиротворения края, если бы на все эти распоряжения испрашивал предварительного разрешения столицы. Я видел необходимость безостановочно действовать и поразить гидру мятежа, не останавливаясь ни пред какими препонами, постоянно возрождающимися не столько на месте, сколько в столице.

Вслед за этими мерами и совокупно с оными, а в особенности в 1864 году сделаны распоряжения к ограничению латинского духовенства.

Все сказанные более или менее успешно принимаемые меры, а в особенности устройство быта крестьян и действия поверочной комиссии, ограждавшей крестьян от тяжких оброков, возбудили общее, так сказать, восстание польской пропаганды и наполнили возгласами Петербург; но, тем не менее, край смирился и осталось только окончательное исследование тайных агентов оного, из коих многие имели постоянную связь с таковыми же в Петербурге. Исследования эти успешно продолжались и постоянно обнаруживалась вся глубоко задуманная система мятежа, и столь успешно в продолжении многих лет утвердившаяся в крае от беспечности главного местного начальства и от неразумения края и положения в нем дел нашим правительством.

Глава III
1864 и 1865 гг.

Покончив с мятежом и водворив полное спокойствие в крае, я признал необходимым поехать в Петербург и лично доложить Государю о настоящем положении края и о принятых мною к обрусению оного мерах; причем возобновить и ходатайство мое об освобождении меня от дальнейшего управления тем краем по причине крайне расстроенного здоровья. Я тем более признавал необходимым оставить край, что высшее правительство, успокоившись на счет мятежа, начинало по-прежнему прибегать к мерам снисхождения и уступчивости, признавая даже полезным снять в скором времени военное положение и многих из высланных в Россию возвратить в край. Это мнение распространяли и поддерживали преимущественно министр внутренних дел Валуев, шеф жандармов кн<язь> Долгоруков, министр иностранных дел кн<язь> Горчаков и некоторые другие государственные сановники, особенно же петербургский генерал-губернатор кн<язь> Суворов, который до такой степени увлекался мыслью о снисхождении польским революционерам, что, можно сказать, почти бесновался, удерживал, под видом болезни, многих из важных преступников поляков, ссылаемых даже в каторжную работу, на пути их в Петербург, дозволял им свидания, принимал просьбы и повсюду ходатайствовал за них, осуждая во всеуслышание управление Западным краем. Увлечение его в пользу польских мятежников было так сильно, что когда, по открывшимся связям литовских революционеров с таковыми же поляками и русскими в Петербурге, некоторые лица были там арестованы по указанию Виленской следственной комиссии и требовались в Вильну для следствия и суда, то кн<язь> Суворов давал им возможность скрываться, а некоторые, как например Юндзилл, один из важнейших

преступников, при покровительстве кн<язя> Суворова ушел из под ареста и отправился за границу.

Петербургское начальство было до такой степени преисполнено мыслию снисхождения и помилования поляков, что многие самые положительные указания на участие некоторых лиц в заговоре против правительства не только остались без исследования, но небыло принято против них никаких мер; таким образом многие бежали из Петербурга и известный Иосафат Огрызко, главный агент мятежа в Петербурге, был оставлен на свободе и без всякого присмотра, несмотря на сделанные против него положительные указания еще в половине 1863 года, и он был прислан в Вильну лишь в конце 1864 года по особому сильному уже настоянию моему.

Надо заметить, что во всех министерствах, а в особенности финансов и в почтовом, весьма важные и влиятельные должности были заняты поляками.

В министерстве финансов директора департаментов окладных и неокладных сборов явно способствовали полякам и чрез И. Огрызко и Наржимского[205] и иных размещали преимущественно поляков по всем акцизным должностям внутри России и особенно в Западном крае. Таким образом элементы польского мятежа везде были разносимы внутри России; были губернии, в которых кроме акцизных многие полицейские должности, по допущению министра внутренних дел, были заняты поляками и сверх того моего же распоряжения, несмотря на все мои указания и протестации, значительная часть поляков, высланных внутрь империи, были размещены почти по всем городам центральных наших губерний, распространяя повсюду заразу польского мятежа и неудовольствие на правительство.

Все это в совокупности и нестройное, скажу более, вредное направление главных правительственных деятелей в Петербурге побудило меня решиться все высказать Государю Императору и просить об освобождении меня от управления тем краем.

25 апреля я прибыл в Петербург и вынес с большим трудом дорогу, так что по приезде я более недели не мог быть

у Государя. В Петербурге я был встречен большим сочувствием русских людей, несмотря на устраиваемое почти официально противодействие петербургских властей и особенно генерал-губернатора.

Нерасположение поименованных лиц было явное и потому я твердо решился все высказать Государю[206].

После столь успешного подавления мятежа и восстановления, смею сказать, достоинства русского правительства не только в Западном крае, но и в Европе, я мог ожидать со стороны Государя большего приветствия, особенно если вспомнить, что год тому назад я был послан со страхом и надеждою государем, полагавшимся единственно на меня для сохранения Северо-Западного края за Россией, ибо Царство Польское считали как бы потерянным для нас. Чрез неделю после прибытия моего, когда несколько восстановились силы мои, я еще полубольной[207] явился к Государю, который, по-видимому, не находил нужным оказать мне особого внимания во время моей болезни. Я сухо встретился с Государем и хотя он меня благодарил за прекращение мятежа, но так лаконически, что явно было влияние лиц мне противодействующих. По-видимому, все было забыто государем, как события в апреле прошлого года, когда он просил меня принять управление краем, так и все сделанное мною для благо и чести России.

Я воспользовался этим случаем, чтобы объявить Государю мою решимость оставить край, как по причине совершенно расстроенного моего здоровья, так и по явному несогласию со мною правительственных лиц в системе действий; тогда Государь несколько изменился, он представлял мне о необходимости оставаться еще в крае и продолжать управление оным. Я ему высказал о принятой мною системе и о противодействии здешних властей, причем заявил Е<го> В<еличеству>, что не могу принять на себя дальнейшее управление краем, доколе не будет утвержден правительством ряд предположенных мною мер к водворению в нем русской народности. Государь сознал необходимость сего и поручил мне прислать ему прямо записку. Нездоровье мое препятствовало мне заняться делом, как

бы я того хотел, и я сказал Государю, что постараюсь это выполнить, не надеясь, впрочем, по причине нездоровья скоро окончить этот труд. Государь просил меня однако же ускорить этим. Потому что он сам в мае месяце с Императрицей полагает ехать за границу и желает, чтобы я к тому времени был в Вильне.

Расставшись с Государем, по-видимому, в самых лучших отношениях (вероятно по наружности), я занялся сказанным делом и, как здоровье мое действительно было очень расстроено, я заявил Государю о необходимости иметь помощников по гражданскому управлению и воспользоваться двумя или тремя месяцами отдыха для лечения, на что Государь изъявил согласие.

Я неоднократно имел свидания и разговоры об устройстве края с разными правительственными лицами; мне сильно сочувствовали; но, к сожалению, большинство высших лиц увлеклось полонизмом и идеями сближения со взглядами европейских держав на наш Западный край. Они не знали ни истории края, ни настоящего его положения, а еще более не знали ни польского характера, ни всегдашних враждебных тенденций его к России, они не могли понять мысли об окончательном слитии того края с Россией, они считали его польским, ставя ни во что все русское, господствующее там числом население. Они и думали, и чувствовали, и действовали по наущению поляков и вообще всей их пропаганды, которая проникла во все слои петербургского общества и занимала даже значительные должности.

Известно, что большая часть русской аристократии, воспитанная в идеях европейских без чувства уважения к своей религии и к своему отечеству, всегда действовала без убеждений, согласно господствующему направлению на Запад. Для них России и православной религии нет, они — космополиты бесцветные и бесчувственные для государства и первое место у них занимают их собственные выгоды и своя личность. Вот та среда главных правительственных лиц, с которою мне предстояло бороться в Петербурге, чтоб провести свою систему действий в крае.

Среди министров я имел усердных помощников русского дела: министра государственных имуществ — Зеленого, военного — Милютина, путей сообщения — Мельникова[208] и юстиции — Замятнина[209]. Остальные были все в пользу поляков и горячие их заступники. Некоторые только из них оставались к той и другой стороне равнодушными. Имея в виду, что встречу сильное противодействие своим предположениям, я признал необходимым представить Государю всю картину настоящего дела, частью на словах, но более на бумаге, изложив в виде записки о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края, которую и доставил Государю в собственные руки для предварительного прочтения 14 мая.

Я не находил возможным продолжать управление вверенным мне краем, если не будут утверждены главные из представленных мною начал, о чем и заявил Государю.

Государь через 2 дня, по прочтении записок, выразил предварительное согласие на главные предметы, в ней изложенные; но решительно отвергал мысль об обязании лиц, высланных из края за политические преступления, к продаже их секвестрованных имений в определенный срок с тем, чтобы они не могли уже водвориться в крае. Из этого ясно видно, как слабо было стремление к водворению русского начала в Северо-Западном крае, сколь сильно было противодействие всему полезному России со стороны главных правительственных деятелей, окружавших Государя, так что мысль эта, неоднократно возобновленная министром государственных имуществ преемником моим генералом Кауфманом[210], была окончательно утверждена лишь в декабре месяце 1865 года, при том еще с большими ограничениями прав землевладельцев польского происхождения.

Видимый перелом мыслей Государя в отношении необходимости системы, принятой мною к обрусению Северо-Западного края, совершился более как через год по оставлении мною тамошнего управления, так была сильна оппозиция и польская пропаганда в самом Петербурге среди правительственных лиц.

В представленной мною Государю записке я с полною откровенностью и ясностью высказал необходимость изменить систему правительства и сознать всю ошибочность правительственных мероположений и системы уступчивости, которая в течение многих десятков лет утвердила в крае польский элемент и приготовила все к мятежу. Записка была по Высочайшему повелению рассмотрена в семидневный срок в Комитете министров; много было оппозиции и противодействия со стороны всех почти министров; но они не смели еще решительно отвергнуть предположенные меры; главные из них прошли без изменений; другие с некоторым ослаблением чрез изменение смысла их неправильною редакциею; но тем не менее с окончательным утверждением Государем главных из предложенных мною мероположений в отношении возвышения православного духовенства, увеличения его окладов, упразднения римско-католических монастырей, замешанных в мятеже, ограничения прав римско-католического духовенства на постройку костелов и на назначение их к должностям без разрешения местного начальства, уничтожения польского языка во всех учебных заведениях, повсеместного введения русских школ, увеличения содержания русским чиновникам, прибывающим в край, принятия решительных мер к уничтожению польской пропаганды и всех наружных признаков владычества польского элемента в крае, возможно большего ограничения в назначении лиц польского происхождения на должности в Западном крае и многих иных мер, содействующих выше прописанным целям и в особенности оставлением без возражения принятых мною мер по устройству крестьян в Северо-Западном крае и данных мною к руководству поверочным комиссиям инструкций (так как все это в совокупности, ежели не вполне утверждено, то и не отвергнуто). Мне была дана возможность быть еще полезным в крае и потому, при видимом желании Государя, чтобы я продолжал управлять оным, я решился отправиться в Вильну и прибыл туда 25 мая 1864 года.

Выше уже сказано, что Государь и Императрица собирались ехать за границу и потому мне надо было спешить возвратом

в Вильну, дабы приготовить им спокойное шествие и полное ограждение от могущей быть опасности при политическом брожении умов.

27 мая Государь и Государыня изволили иметь ночлег в Динабурге, а 28 проехали чрез Вильну. Имели обеденный стол в Ковно и того же числа прибыли на ночлег в Пруссии в Эйдкунен. Государя и Императрицу я встретил в Вильне на дебаркадере железной дороги. Они изволили быть совершенно довольны устройством приема в Динабурге и Вильне, и изъявляли мне свою благодарность, причем Государь изволил высказать желание свое на обратном пути в Россию в июле сделать смотр войскам в Вильне или в Ковне, о чем он заявил уже в Динабурге прежде свидания со мною и потому, хотя я и представлял ему о неудобстве делать в настоящее время смотр, но за сделанным уже оглашением он не считал уже возможным отменить решения.

Возвращаясь в Вильну, я был встречен всеми служащими, по-видимому, с большою радостью, ибо они опасались, что я в Петербурге откажусь от управления краем. Я воспользовался благоприятным впечатлением, произведенным вниманием Государя ко мне и утверждением главных из представленных мною предположений и немедленно приступил к выполнению оных. Так что в продолжении 1864 года почти все прописанные выше мероположения приведены были в исполнение, упразднено было 30 католических монастырей[211], закрыто много устроенных произвольно филиальных костелов и ненужных приходов, устраиваемых среди православного населения с целью совращения в католицизм, распределено до 400 т<ысяч> ежегодной прибавки к жалованию православного духовенства, прекращено повсеместно в официальных сношениях и во всех школах и публичных учреждениях употребление польского языка и рядом последовательных циркуляров действия римско-католического духовенства подчинены строжайшему контролю местных властей. Совокупным введением всех этих учреждений поднялся дух русских деятелей и православного духовенства в крае. И простой народ начал содействовать

к устройству православных церквей, на сооружение коих отпущены были многозначительные суммы из контрибуционных сборов; словом, видимо, ожило в крае русское дело и православие; повсюду распространилось убеждение о бывшей русской народности в так называемом поляками забранном крае; мысль о возрождении русской народности в оном сделалась почти всеобщею; даже и евреи начали учиться по-русски, для чего устроены школы в губернских городах; католики тоже начали учиться по-русски; ибо это им вменено было в обязанность и за ними учреждено было наблюдение местного начальства. Православные церкви начали везде сооружаться и самые католики, особенно в Минской губернии, целыми приходами переходили в православие с обращением их костелов в православные церкви. Крестьянское дело, т. е. работы поверочных комиссий шли успешно и благосостояние крестьян значительно улучшилось; польские же паны почувствовали, что им нельзя бороться с правительством и уступили ему, не делая на местах никакой оппозиции и перенося свои враждебные действия в столицу, где все более и более распространялся польский элемент под покровительством русских, утративших всякое уважение к национальности и прародительской вере.

Один Государь с малым числом вышеназванных правительственных лиц поддерживали русское начало, тогда как министр внутренних дел и шеф жандармов, вместе с князем Суворовым, явным образом покровительствовали польским революционерам под предлогом будто бы неправильного преследования и угнетения и что, покончивши с мятежом, надо протянуть им дружелюбную руку для взаимного сближения, т. е. они хотели следовать той же гибельной системе, которая после компании 1812 года, мятежа 1831 года, частных возмущений в 1848 году, послужила к ободрению их противу нас и была причиной столь грозного повсеместного восстания в Северо-Западном крае в 1863 году.

Перед отъездом моим в 1864 году в Вильну, я докладывал Государю о необходимости для меня некоторого отдыха и просил о назначении мне помощника по гражданской части, ибо

расстроенное мое здоровье видимо не дозволяло мне надеяться на продолжительное управление тем краем; Государь согласился на это и на сделанное мной указание для сего на свиты Е<го> В<еличества> генерала Потапова[212], хотя он впрочем отзывался о нем как о человеке мало сведущем в гражданском управлении; это было сделано с согласия кн<язя> Долгорукова, который, как кажется, с удовольствием отпускал его от себя (Потапов был управляющим 3-м О.С.Е.В.К. и начальником штаба корпуса жандармов), но так как кн<язь> Долгоруков был должен ехать с Государем и возвратиться в Петербург не прежде июля месяца, то до того времени было отложено это назначение.

Пребывание Государя в Вильне

В июле 1864 Государь возвратился из-за границы и 7 числа ввечеру прибыл в Вильну для предположенного смотра войск. Государь остановился в занимаемом мною дворце, был весьма приветлив и милостив и назначил на следующий день, 8 июля в 7 ч<асов> утра смотр войска на поле за зеленым мостом с тем, чтобы прямо со смотра ехать на железную дорогу в Динабург, где также был назначен смотр. Его В<еличество> назначил столь скорый выезд свой из Вильны вследствие отзывов моих о неудобстве оказывать какое-нибудь снисхождение и приветствие польскому шляхетству, которое ожидало с нетерпением приезда Государя и надеялось испросить себе различные снисхождения и помилования; но оно сильно в том ошиблось; никто из польского дворянства не был принят Государем, даже римское духовенство, надеявшееся, что он удостоит посещением собор Св. Станислава[213] и ожидавшее его на паперти с крестом и хоругвями, осталось при своем ожидании, и государь поехал мимо, не обратив на них ни малейшего внимания. Государь напротив того изволил посетить наш православный Свято-Духов монастырь[214], где был встречен митрополитом со всем духовенством, при выходе из оного удостоил принять губернаторов и прочих высших чиновников гражданских. Государь изволил

быть совершенно доволен смотром войскам, и, действительно, надо было удивляться, каким образом резервные батальоны, едва сформированные и в продолжение более года находившиеся раздробленными на мелкие отряды по всему краю, могли с таким успехом в столь короткое время представиться Его Велич<еству>, как вполне опытные в военном строе войска; хотя и с большим трудом я сопровождал Государя верхом.

Государь Имп<ератор> изъявил удовольствие свое всем войскам, неожиданно обратился ко мне, скомандовал Пермскому полку на караул, удостоил меня салютом и назначением шефом Пермского полка. Это так было для меня неожиданно, что я вдруг и понять не мог, чему приписать отдачу чести мне самим Государем перед фронтом, так что, отъезжая с места смотра в коляске вместе с Государем, я ему ни слова не говорил об этом весьма неожиданном для меня событии и, уже по отъезде Государя из Вильны, узнал, что назначен шефом полка с наименованием его моим именем, — отличие, которое считается между военными одним из больших, которые можно дать командующему войсками[215].

В Динабурге государь изволил иметь обеденный стол и после того был произведен смотр собравшимся там двум полкам и артиллерии. Его Величество остался и там доволен войсками и приказал объявить мне оттуда по телеграфу свою благодарность.

Во время кратковременного пребывания Государя в Вильне, я удостоился, однако, дозволением сделать Его Величеству личный доклад. Хотя и очень поздно ввечеру 7 числа я представил Его Вел<ичеству> словесно настоящее положение края, необходимость продолжения принятых мною мер к обрусению оного и об оставлении настоящего военного положения в той же силе, отнюдь не допуская никаких помилований и снисхождений, о которых, как было слышно, делались некоторые предположения по случаю приближавшейся свадьбы наследника с датскою принцессой Дагмарой[216].

По-видимому, государь вполне разделял мои предположения и остался всем совершенно доволен; одни поляки и рим-

ское духовенство остались недовольны тем, что не только не удостоились внимания Государя, но даже не были допущены во дворец, тогда как крестьяне во множестве стекшиеся из разных губерний с благодарственными адресами Государю, были милостиво приняты и приветствованы Его Величеством, с объяснением их обязанности в отношении правительства и закона. Таким образом проезд Государя Имп<ератора> чрез Вильну произвел самое приятное в нравственном отношении влияние на положение края; поляки приуныли и надежда на помилование на время исчезла; но партия врагов России в Петербурге не дремала; там еще более усилились возгласы против системы управления Северо-Западным краем.

Шайки неблагонамеренных и враждебных деятелей к пользам России еще более усилились в ноябре месяце, когда В<еликий> кн<язь> Константин Николаевич, будучи назначен председателем Государственного совета, возвратился из-за границы.

К августу месяцу прибыл в Вильну и вновь назначенный помощник мой генерал Потапов. По причине нездоровья и лечения минеральными водами, я вынужден был передать ему значительную часть управления краем.

Надо думать, что Потапов имел уже к тому времени секретные поручения от высших правительственных лиц, ибо хотя он сначала и казался совершенно разделяющим мою систему действий, вероятно с целью выиграть мое доверие, но скоро значительно изменился и стал тайно противодействовать делаемым распоряжениям, стараясь при том разными снисхождениями снискать расположение поляков. Но все это делалось тайно, с возможною негласностью, почти до того времени, когда я в марте месяце 1865 года предполагал ехать в Петербург и совершенно оставить край, ибо, с одной стороны, здоровье мое все расстраивалось, а, с другой, получаемые из Петербурга сведения меня удостоверяли, что Государь увлечен партией полякующих, во главе коих Константин Николаевич изъявлял полное охлаждение к принятым мною мерам и системе управления; при том все высшие Петербургские власти видимо

клонились к испрошению помилования мятежников, против чего я постоянно возражал и воздерживал вопреки преобладавшего в Петербурге польского направления. Неуступчивость моя еще более восстановила петербургские власти. К тому же надо полагать, что Потапов разными секретными доносами старался представить с невыгодной стороны весь ход управления Северо-Западным краем.

Ход крестьянской реформы, столь успешный по своим последствиям и служащий краеугольным камнем к водворению в нем русской народности, был поводом моих больших обвинений. Министр внутренних дел, шеф жандармов и многие другие высшие лица представляли Государю, что главные деятели на местах по крестьянскому делу суть люди вредные, преданные системе социалистов и разрушающие всякий общественный порядок. Обвинение это поддерживалось еще более всего польскою шляхтою и немецкими баронами, которые увидели, что им нельзя продолжать систему тяжкого угнетения крестьян и отымать у них те угодья, которыми поселяне многие годы пользовались, и лишать их всех средств к существованию. Возгласы эти и польское, так сказать, посполитое движенье в Петербурге были так сильны, что, по-видимому, поколебали незадолго перед сим оказывавшего мне полное доверие Государя.

Имея все это в виду, а также и то, что главные распоряжения по устройству края были уже по большей части приводимы с большим успехом в исполнении и что правительству останется только продолжать начатое, я решился тотчас по окончании рекрутского набора, т. е. в марте, отправиться в Петербург с твердым намерением более не возвращаться, ибо считал неудобным и неприличным продолжать при полном расстройстве здоровья моего такое управление, которое петербургские власти желали ниспровергнуть для водворения вновь польских начал. Борьба моя с Петербургом не могла иметь успеха, как это прежде было, ибо по слухам поколеблен был и сам Государь в своем доверии ко мне. Я хотел лично в том удостовериться и, выехав 18 марта, 19 прибыл в Петербург, но совершенно боль-

ной, так что я несколько дней по прибытии не мог представиться Государю.

В это время меня многие посещали и я еще более удостоверился в справедливости дошедших до меня сведений о направлении правительственных идей в отношении Западного края. До такой степени поколеблены были все начала, прежде принятые и удостоенные одобрения Государя, что с Высочайшего соизволения сообщена была мне воля Е<го> В<еличества> о помиловании многих мятежников, сосланных по приговору военных судов в Сибирь, и даже о возвращении многих из них из внутренних губерний. Главные правительственные деятели хотели повести Государя опять к системе всепрощения по случаю предполагавшегося в скором времени бракосочетания Государя наследника. Недальновидность или, лучше сказать, слепота взглядов людей, приближенных к Государю, была так велика, и приверженность их к идеям европейским, враждебным России, до такой степени превосходила природное чувство каждого честного человека любить свое отечество и жертвовать всем для пользы его, что они решились настойчиво ходатайствовать о возвращении Северо-Западному краю всех прежних правительственных льгот для свободного действия польской пропаганды и утверждения в оном народности польской, ибо они в слепоте своей не признавали край тот русским и стремились к тому, чтоб дать ему, как прежде полагали, отдельную автономию, сообразно предположениям Вельепольского, чувства коего и понятия они и поднесь разделяют.

Главные лица, действовавшие в сем смысле, были: Вел<икий> кн<язь> Константин Николаевич, направление и чувства коего уже всем известны достаточно, а потому я их не описываю. Министр вн<утренних> дел Валуев, человек не без способностей, но бездушный, космополит и преданный одной мысли и желанию воспользоваться европейской известностью и похвалой, хотя бы то было со вредом для России, — словом, человек во всех отношениях неверный ни России, ни Государю, можно выразиться, человек вполне вредный русскому делу[217].

Кн<язь> Долгоруков, шеф жандармов, человек честный и добрый, но в высшей степени бездарный, не имеющий никаких положительных убеждений, хотя и лично преданный Государю; но по слабости характера и малому разумению увлеченный идеями космополитизма и направляемый во всех своих действиях Валуевым.

Министр ин<остранных> дел Кн<язь> Горчаков, в полном смысле слова, пустомеля, но имеющий однако желание и стремление быть русским; он уступал Европе в то время, когда должен был действовать, и в существе держался системы Валуева и В<еликого> кн<язя> Константина Николаевича, т. е. полагал необходимым дать Царству Польскому, не исключая и Западных губерний, полную отдельную автономию, но когда в 1863 году заговорила вся Россия и, можно сказать, требовала от правительства самостоятельности и твердого отпора Европе на все, столь обидные, унизительные, простираемые к России требования, и когда в Северо-Западных губерниях дела шли удовлетворительно, т. е. мятеж видимо был подавлен, тогда только кн<язь> Горчаков решился дать самостоятельный отзыв европейским державам и отказать во всех их требованиях. Нельзя не отдать ему полной справедливости в этом действии. Он этим поступком вышел из среды Долгоруких и Валуевых и заслужил общую похвалу и расположение в России; но впоследствии, невзирая на это, он склонился опять к упомянутым выше своим сподвижникам, но особенно когда прибыл в Петербург В<еликий> кн<язь> Константин Николаевич. Ему нужно было расположение Его; хотя в душе он его и не уважал, но искал расположения В<еликого> кн<язя> для поддержания себя на скользком поприще, ибо в конце 64 года значительно поколеблено было доверие к нему Государя его неосторожной болтовней и неумеренным самолюбием во время пребывания Государя за границей. Так что одно время он сам думал, что не останется на месте. Кроме упомянутых личностей были еще некоторые второстепенные, окружающие Государя, но тем не менее производившие самое вредное влияние по польскому вопросу.

Министр нар<одного> пр<освещения> Головнин[218], человек хитрый, бездушный, подлый, слуга В<еликого> кн<язя> Константина Николаевича, имевший видимой целью поддержание всех демократических и разрушительных начал, которые он непрестанно вводил во всех учебных заведениях под видом развития просвещения, которое он черпал в заграничных университетах, нисколько не заботясь о восстановлении русского национального образования и внушения юношеству преданности и любви к отечеству. В отношении же к польскому делу он вполне разделял мысли Валуева и покровителя своего Константина Николаевича, который ограждал его у Государя от доходящих о нем неблагоприятных толков и сведений[219].

Министр финансов Рейтерн[220], человек бездарный, упрямый, не бывший никогда в России далее Петербурга и вовсе ее не знающий и потому не только не полезный, но и вредный для нее дурным направлением финансов, если прямо не противодействовал русскому делу в Западных губерниях, но и не оказывал ему ни малейшего содействия. В России же он, видимо, поддерживал все польское и допускал распространять польскую пропаганду по всей Империи, назначая преимущественно польских уроженцев на все более влиятельные места по министерству, особенно по акцизу. Выше было объяснено о влиянии Огрызко, Наржимского и подобных им лиц, и директора Департамента неокладных сборов[221] Грота[222], который им явно покровительствовал.

Министр почт Толстой (Иван Матвеевич)[223], человек в высшей степени бездарный, но пользующийся расположением Государя, ибо находился в числе тех молодых людей, которые, по распоряжению покойного Государя Николая Павловича, воспитывались с наследником престола[224]. Хотя Толстой не имел влияния на дела государственные, но в постоянных своих разговорах с государем вредил русскому делу, стараясь поддерживать систему Валуева в пользу поляков.

Министр императорского Двора граф Адлерберг[225] также держался мысли Валуева в отношении западных губерний не столько по убеждению, сколько по слабости к принципам

и преимущественно к полякам, которые жертвовали всем для поддержания польской пропаганды. В продолжении 63 и 64 годов, я получал не раз от него ходатайство за поляков, а особенно за полек, но должен был постоянно отказывать его просьбам, ибо они всегда были за людей, замешанных в революционных взглядах, но прикрывавших в Петербурге свои вредные для России замыслы наружной преданностью правительству и выставлявших себя жертвою несправедливого преследования. Хотя граф Адлерберг и не имел большого значения в делах правительственных, но тем не менее политическое положение его много содействовало к самонадеянности поляков поколебать предпринятые правительственные меры.

Председатель комитета министров кн<язь> Гагарин[226], двусмысленный и неверный в своем направлении, изменяющий его, соображаясь с более или менее выгодными для себя политическими обстоятельствами. Когда В<еликий> кн<язь> Константин Николаевич находился в общей опале, т. е. уволен был от управления Царством Польским и находился за границей, тогда кн<язь> Гагарин действовал в пользу русского дела[227]; но с возвращением В<еликого> кн<язя> и с назначением его председателем Государственного совета, он совершенно предался его партии и направлению, перебегая по временам то в ту, то в другую сторону, смотря по тому направлению, которое получают некоторые дела, вследствие особого указания Государя.

Граф Панин[228], начальник 2-го отделения, также человек колеблющийся в мнениях своих; хотя и чрезвычайно способный, но к сожалению кривотолк и редко в суждениях своих конец его речи сходствует с началом. Он держится более направления европейского и немецкой партии, будучи женат на немке из Лифляндии[229]. К русскому делу он довольно холоден и равнодушен и ищет только быть в милости у Государя и не дорожит никакими мнениями своими. Еще один из людей, влияющих в советах царских, председатель департамента экономии генерал-адъютант Чевкин[230], человек умный, русский в душе и всегда готовый помочь русскому делу, к сожалению, мелоч-

ный, во всю долговременную службу не произведший ничего полезного, и служил более тормозом в администрации.

Из остальных министров: Замятин — юстиции и Мельников — путей сообщения люди благородные, но мало способные производить что-либо полезное; тем не менее оба они и генерал-адъютант Чевкин постоянно действовали к утверждению русских начал в Северо-Западном крае и, сколько возможно, противодействовали партии космополитов и внутренних врагов России.

Но главные деятели русского дела в советах царских были и есть министр государственных имуществ Зеленый и военный министр генерал-адъютант Милютин.

Зеленый, с характером прямым, решительным, благородным, в душе в высшей степени русский, с самоотвержением посвятил себя поддержанию русского дела в Северо-Западном крае и той системы, которая была введена мною в тамошнее управление. Он, невзирая ни на какие сильные противодействия высших властей, настойчиво утверждал в мыслях Государя необходимость побороть польское начало в Западном крае. Не один раз его благонамеренные и настойчивые усилия были отринуты государем, но он не останавливался и все шел тем же путем. Так<им> обр<азом>, министр В<оенный> Милютин, замечательно к тому же умный, с конца 1863 года увидел бездну, к которой привела нас польская партия и русские космополиты. События 1863 года во многом изменили его взгляды и он вместе с генерал-адъютантом Зеленым и с братом своим статс-секретарем Николаем Милютиным[231] (посланным в Царство Польское для устройства там крестьянского дела и русского управления) всеми силами стремился к ниспровержению польского влияния как в Петербурге, так и в Западном крае.

В таком положении застал я Петербургское управление в последний период мой в 1863 году. Я не говорю о Суворове как о человеке совершенно пустом и потому что о нем довольно было сказано выше; но тем не менее он вредил постоянно русскому делу своею лживою болтливостью во всех слоях общества и даже при дворе, где с снисхождением выслушивали его

наивное лепетание, тем не менее вредное для общего русского дела. Надо заметить, что к тому времени польская партия соединилась с немецкою, которая также имела в Петербурге своих сильных агентов и защитников.

Увидев настоящее положение дел в Петербурге и вполне сознавая, что правительство наше желало бы само изменить систему действий в угодность Европе и врагам нашим внутри Империи, которые имели значительный перевес в общем мнении в Петербурге и узнав, что Государь без неудовольствия примет мое ходатайство об увольнении от управления Северо-Западным краем, я решился при первом свидании с Е<го> В<еличеством> окончательно выразить взгляд мой на все дело.

Когда я почувствовал облегчение от усталости и болезни, я просил аудиенции у Государя и удостоился быть принятым 24 марта; причем я имел постоянно в виду, служа верою и правдою России и Государю, служить, но не переслуживать; с этими мыслями и твердыми убеждениями я явился к Государю, преисполненный внутренним сознанием, что с самоотвержением, усердием и полною преданностью Государю и России выполнил свою обязанность.

Государь по обыкновению принял меня милостиво и приветствовал благодарностью за все сделанное. Когда я начал ему объяснять о положении края, он меня выслушивал безмолвно и, как мне показалось, довольно равнодушно, причем, как бы невольно, вырвались у него некоторые упреки, а то в крае русские чиновники нехороши, что в числе мировых посредников много социалистов и что от этого терпит (внутренний) порядок общественный, причем он отзывался с невыгодной стороны о некоторых Губернаторах. Из слов Государя, не свойственных даже его обыкновенной деликатности в обращении, в особенности со мною, после столь успешного выполнения тяжкой возложенной на меня обязанности укрощения польского мятежа, я еще более убедился в справедливости дошедших до меня сведений о перемене мыслей Государя в отношении ко мне и к моей системе действий. Я увидел, что польская партия и сочувствующие оной

некоторые русские правительственные власти овладеть успели мнением и совестью Государя. Я увидел, что продолжение службы моей в Северо-Западном крае не принесло бы никакой пользы для дела, но на всяком шагу были бы препоны в исполнении мероположений к обрусению края, польская партия восторжествовала бы и, после уничтожения мятежа в крае, я вынужден был бы его впоследствии оставить с унижением и большими личными неприятностями[232].

Выслушав упомянутые выше слова Государя, я решительно отверг оные, доказывая, что это есть выдумка Петербургской польской партии и некоторых правительственных лиц, которых и назвал и за тем высказал Государю, что я полагал бы более удобным, если б Е<го> В<еличество> сыскал человека, который мог бы меня заменить, что расстроенное мое здоровье не дозволяет мне с успехом продолжать управление. Что я, как кажется, выполнил свои обязанности успешно и добросовестно, смирил мятеж, и сделал, что можно, для водворения русской народности в крае, а потому и полагаю себя вправе просить у Е<го> В<еличества> освобождения от тяжких обязанностей, исполняемых мною в течение 2 лет в Северо-Западном крае, и некоторого отдыха для поправления здоровья; Государь, милостиво поблагодарив меня за все сделанное, как мне по крайней мере показалось, без затруднения и даже с некоторым удовольствием согласился на мое ходатайство; но с тем вместе просил, чтобы я повременил, чтобы дать ему время найти мне преемника. Причем Е<го> В<еличество> изволил обратиться ко мне с вопросом: кого бы я полагал назначить Генерал-губернатором в Вильну; я ему указал на двоих: на Хрущева[233], как помощника моего по военному управлению, и на генерал-адъютанта Кауфмана, благонамеренность и Русские тенденции коего я хорошо знал при неоднократных поездках его в Вильну и Варшаву. О генерале Кауфмане, как о Директоре канцелярии В<оенного> М<инистра>, я предварительно говорил с Дмитрием Алексеевичем Милютиным, которого я так же, как и генерал-адъютанта Зеленого, предварил, что буду решительно настаивать

у Государя об увольнении моем от должности генерал-губернатора[234]. О Потапове же я сказал, что полагаю, что он не будет годиться на эту должность и не захочет остаться помощником ни у того, ни у другого. Государь мне отвечал, что как он прикажет Потапову, так он это и исполнит, ибо Хрущеву нужен помощник по гражданской части, хотя бы на некоторое время. Государь изволил отозваться с отличной стороны о Хрущеве и о Кауфмане, особенно о последнем.

После этого Государь еще несколько говорил со мною вообще об управлении краем; но очень милостиво и без малейших упреков, хотя я ему очень резко выставлял все вредные попытки польской и немецкой партий к недопущению утвердить в Северо-Западном крае русское владычество; причем я изъяснил Его Величеству, что край этот удерживается за нами силою оружия и надо бы его теперь воссоединить нравственно-политически-религиозным русским элементом, что 30 лет тому назад, когда я был губернатором в Могилеве и Гродне, край был более русским и что теперь он совершенно ополячен по милости правителей края, не понимавших потребностей России и не умеющих противодействовать хитрой польской пропаганде, при ослаблении, в отношении поляков, общих правительственных мер, особенно в последние 10 лет.

Государь не совсем на это согласился, а в особенности на то, что в последнее время он более ополячился. Я это ему доказывал фактами и убедительно просил не отступать от принятой уже системы возрождения в крае православия и русской народности; причем я повторил Е<го> Вел<ичеству> о необходимости восстановить границы Царства Польского с Западными губерниями, ибо необходимо обывателям губерний сих доказать фактически, что правительство не допускает мысли о соединении губерний сих с Царством Польским, но Государь и этот раз отверг мысль о восстановлении границы.

После довольно продолжительного разговора и вполне милостивого со стороны Государя, Его Величество предложил мне остаться у него обедать, но я так был утомлен, что просил освободить меня от этого и возвратился домой. В этот же день

посетили меня Милютин и Зеленый, которым я объявил окончательное решение дела.

Оставляя край, я очень хорошо знал, что весть об этом произведет самое неблагоприятное впечатление на русских и произведет общую радость поляков, как в Западном крае, так и в Петербурге; но, с другой стороны, был уверен, что польская безумная радость возродит сильное негодование русских и что сам Государь скоро убедится в необходимости продолжения строгих и решительных мер по управлению Западным краем.

Таковому обороту благоприятствовали сами обстоятельства. На место Киевского генерал-губернатора генерал-адъютанта Анненкова, который, как известно, по ограниченному своему разуму, не принимал почти никаких мер к подавлению польского элемента во вверенных ему губерниях, был назначен генерал-адъютант Безак[235] с твердою решимостью принять введенную мною систему управления и во вверенном ему крае. Генерал-адъютанты Милютин и Зеленый его направляли и облегчали ему все средства к утверждению в том крае русской народности; хотя министр Внутренних дел Валуев с своей стороны старался этому препятствовать; но попытки последнего были неудачны. Тем более что радостные возгласы и манифестации поляков об оставлении мною Северо-Западного края уже значительно потревожили Государя и побудили скорее назначить мне преемника.

Государь решился выбрать генерал-лейтенанта Хрущева, человека честного, чисто русского и вполне разделяющего мысль о необходимости уничтожения польского элемента в крае, но конечно еще мало знакомого с гражданским управлением, потому Государь имел в виду оставить при нем на время помощником генерала Потапова.

Очевидно, что Потапов не мог бы долго оставаться в этой должности, ибо он был, как выше объяснено, увлечен польскою партиею и старался быть популярным из угождения Валуеву и некоторым правительственным властям в Петербурге.

Валуев желал воспользоваться сими обстоятельствами и представил Государю для пользы будто бы установить в Вильне

двойственное управление, т. е. назвать Хрущева главным начальником Края и Потапову, в качестве помощника, поручить исправление должности Генерал-губернатора. Словом, он хотел создать управление, такое противоречащее и невозможное в практическом исполнении, каков он сам, т. е. постоянно противоречащий себе и бесхарактерный, преданный польскому делу, тогда как, напротив того, в том крае, более чем где-либо, надо иметь твердое и сосредоточенное управление в полном смысле слова. Валуев в том духе написал даже инструкцию, которую и представил Государю. Военный министр, узнав о стремлении Валуева ослабить власть главного начальника края, который был в то же время распорядителем всех находящихся там войск, энергически представил Государю о неудобстве его предположения, и как между тем до самого Государя доходили самые тревожные слухи о проявляющихся в том крае польских революционных противоправительственных манифестациях, то Государь решился, по предложению Милютина, генерал-адъютанта Кауфмана командировать (на место) для узнания на месте о действительности неблагоприятных слухов и о предварительном соглашении Хрущева и Потапова на приведение в исполнение Валуевской комбинации. Кауфман был командирован за 4 дня до Пасхи, т. е. 31 марта, и оставлен был до его возвращения заготовленный указ о назначении Хрущева. Генерал-адъютант Кауфман возвратился вечером накануне Пасхи и привез самые неблагоприятные сведения о возродившихся между поляками надеждах на ослабление правительственных мер, каковые надежды поддерживались, видимо, умышленным покровительством польского элемента генералом Потаповым в продолжение 2 недель, истекших со времени оглашения слуха о том, что я оставляю край, причем генерал-адъютант Кауфман заявил Государю, что комбинация Валуева неудобоприменима, что Хрущев на основании оной не признает возможным управлять краем и что Потапов мешает пользоваться, под наименованием помощника, всеми правами генерал-губернатора. Потапов, встревоженный тем, что комбинация Валуева не

принята Хрущевым и что его оставят помощником без всяких особых прав, вручил Кауфману письмо для доставления Государю, в коем он просил, не решая дела, дозволить ему лично прибыть в Петербург для объяснений.

Таким образом, изготовленный уже к 4 апреля указ о назначении Хрущева главным начальником Северо-Западного края и об увольнении меня с возведением в графское достоинство был на время отложен. По телеграфу было дано знать Потапову, что ему разрешено приехать в Петербург.

5 числа в 1-м часу пополудни я был принят на испрошенной мною аудиенции у Государя, ибо я желал, чтобы праздниками вышли некоторые награды чиновникам и не мог прежде того сделать представления и узнать у Государя окончательное решение об оставляемом мною крае. Государь принял меня довольно сухо, и когда я объяснил ему еще раз о положении края, то он более молчал, не делая особых возражений, кроме, впрочем, того, что между русскими чиновниками есть много ненадежных. Я ему повторил прежде мною сказанное, присовокупив, что в огромной массе более 1000 человек прибывших чиновников, конечно, должны быть и неблагонадежные, но они тотчас возвращаемы были на родину; но и большее же число неблагонадежных были от Министерства Внутренних Дел, которое вовсе не заботилось о том, чтобы содействовать благоустройству края; Государь мне также заявил о том, что он приказал вызвать Потапова и о комбинации Валуева в отношении устройства там управления. Я доказывал Государю невозможность исполнения этого на практике. Государь молчал, я хвалил генерал-адъютанта Кауфмана и сказал, что если Государю не угодно будет назначить Хрущева, то лучше поручить управление с полными правами Кауфману. В продолжении аудиенции я представлял Государю краткую записку о предположениях к продолжению принятых мною мер по управлению краем; в записке этой я наиболее упирал на введение русского элемента и углубление влияния католицизма. Государь записку эту оставил у себя. Наконец в конце аудиенции я представил Государю доклад со всеподданнейшею

просьбою о награждении некоторых лиц в бывшем моем управлении. Государь сам изволил просмотреть наградный список и сказал, что наградить всех не может, потому что некоторые в истекшем году получили награды и что этим нарушается принятый порядок. Я возразил Его Величеству, что самое управление Северо-Западным краем в последние два года выходило из общего порядка и что, конечно, служба там в продолжении двух лет может равняться с десятками таковой же внутри Империи. Тогда Государь изволил, отдавая мне список, сказать, чтобы я передал его по порядку министру внутренних дел для дальнейшего представления.

Усматривая из всего этого нежелание Государя исполнить мое ходатайство о награде, я взял списки и, влагая их в портфель, сказал, что так как, по-видимому, Вашему Величеству не угодно наградить этих чиновников, как это Вы прежде изволили делать, а потому я считаю это дело уже окончательным. Государь, по всегдашней деликатности своей и сердечной доброте, почувствовал, до какой степени мне неприятен был его отказ и указанное им направление чрез министра внутренних дел, а потому тогда же взял у меня списки эти и сказал: «Оставьте их у меня, я их рассмотрю». На другой же день я получил от министра внутренних дел сказанные списки с уведомлением, что Государь изволит утвердить все мои представления.

После разговора с Государем о делах края я спросил его о намерениях относительно поездки за границу для свидания с Императрицей. Он мне отвечал, что еще положительно сказать не может, что свадьба Государя Наследника предполагается осенью, что, впрочем, получаемые о ходе его болезни сведения не совсем благоприятны. Тогда Государь не имел еще грустного известия, полученного того же 5 числа о совершенно безнадежном положении Государя Наследника[236]. Я с Государем простился и он еще раз благодарил меня за управление краем и за пользу, которую я принес России.

Приезд Потапова в Петербург

Потапов прибыл сюда ввечеру 5-го апреля, т. е. в понедельник Пасхи и тот же вечер, после посещения кн<язя> Долгорукова, явился ко мне весьма встревоженный ходом дела. Потапов мне выразил свою твердую решимость не принимать звание помощника Хрущева иначе, как с правами генерал-губернатора. Я ему доказывал несообразность этого требования и невозможность его исполнения и он, крайне расстроенный, оставил меня, причем уверял в своей неизменной преданности ко мне и твердом намерении неуклонно следовать введенной мною системе. Он старался скрыть все сделанные им в отсутствие мое отступления от данных мною предписаний, желая до времени утаить от меня и от русских, имевших еще некоторое влияние в Петербурге, все свои польские стремления и сделанные им в угодность полякам послабления на местах.

Потапов сообщил мне при сем случае грустное, полученное из Ниццы, известие о безнадежном состоянии Государя Наследника, что Государь изволил отправляться 6 числа ввечеру в Ниццу и потому кн<язь> Долгоруков просит меня отложить до возвращения Государя ходатайство мое об оставлении края. Я поручил Потапову передать кн<язю> Долгорукому, что, так как назначение мое было сделано по воле Государя и что увольнение мое им же предположено, а потому буду ожидать окончательных приказаний по сему предмету от Государя. Потапов мне также заявил, что 6-го числа поутру в 12 часу назначено особое совещание у Государя, в которое он будет призван для окончательного решения предложенной Валуевым комбинации, которую, как видно из слов Потапова, сильно поддерживал и кн<язь> Долгоруков и на которую соглашался с жадностью Потапов, полагая получить права генерал-губернатора и тем самым невозбранно продолжать принятую им систему с поляками и оставления края того по-прежнему под влиянием польской пропаганды с объявлением и милостей замешанным в мятеже, как это желали кн<язь> Долгоруков и Валуев[237].

Совещание у Государя

Действительно 6 числа поутру было совещательное заседание у Государя, состоявшее из Долгорукова и Валуева с призывом Потапова, в котором они обсуждали способ приведения в исполнение комбинации Валуева о правах Потапова на генерал-губернаторство. Потапов же излагал все, что мог, в невыгоду настоящего управления краем и необходимости дать ему по этой причине, хотя в качестве помощника, полное право генерал-губернатора. Военный министр генерал-адъютант Милютин хотя и был приглашен для участия в совещании, но он ожидал окончания предварительных переговоров с Потаповым в аванзале и призван был к совещанию уже после подготовленных прений и разных изветов Потапова. Генерал-адъютанту Милютину предложена была в присутствии Государя комбинация Валуева, которую он решительно отверг, признавая невозможным отделять в это время и в том крае военную власть от гражданской. По выслушивании довольно продолжительных с обеих сторон объяснений, государь отверг комбинацию Валуева, согласно с мнением Милютина, предложил назначить главным начальником Северо-Западного края Кауфмана, вместо Хрущева, которого Потапов старался представить Государю с невыгодной стороны, называя его не довольно благовоспитанным, чтоб управлять краем. Потапову же Государь предназначил оставаться в Вильно в распоряжении генерала Кауфмана, впредь до его усмотрения. По окончании сего совещания Государь поручил Милютину лично заявить мне свое желание, чтобы я сохранил управление краем еще некоторое время, пока будут сделаны из Ниццы, куда он отправляется, все дальнейшие распоряжения об освобождении меня от управления краем. Сам же Государь в тот же вечер поспешно отправлялся в Ниццу и генерал-адъютанту Кауфману, которого он пред тем призывал для объявления своего решения, поручил быть у меня и заявить о его назначении начальником края, что Кауфман и исполнил следующего 7-го числа.

6 апреля после совещания был у меня Потапов весьма короткое время и ничего не передал о последствиях оного, сказав только, что едет ввечеру в Вильну в одном поезде с Государем и там останется до окончательного назначения начальника края; причем он заявил, что еще будет перед отъездом у меня для получения дальнейших наставлений. Потапов, видимо, желал меня обмануть в своих намерениях; но я уже все знал еще до обещанного им вечернего посещения.

Ввечеру 6 числа Потапов действительно был у меня, спрашивал о некоторых распоряжениях, которые он полагал нужными сделать и я ему оные разрешил, причем он старался скрыть свои намерения и уверял в своей искренней преданности и в полном сочувствии к введенной мною системе управления, заявляя, однако, что он не останется в крае и не долее как через недели три явится ко мне в деревню, на что испрашивал моего разрешения. Я простился с этим негодяем, будучи уверен, что он меня обманывает; ибо я знал все его похождения в Петербурге.

7 числа генерал Кауфман был у меня, рассказывал мне обо всем бывшем в последние дни и о своем назначении в Северо-Западный край, равно как и о всех проделках Потапова, который всеми силами старался удержать за собою власть генерал-губернатора; но так как ему это не удалось, то он негодовал за то, что оставляют его в распоряжении Кауфмана, что он и не старался скрыть, рассказывая сторонним лицам и даже некоторым начальникам губерний, по приезде в Вильну, что ему будут предоставлены права генерал-губернатора.

Но я довольно долго говорил о Потапове, личность эта не достойна внимания, как по низкому своему характеру, так и по вредным для России польским своим тенденциям, скажу только, что в продолжение тех трех недель, которые он был в Вильно, т. е. до назначения в приказе генерала Кауфмана, он выдавал себя за настоящего уполномоченного правителя края, унижал и преследовал все русское и старался снискать расположение поляков всеми возможными поступками, снисхождениями и потворством польским и римско-католическим тенденциям.

Высочайший рескрипт

17-го апреля состоялся в Ницце указ о назначении на место меня главным начальником Северо-Западного края генерал-адъютанта Кауфмана; правительство опасалось, что с оставлением мною края возникнут вновь надежды поляков на перемену системы действий и возбудится между ними стремление к новым попыткам отторгнуть тот край от России. Опасения правительства были основательны: поляки радовались моему увольнению, везде заявлены были громогласные манифестации и революционные гимны, везде показался траур, польский язык сделался вновь общим для польского населения, явно показывалось презрение ко всему русскому и даже к лицам, занимающим служебные места; словом, все ознаменовало новую эру польской жизни и пропаганды в крае, покровительствуемой Потаповым; русские люди были в отчаянии, видевши, что плод тяжких усилий и трудов в продолжении двух лет о восстановлении русской народности и православия в крае должен рушиться; многие даже собирались оставить край; но обнародованный данный мне рескрипт с возведением меня в графское достоинство, в котором ясно и положительно выражены все мои действия по восстановлению русской народности в крае, несколько ободрил русских, как в Западном крае находившихся, так и вообще в России, ибо почти повсеместное и общее в России было опасение, что, с оставлением мною Северо-Западного края, он сделается снова чуждым и враждебным России; но благое провидение, всегда покровительствующее России, иначе решило дело. Скоро надежда поляков рушилась; вновь назначенный начальник края, хотя и с немецкою фамилией, но истинно православный и русский, решившись принять на себя тяжкую обузу управления Северо-Западным краем, дал себе твердый обет не отступать от введенной мною системы действий и, во что бы то ни стало, водворить в крае русскую народность и православие.

Польская и немецкая партии как в Петербурге, так и на местах была изумлена, увидев, что действия нового началь-

ника края нисколько не оправдывают ожиданий, коими они себя льстили; действительно не прошло 2 недели, как генерал Кауфман не нашел нужным оставлять в Вильно генерала Потапова, который отправился за границу и русские люди увидели, что дело идет по-прежнему с полным сочувствием и содействием всему русскому и православному со стороны нового начальника края.

Окончив таким образом в апреле месяце 1865 года занятия мои по управлению Северо-Западным краем России, здоровье мое было так уже расстроено, что я не в силах был заниматься ничем серьезным и мне необходимы были долговременный отдых и лечение, на что я и получил соизволение Государя Императора, но жизнь моя политическая, в смысле водворения в Северо-Западном крае русских начал и во время отсутствия моего из оного, нисколько не прекратилась; с оставлением края я получил моральную превыше всех для меня награду: сочувствие и благодарность России и всех русских людей, прибывших в край и посвятивших себя на святое и великое дело — обрусение оного и утверждение там православия.

Сочувствие России и русских деятелей на славном поприще морального и политического покорения Северо-Западного края постоянно продолжалось и ознаменовало адресами и телеграммами ко мне, извещением обо всех более или менее приятных для русского дела в том крае событиях: возведения православных храмов, обращения католиков в православие, устройство новых школ; обо всем этом сообщали мне из разных мест края русские люди и на празднествах постоянно вспоминали обо мне, словом, имя мое сделалось знаменем русских в том крае и, хотя отсутствующий, я был моральным деятелем в довершении начатого русского дела, столь достохвально поддерживаемого новым начальником края.

Независимо всех сих заявлений русских людей, я удостоился получить в разное время в 1865 и 1866 годах от разных сословий, корпораций и управлений великолепно отделанные альбомы с портретами русских деятелей, доставленные мне особо присланными депутациями[238].

Обо всех сказанных манифестациях искреннего ко мне расположения русских людей и благодарности за общие, понесенные с ними труды на пользу отечества, были в свое время обнародованы в разных ведомостях и журналах и потому я их здесь не описываю, но не могу не высказать, что все эти манифестации и заявления русского чувства составляют для меня высшую из всех наград, которые мог получить в своей жизни. Это выше всего, что могло дать мне правительство, ибо ленты и звезды суть награды рядовые, которые весьма часто даются по искательству и интригам, без рассмотрения настоящих заслуг. Заявления же благодарности России, удостоившей меня многочисленными адресами во время борьбы с мятежом и крамолою в Северо-Западном крае и присылки Св<ятых> Икон из разных мест России во время управления краем и даже после того также радушные сердечные заявления благодарности русскими людьми, коими я был удостоен значительно после оставления мною управления, т. е. когда я уже не имел никакого непосредственного влияния на дела службы, составляли такие награды, которые превосходят все, что может получить человек, который посвятил себя на службу отечеству. Бог благословил меня этим счастием, которое, еще раз скажу, превыше наград правительственных: их никто не может ни дать, ни взять.

О моральном и политическом влиянии польского мятежа на край и на Россию, о действиях в соседственных областях, т. е. в Царстве Польском, Юго-Западном крае и прибалтийских провинциях, влияние во оных польской пропаганды и настоящей и будущей системы действий, необходимой для обладания Северо-Западным краем

Когда Государю было угодно поручить мне управление Северо-Западным краем, почти повсеместно уже взволнованным мятежом, соседние с ним области, т. е. Царство Польское и Юго-Западный край, а в особенности первые, представляли полное разрушение правительственной власти, да и в Юго-Западном крае, куда был назначен генерал-губернатором еще

в 1862 году, в декабре, генерал-адъютант Анненков, не понимавший положения вверенной ему страны и не имеющий верного взгляда на польскую интригу вообще и на всегдашнее ее стремление к мятежу, он ослабил управление, впрочем давно распущенное предместником его кн<язем> Васильчиковым, что даже Киев — колыбель православия, в коем лишь до 600 жителей обоего пола католического исповедания, был волнуем польскими мятежными манифестациями и русские не находили себе защиты от поляков.

В Виленской же и Подольской губерниях мятеж сильно распространялся, несмотря на противодействие сельского населения, по преимуществу православного, ибо во всех Юго-Западных губерниях католиков 450 т<ысяч> при населении православном до 5 миллионов. Сельское население, по слабости и неразумению дела Киевским главным начальством, нисколько не воспользовалось благодетельною волею государя о прекращении крепостного состояния. Высочайший манифест 19 февраля 1861 года не только не был приведен в исполнение, но по ходатайству помещиков были посылаемы войска для понуждения крестьян к платежу оброков по неправильно составленным уставным грамотам, за что и подвергали их сильным наказаниям под предлогом неповиновения помещикам, которые большею частью содействовали мятежу; таким образом, русское православное население, преданное Государю и России и твердо удерживающее прародительскую веру, содействовавшее к удержанию порядка в крае и доводящее до сведения правительства о всех противозаконных действиях панов, по бессмыслию главного местного начальства, бывшего под влиянием польской интриги и пропаганды, было сильно угнетаемо и более даже, чем до манифеста 19 февраля 1861 года, негодование русских людей, бывших в Юго-Западном крае, было общее. Поляки явно торжествовали, польское направление взяло верх и Юго-Западный край, почти весь населенный русскими православными людьми, сделался игралищем польской интриги и мятежа. Во многих уездах формировались шайки мятежников и только по милости и со-

действию крестьян оные вынуждены были расходиться, а паны были представляемы правительству. Польские мятежники так открыто позволяли себе действовать против правительства, что в июне месяце 1863 года, на пароходе «Кумир», шедшем из Киева, были перевозимы в Пинский уезд, как мною прежде было сказано, мятежные новобранцы и оружие.

Вся северная часть Киевской и Волынской губерний была до такой степени без всякого начальства, что постоянно из оной вторгались мятежные шайки в соседние уезды Гродненской и Минской губерний, а по мере уничтожения они находили в лесах на Волыни верное убежище.

С западной стороны Царство Польское представляло более печальное зрелище: там господствовала полная правительственная анархия и правильно учрежденный, подземный польский жонд. Управление В<еликого> кн<язя> Константина Николаевича и Вельепольского объяснено уже выше; но не могу однако пройти молчанием о том вредном влиянии, какое управление это имело на высочайше вверенный мне край. Ненаказанность, полная свобода действий мятежникам, уничтожение всего русского и даже самого войска, которое, по воле самого начальства, должно было выносить всевозможные оскорбления от поляков, все это придавало такую смелость полякам, что шайки их постоянно вторгались в пределы вверенного мне края и тем поддерживали развивавшийся в крае мятеж, не говоря уже о том, что главный центральный жонд Варшавский сосредотачивал в себе все революционное управление Западным краем. Очевидно, что мятеж должно было покончить подавлением оного в Царстве Польском и преимущественно в самой Варшаве; тогда успокоились бы и наши Западные губернии; но на деле вышло иначе; в Царстве Польском мятеж разгорался все более и более и к подавлению его не принималось никаких благоразумных мер и потому мне пришлось бороться с мятежом не в одних Северо-Западных губерниях, но полагать преграду развитию оного и в соседних областях Царства Польского и Юго-Западных губерниях. Мне надо было, невзирая на усиливавшийся мятеж в соседних об-

ластях, уничтожить оный во вверенном мне крае и тем самым положить начало и основание подавлению мятежа в Царстве Польском. Положение мое было тем затруднительнее, что мне надо было бороться противу целой системы превратного управления Царством Польским В<еликого> кн<язя> Константина Николаевича, отбиваться от постоянно оказываемого противодействия (петербургских властей) многих русских властей в Петербурге и ввести систему управления, совершенно противоположную всем тем взглядам, которые в продолжение десятков лет имело наше высшее правительство и в то же время укротить мятеж, охвативший весь край и поддерживаемый объясненными выше неблагоприятными обстоятельствами и надеждою на чужеземное пособие. Действительно, в то время вся Западная Европа, и в особенности Англия и Франция, явно поддерживали польскую интригу. Польские революционные комитеты открыто действовали во многих городах Европы, посылали мятежникам пособия деньгами и оружием и агентов, раздувавших мятеж в крае. При всех этих обстоятельствах мне надо было скорее подавить мятеж; ибо всякая медленность в действиях придавала оному силу, увеличивая надежду на иностранное пособие и на скорое объявление войны Франциею, которая постоянно угрожала тем России.

Прибалтийские губернии, управляемые слабым и мало смыслящим дело генерал-губернатором бароном Ливеном, оказывали явное сочувствие польским революционерам. Они свободно укрывались в Курляндской и Лифляндской губерниях с разными фальшивыми паспортами, носили траур и разные революционные знаки, словом перенесли польскую пропаганду в тот край и тамошнее начальство всеми зависящими от него средствами старалось укрывать и покровительствовать польским выходцам, снабжая их даже заграничными паспортами. Содействие польским революционерам в прибалтийских провинциях было так сильно, что я должен был принять строгие полицейские меры против привоза оружия, пороха и проезда эмиссаров по железной дороге из Риги в Динабург. Никакие мои сношения с тамошним генерал-

губернатором не могли уменьшить враждебных к нам стремлений властей тех губерний.

Необходимо было сильным ударом поразить мятеж; надо было указать полякам и всему шляхетскому населению в крае, что правительство решилось действовать твердо и неотступно, карая крамолу и клятвопреступление; необходимы были на первых порах жертвы, чтоб устранить распорядителей мятежа, привыкших видеть в правительстве нашем слабость и пользоваться полною ненаказанностью.

После издания мною строгих положительных распоряжений с преподанием мер к укрощению мятежных действий в крае, польские революционеры, всегда смелые при слабости правительства и, напротив того, трусливые и смирные (padamdonog) при энергических действиях начальства, скоро начали покоряться правительственной водворяемой в крае власти и мятеж стал утихать. Сельское же население, преимущественно же православное, всегда преданное правительству, постепенно стало сочувствовать принятым мерам и содействовать к укрощению мятежа.

Не прошло еще 3-х месяцев, как в большей части вверенного мне края водворилось некоторое спокойствие и мятежники нравственно и вещественно ослабели и потеряли дух. В Царстве Польском, т. е. в управлении его сделалась реакция. Оно вынуждено было принять введенную мною систему действий. В<еликий> кн<язь> оставил край и вместе с отъездом его и с принятием мер, сообразно данным мною для Северо-Западного края инструкциям, мятеж стал утихать и в Царстве Польском.

Европа скоро увидела, что все рассказы и возбуждения польских эмигрантов о всеобщем будто бы народном польском восстании во всем Западном крае была наглая ложь, что народ и большая часть населения вовсе не сочувствуют мятежу и что восстание это есть плод интриг партии революционеров, шатавшейся по Европе и пользующейся сочувствием польского шляхетства и ксендзов, но отнюдь не народа. Быстро совершенное мною усмирение края остановило стремление евро-

пейских держав к поддержанию несчастной будто бы польской нации, которая в виде нации не существовала в наших западных губерниях, отчего и самые порывы польских революционеров значительно ослаблены были и в самом Царстве Польском, в особенности когда правительство наше решилось, хотя поздно, т. е. в исходе июля месяца, дать дипломатическими нотами решительный отпор неуместным и оскорбительным для России притязаниям западных держав.

Успех, увенчавший действия мои по укрощению мятежа, хотя и произвел самое выгодное впечатление на Государя и оживил дух русской партии, придав ей еще более силы в Петербурге, но с тем вместе увеличил число ярых врагов моих и в особенности поклонников польской пропаганды, которые не столь страшны были в Западном крае, как в самом Петербурге и России, ибо, к сожалению, Россия в то время обуреваема была общим духом необузданности, либерализма, своеволия и вражды ко всякому начальству и власти; поляки этим пользовались повсюду, где только могли в России, и в особенности в столицах наших, присоединяли к своим революционным кружкам русских безумцев, увлекавшихся идеею свободы и необузданности; таким образом, Петербург был издавна еще с 1856 года центром польской пропаганды и многие из наших правительственных властей были игралищем польской интриги, которая прикрывала себя личиною либерализма и тех реформ, которые были приняты правительством по всем отраслям государственного управления.

1863 год тем замечателен был в особенности, что польский мятеж не только открыл глаза правительству на Западный край, но обнаружил то, не свойственное правительству, положение, в котором находилось управление Западными нашими губерниями, более принадлежавшими Польше, чем России.

Увлекшаяся либерализмом или вообще демократическими началами русская молодежь как бы очнулась в виду предстоявшей государству опасности от своеволия и действий Польши и угроз западных держав. Общее негодование на польское восстание значительно подавило и умерило демократические

стремления в России и был возбужден всеобщий дух патриотизма и желание идти на помощь правительству к подавлению польской крамолы. Увлеченная польскою пропагандою русская молодежь во всех учебных заведениях как бы отрезвилась. Все беспокойства и противоправительственные манифестации в университетах и иных учебных заведениях сами собой прекратились. Молодые гвардейские офицеры, также зараженные духом либерализма, изменили направление свое, а в особенности те, которые прибыли в Вильну в составе 1-й и 2-й гвардейских дивизий; они скоро увидели, куда вела их польская интрига и, так называемая, легальность, проповедуемая поляками. Они убедились, что это есть чистый обман врагов наших, которые под защитой легальности, требуемой ими от правительства нашего, производили безнаказанно в крае всевозможные неистовства. Скорый опыт им указал, что проповедуемая поляками свобода, равенство, независимость есть чистый обман, которым они прикрывали стремление свое господствовать над краем и над всеми сословиями, как это было в былые времена Речи Посполитой. Они стремились, под предлогом отчизны и вольности, ниспровергнуть правительство, какое бы оно ни было, чтобы безнаказанно владычествовать, как это было в давние времена польского Шляхетства. Русские, прибывшие в край, скоро убедились в этом и с самоотвержением жертвовали собой для уничтожения польской крамолы в крае и упрочения русской народности. Этот прилив и отлив русских в Северо-Западный край ознакомил и Россию с положением дел в той стороне. Россия, наконец, увидела, что правительству пора очнуться и вступиться за права русских в своих западных окраинах; 1863 год есть конечно счастливый для России тем нравственным переворотом, который он произвел, как в неумеренных либеральных тенденциях, овладевших тогда русскою публикою, так в особенности тем, что поляки нам сами открыли своими действиями все свои, давно задуманные, замыслы и коварный план действий к усыплению нашего правительства и к отторжению Западных наших губерний от коренного отечества Великой России.

Нравственное настроение населения Северо-Западного края в начале 1863 года было враждебное России. Я разумею здесь, так называемую польскую интеллигенцию, т. е. ксендзов и шляхту; даже многие исповедания, издавна водворившиеся в крае, следовали общему стремлению польской пропаганды, так что на многих из них нельзя было полагаться. Замечательно, что в 1862 году в числе минского дворянства, составлявшего протокол о присоединении этой губернии к Царству Польскому, было несколько русских православных; с прискорбием должен сказать, что и в числе мятежных шаек попадались туземные русские, православные, которые совсем уже ополячились. Грустное это явление доказывает, сколько правительство должно быть осторожно и как обдуманно действовать при водворении русских землевладельцев в Северо-Западном крае и что необходимо их выдворять не отдельными, не имеющими между собою сношения землевладельцами, но по возможности группами в ближайших между собою местностях; в противном случае меры правительственные к водворению русского элемента в крае не достигнут своей цели, как это указал опыт Екатерининских и Александровских водворений.

Вот причина, почему я в представленных мною соображениях преимущественно указывал на возможно большее заселение края русскими в ближайших между собою местностях и вместе с тем с небольшими участками земли от 500 до 1000 десятин, дабы в тех местностях могло составиться прочное земство с русскими началами.

С прекращением вооруженного мятежа в Северо-Западных губерниях в 1863 году еще с большим усилием действовали следственные комиссии к раскрытию тайных заговоров польской пропаганды, как внутри края, так и вне оного. В России в 1864 г. были обнаружены уже сношения польских революционеров с нашими столицами и открыты глубоко обдуманные планы к ниспровержению власти нашей в том крае, но всего этого не было достаточно, чтобы заставить главных Петербургских правительственных деятелей убедиться в необходимости принятия решительных мер к уничтожению

польской пропаганды и к обрусению края. Один Государь и несколько лиц, упомянутых мною выше, поддерживали принятую мною систему к утверждению в крае народности. Никакие доводы, основанные на фактах, не были достаточны, чтобы поколебать космополитические тенденции Валуева, шефа жандармов кн<язя> Долгорукова и многих др<угих>.

Хотя край и смирился по наружности, но бой был перенесен в Петербург, откуда я с большим трудом мог добиться, чтобы мне выслали несколько лиц, уличенных в заговоре против правительства и составлявших центр польских кружков в столице. Видимо было, дальнейшее управление краем становилось невозможным, и что надо было поразить врагов России в самой столице.

1865 год был переходным для ожидаемого перелома в управлении Западным краем. Поляки, как и всегда, сами помогли правительству нашему. Они радостно бесновались, когда я оставил край, и надеялись при поддержке Петербургских властей возбудить правительство противу введенной в крае системы управления, столь добросовестно поддерживаемой преемником моим генерал-адъютантом Кауфманом. Они наделали столько глупостей, выражая в разных видах свои стремления к отделению от России, что наконец и сам Государь убедился в необходимости продолжать введенную систему управления и распространить оную на Юго-Западный край, куда назначен был генерал-губернатором генерал-адъютант Безак. Система действий генерала Безака согласоваться с принятыми уже в Северо-Западном крае мерами произвела самые благоприятные результаты. Польский элемент стал видимо смиряться перед принятыми правительством решительными мерами, в особенности при введенных вновь мероположениях в Юго-Западном крае по устройству быта крестьян, соображаясь с теми, которые были введены во вверенных мне губерниях.

В исходе 1865 года министр государственных имуществ генерал-адъютант Зеленый нашел удобным и возможным возобновить сделанное мною еще в 1864 году представление об обя-

зательной продаже секвестрованных имений и о водворении русских землевладельцев в крае; Государь, столь решительно и неоднократно отвергавший эту меру в 1864 году, не только что согласился на оную, но даже утвердил 10 декабря 1865 года решительную, весьма полезную меру о воспрещении польским землевладельцам во всем Западном крае продавать свои имения лицам польского происхождения. Государь до такой степени убедился в необходимости водворения русского элемента в крае, что даже 1-го января 1866 года в ответ на поздравление Его Величества с Новым годом, он благодарил обоих генерал-губернаторов, с изъявлением своей воли и непреложного желания окончательно обрусить этот край.

Таким образом 1865 год был переходный для русского дела в Западном крае; с него начинается новая эра более самостоятельных действий правительства с целью окончательного нравственного и политического слияния Северо-Западного края с Россией.

В 1864 году, представляя Государю Императору записку по некоторым вопросам касательно будущего устройства Северо-Западного края, я с положительностью и настойчивостью выставил необходимость убедиться в том, что Северо-Западный край не есть польский, но что он ополячен вследствие ошибок нашего правительства; мысль эта до такой степени была противна взглядам наших правительственных лиц, что в Комитете Министров большая часть членов оного и сам председатель кн<язь> Гагарин старались оставить оную без ответа и заключения, и хотя они согласились на предположения мои об устройстве русских школ в крае, об уничтожении польского языка в официальных сношениях и в учебных заведениях, о замещении польских чиновников, о прекращении польской пропаганды, о не дозволении строить костелов и каплиц и назначать ксендзов в приходы без дозволения главного местного начальства, но на все это согласились после большой оппозиции и прений, улучшение же быта духовенства православного в Северо-Западном крае и возведение церквей породило значительные возражения со стороны Министерства Финансов,

и вопросы эти решены были только державною волею Государя; что же касается мероположений моих о продаже секвестрованных имений, то этот вопрос решительно был отвергнут так же, как и о изменении Римского конкордата 1847 года[239], на что дала полное право, произнесенная папою, бранная аллокуция[240] против Государя и вообще против нашего правительства. Последствия еще лучше выказали тенденции Римского двора, и папа[241] в 1866 году собственною властью выслал из Рима нашего посланника и все посольство[242], но, к сожалению, еще колеблются и теперь в Министерстве Иностранных Дел на счет изменения конкордата.

Что же касается до предположений моих, чтобы внутри России не занимать полицейские и почтовые места польскими чиновниками, а в министерствах не допускать их до более значительных должностей, ибо влияние их очевидно вредно для правительства, то на это последовала от Комитета Министров резолюция: сообщить министрам для соображения. Эти соображения, по-видимому, продолжаются и доныне, так как все более значительные места как в Петербурге, так и внутри Империи заняты поляками. Не зависимо от сего я представлял и некоторым образом требовал разрешения правительством сделанных мною распоряжений по устройству быта крестьян в Северо-Западном крае; после весьма продолжительных споров и противодействия, наконец, комитет должен был согласиться со мною и утвердить те мероположения, которые производили общий крик польских владельцев, желавших удержать полную возможность угнетать крестьян, лишив их лучших угодий, ибо они вполне чувствовали, что, с совершенным прекращением влияния их на крестьян, владычество их в крае совершенно прекратится и сельское население, преданное правительству, всегда будет служить оплотом против стремлений польской пропаганды.

Хотя таким образом в мае 1864 года более или менее прошли предложенные мною меры, которые, впрочем, и до того времени были мною большею частью приведены в исполнение, ибо они были неотложно необходимы во время самого разгара мятежа для укрощения оного; но взятое с правительства как бы на-

сильственно согласие не исправило высших правительственных лиц от враждебного настроения ко введенной мною системе управления; и потому я не только не получал никакой поддержки из Петербурга, но, напротив того, употребляемы были все меры к возможному противодействию. Таким образом, прошел 1864 год, которым я однако воспользовался, чтобы привести в исполнение все испрошенные мною мероположения.

Сочувствие и готовность русских людей, прибывших в край, к утверждению в оном русской народности и правления были так велики, что я в продолжении времени меньше года успел утвердить в крае те начала и мероположения, которые прописаны.

К началу 1865 года во всех гимназиях учителя были уже русские, так как преподавания польского языка в школах уже не было; с содействием духовенства, мировых посредников учебное ведомство открыло повсеместно народные школы, которых было уже более 600. Преподавателями в них были русские семинаристы, коих прибыло в край несколько сот из внутренних губерний по сношениям моим с епархиальными епископами. Во всех почти городах начали строить на суммы, данные правительством и особенно на контрибуционные деньги, каменные православные церкви, также и в деревнях; некоторые даже в начале 1865 года были освящены. Устроены были церковные советы из крестьян и вообще прихожан православных, которые деятельно способствовали построению церквей и деньгами и работой. Духовенство православное видимо воодушевлялось и усердно содействовало; мною испрошено было ему значительное пособие по 400 т<ысяч> в год из контрибуционных сумм, так что все приходские сельские священники получили равное содержание до 280 руб., а городские до 700 руб.

Чиновники русские всех ведомств в 1864 году получили уже добавочное жалование в 90 % из контрибуционных денег. Мировым посредникам также увеличено содержание на 500 руб.; так все русские деятели, будучи обеспечены вполне, трудились верою и правдою к утверждению русского дела в крае.

Кончено к 4 апреля 1866 года. С.-Петербург.

КАМЕНТАРЫ

[1] Паўночна-Заходні край — назва, якая выкарыстоўвалася ў расійскай афіцыйнай дакументацыі замест слоў «Белоруссия» і «Литва» для абазначэння Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губерняў пасля паўстання 1863–1864 гг.

[2] Пасаду міністра дзяржаўных маёмасцяў М. М. Мураўёў займаў з 1857 да 1862 г.

[3] Дасведчаны, праз сваяцкія сувязі, палітэмігрант князь П. У. Далгарукаў такім чынам характарызуе сітуацыю, што склалася на той момант: «В конце зимы 1861 года произошла при дворе и в Совете министров решительная борьба между стародурами и константиновцами. Государь уже принял крепостной вопрос к душе и, к счастью, совершенно освоил его себе. [...] Борьба, о которой мы здесь упоминаем, была одной из самых сильнейших и самых решительных, когда-либо происходивших при петербургском дворе. Без уничтожения крепостного состояния никакие реформы не могли быть приведены в действие, а при упразднении крепостного состояния никакая сила в мире не могла удержать Россию на отвратительной и мертвящей колее, по которой влачил ее Николай (I. — *А. Ф.*)... Это понимали стародуры и рвались из сил, чтобы воспрепятствовать исполинскому шагу, совершенному Манифестом 19 февраля 1861 года. [...] Нессельроде и Мейендорф не заседали ни в Совете министров, ни в Главном комитете по крестьянскому делу, и потому главным представителем стародуров в этих двух высших учреждениях являлся Муравьев: тут у него шла борьба отчаянная с великим князем» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 333–334.

[4] Канстанцін Мікалаевіч (1827–1892) — вялікі князь, другі сын Мікалая I, брат Аляксандра II. У 1857 г. стаў старшынёй камітэта па вызваленні сялян, фактычны натхняльнік асноўных рэформаў 1860-х гг. Намеснік Царства Польскага (1862–1863), старшыня Дзяржаўнага савета Расійскай імперыі (1865–1881). Пра яго дзейнасць на паса-

дзе намесніка Царства Польскага і пазіцыю па «польскім пытанні» гл. у прыватнасці: Koberdowa I. Wielki Książe Konstanty w Warszawie: 1862–1863. Warszawa, 1962.

[5] 19 лютага 1861 г. Аляксандр II падпісаў Маніфест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей», які ліквідаваў сістэму прыгоннага права ў Расіі, Палажэнні пра сялян, што выходзілі з прыгоннай залежнасці, якімі рэгуляваліся пытанні вызвалення сялян і выкупу імі зямлі, а таксама функцыянавання сялянскай абшчыны і рэкруцкай павіннасці. М. М. Мураўёў ставіўся да рэформаў вельмі негатыўна.

[6] Аляксандр II (1818–1881) — імператар усерасійскі з 1855 г.

[7] Праект палажэння быў распрацаваны рэдакцыйнымі камісіямі пад кіраўніцтвам міністра юстыцыі графа В. М. Паніна да 1860 г.

[8] Дэпартамент надзелаў існаваў у 1797–1917 гг. як вышэйшы орган дзяржаўнага кіравання, у юрысдыкцыі якога знаходзіліся зямельныя ўладанні імператарскай сям'і. М. М. Мураўёў кіраваў Дэпартаментам надзелаў з 1856 г. да 29 лістапада (11 снежня) 1862 г.

[9] Дзяржаўны савет — вышэйшы заканадаўча-дарадчы орган Расійскай імперыі ў 1802–1906 гг. М. М. Мураўёў з'яўляўся членам Дзяржаўнага савета Расійскай імперыі з 1 (13) студзеня 1850 года.

[10] Камітэт міністраў — вышэйшая адміністрацыйная ўстанова Расійскай імперыі ў 1802–1906 гг. М. М. Мураўёў быў членам Камітэта міністраў з 1856 г.

[11] М. М. Мураўёў мае на ўвазе акцыі, якія адбываліся ў Царстве Польскім з патрабаваннем пашырэння аўтаноміі і грамадзянскіх правоў, а таксама правядзення больш маштабнай аграрнай рэформы. Паралельна сапраўды ішла падрыхтоўка да паўстання, якое і разгарнулася ў студзені 1863 г.

[12] Веляпольскі Аляксандр Ігнацы (1803–1877) — маркіз Ганзага-Мышкоўскі, польскі дзяржаўны дзеяч. З лістапада 1861 г. — памочнік намесніка Царства Польскага вялікага князя Канстанціна Мікалаевіча, віцэ-старшыня Дзяржаўнага савета Царства Польскага. Ініцыятар

шэрагу ліберальных рэформаў. 3 жніўня 1863 г. у адстаўцы. Гл. пра яго: Spasowicz W. Literacki i polityczny spadek po A. Welopolskim // Spasowicz W. Liberalizm i narodowość. Wybór pism. Kraków, 2010. S. 1–106.

[13] Царства Польскае — створанае пасля Венскага кангрэса на тэрыторыі захопленых Расіяй земляў дзяржаўнае ўтварэнне, якое знаходзілася ў стане уніі з Расійскай імперыяй (1815–1917).

[14] Пар.: «Наполеон III, приняв на себя роль защитника и покровителя польской нации, не мог оставаться в бездействии ввиду возраставшего возбуждения в общественном мнении Франции против России. Он задумал стать во главе грозной коалиции, перед которой, по его расчету, русское правительство не могло не преклониться и не согласиться на всякие уступки в пользу поляков. В этих видах он предложил всем кабинетам, не только европейским, но и Вашингтонскому, предпринять совместно дипломатический поход против России. В течение всего марта велась по этому предмету оживленная переписка между кабинетами Парижским, Лондонским и Венским. Предполагалось для первоначала обратиться к России с коллективной нотой по крайней мере от этих трех кабинетов» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 128.

[15] Назімаў Уладзімір Іванавіч (1802–1874) — расійскі дзяржаўны дзеяч; генерал-ад’ютант (1849); генерал ад інфантэрыі (1859). Апякун Маскоўскай навучальнай акругі (1849–1855). Член Дзяржаўнага савета (1861). Віленскі генерал-губернатар і камандуючы войскамі Віленскай ваеннай акругі (1855–1863). П. Д. Шастакоў, які служыў пад яго кіраўніцтвам у Маскоўскай навучальнай акрузе, характарызаваў яго як «человека высокой честности и благородства, прямого, гуманного» — см.: Шестаков П. Д. Воспоминания о В. И. Назимове // Исторический вестник. 1891. Т. 43. № 3. С. 723. Напярэдадні ад’езду з Вільні мясцовая шляхта ўручыла яму адрас, дзе, у прыватнасці, адзначалася яго роля ў правядзенні сялянскай рэформы на тэрыторыі падначаленых яму губерняў: «Вы один, а никто другой, подвинули дворянство Литовских губерний впервые высказать мысль о необходимости упразднения крепостного состояния... вы, первый из русских, удостоились получить царский рескрипт, возвещавший не одной России, но и целому миру о начале освобождения

двадцати миллионов людей» — гл.: Владимир Иванович Назимов. 1802–1874 // Русская старина. 1874. Т. 9. № 4. С. 757. Вядома, М. М. Мураўёў ставіўся да дзейнасці свайго папярэдніка надзвычай негатыўна, аднак відавочна, што У. І. Назімаў разумеў сітуацыю значна глыбей. Кіраўнік партыі «белых» сярод літоўскіх паўстанцаў Якуб Гейштар прыгадваў: «Назімаў перад сваім ад’ездам сказаў: “Не трэба падманваць сябе, у гэтай краіне ў нас няма шчырых добразычліўцаў, ёсць прыстойныя і нікчэмныя, але расіян... тут няма”» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. Wilno, 1913. S. 69.

[16] Валуеў Пётр Аляксандравіч (1815–1890) — граф (1880), расійскі дзяржаўны дзеяч і пісьменнік. Сапраўдны тайны радца (1866). Міністр унутраных спраў (1861–1868). Член Дзяржаўнага савета, сенатар (з 1861 г.). Старшыня Камітэта міністраў (1879–1881). У пачатку сваёй кар’еры быў шмат у чым абавязаны М. М. Мураўёву і нават пісаў на ягоную просьбу нататкі, што ўтрымлівалі крытыку праектаў рэдакцыйных камісій; аднак на пачатку 1860-х гг. далучыўся да прыхільнікаў вялікага князя Канстанціна Мікалаевіча. П. У. Далгарукаў пісаў: «Валуев, как известно, флюгер, направляемый ветром придворным... Внимательно угождая всем тем, кто имеет перевес при дворе, он, временно посаженный в министерство, держится в нем вот уже шесть лет и просидит еще, потому что всякий временщик и всякая преобладающая партия будут иметь в нем своего подручника. Ума недальнего, но весьма начитанный, трудолюбивый, умеющий хорошо говорить по-русски, что для старых членов Государственного совета столь же поразительно, как если бы им ввели слона в заседание, Валуев, высокого роста, осанистый, сановитый, изысканно одетый, с головой высоко поднятой, с речью важной, умеет самым величавым образом усердно во всем угождать временщикам и людям ему нужным» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 291, 294–295. Аднак у «польскім пытанні» П. А. Валуеў прытрымліваўся пазіцыі, якая вельмі адрознівался ад той, што панавала ў сучасным яму асяроддзі: «Мы все ищем моральной силы, на которую могли бы опереться, и ее не находим. А одною материальной силой побороть нравственных сил нельзя. Несмотря на все гнусности и ложь поляков, на их стороне есть идеи. На нашей — ни одной. В Западном крае и в Царстве повторяются теперь проскрипции древнего Рима времен Мария и Суллы. Это не

идея. Мы говорим о владычестве России или православия. Эти идеи для нас, а не для поляков, и мы сами употребляем их название неискренно. Здесь собственно нет речи о России, а речь о самодержце русском, царе польском, конституционном вел. кн. финляндском. Это не идея, а аномалия. Нужна идея, которую мог бы усвоить себе хотя бы один поляк» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 258–259.

[17] Далгарукаў Васіль Андрэевіч (1804–1868) — князь, расійскі дзяржаўны дзеяч. Генерал ад кавалерыі (1856). Ваенны міністр (1852–1856), член Дзяржаўнага савета (з 1856 г.), шэф жандараў і начальнік III Аддзялення ўласнай Яго Імператарскай вялікасці канцылярыі (1856–1866). Яго сваяк П. У. Далгарукаў пісаў пра яго: «Бездарность полная и совершенная; эгоизм, бездушие в высшей степени; ненависть ко всему, что умно и просвещенно; боязнь в виду всякой мысли, в виду всего, что независимо и самостоятельно. [...] Невзирая на свою неспособность, Василий Андреевич один из самых вредных для России лиц» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 192–193. Характарызуючы адносіны В. А. Далгарукава да М. М. Мураўёва, ён жа гаворыць: «Василий Андреевич... Муравьева готов был бы полюбить, если бы, подобно всем придворным, не опасался, что Муравьев заберет всю власть к себе в руки, что, как всем известно, было целью трехпрогонного вешателя» — Тамсама. С. 190.

[18] Гарчакоў Аляксандр Міхайлавіч (1798–1883) — святлейшы князь (1871), расійскі дзяржаўны дзеяч і дыпламат. Міністр замежных спраў (1856–1882), канцлер Расійскай імперыі (1867–1883). Ваенны міністр Д. А. Мілюцін пісаў: «Князь Горчаков... в качестве министра иностранных дел должен был иметь голос в вопросе, касавшемся Царства Польского. Мало знакомый с делами гражданскими и с внутренней администрацией, он обыкновенно в прениях по таким делам избегал высказывать какие-либо мнения конкретные, а ограничивался общими фразами, более или менее отвлеченными, или, как сам он говорил, «крупными чертами», «высшими взглядами». В этих громких фразах любил он пощеголять либеральным образом мыслей... К тому же и в качестве дипломата не мог он отрешиться от традиционных взглядов европейских на шляхетскую Польшу. Князь Горчаков при-

надлежал к числу тех тщеславных людей, которые очень легко поддаются лести и обольщениям, а поляки имели ловких ходатаев в том кругу петербургского общества, в котором вращался князь Горчаков» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 341–342.

[19] Незалежнасць Польшчы ў межах 1772 г., то бок да падзелаў Рэчы Паспалітай.

[20] Замойскі Анджэй (1800–1874) — граф, польскі палітык і дзяржаўны дзеяч, у 1857–1862 гг. — старшыня польскага Землеробчага таварыства. Прапаноўваў уласную праграму вырашэння «сялянскага пытання» ў Царстве Польскім, аднак не быў падтрыманы ўрадам. У 1862 г. атрымаў імператарскае ўказанне пакінуць тэрыторыю імперыі і больш туды не вяртацца.

[21] М. М. Муравьеў відавочна згушчае фарбы: у 1861 г. гаворка пра ўзнаўленне поўнай незалежнасці і дзяржаўнасці Польшчы нікім з тых, хто дзейнічаў публічна, у Царстве Польскім не вялася. П. А. Валуеў у дзённіку адзначае: «Все варшавские notabilités всех сословий, от Фиалковского и Замойского (арцыбіскупа Варшаўскага. — *А. Ф.*) до Шленкера (купца. — *А. Ф.*), подписали адрес, представленный наместнику. В этом адресе не выражается никакого категорического желания или просьбы ни о статуте 1832 г., ни о конституции конгресского царства, но только приносится е. и. величеству общая просьба обратить внимание на злополучное состояние Польши. Наместник принял адрес» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 74.

[22] Ідэя ўзвесці брата імператара на польскі трон узнікала ў XIX ст. двойчы. Упершыню — у сувязі з прызначэннем галоўнакамандуючым арміяй Царства Польскага цэсарэвіча Канстанціна Паўлавіча, які атрымаў рэпутацыю паланафіла. Пэўныя падставы для гэтага з’явіліся пасля марганатычнага шлюбу Канстанціна Паўлавіча з графіняй Яаннай Грудзінскай, якая атрымала тытул княгіні Ловіч. Аднак ні ў выпадку з Канстанцінам Паўлавічам, ні ў выпадку з Канстанцінам Мікалаевічам імператар не хацеў рызыкаваць і ствараць паралельнае адгалінаванне дома Раманавых для польскай манархіі, а таму імператар усерасійскі заставаўся адначасова і царом польскім.

[23] Аляксандра Іосіфаўна (народжаная прынцэса Саксэн-Альтэнбургская, 1830–1912) — вялікая княгіня, жонка вялікага князя Канстанціна Мікалаевіча. Пар.: «В Варшаве поляки все еще надеялись на успех восстания. Этот дух поддерживался в них недостаточно энергическими и даже казавшимися двусмысленными мерами наместника в царстве, великого князя Константина Николаевича, а также ходившими слухами об участии, оказываемом полякам его женою» — <Дельвиг А. И.> Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820–1870: в 2 т. Т. 2. М.-Л., 1930. С. 207. Паводле словаў П. У. Далгарукава, Аляксандра Іосіфаўна — «женщина ума недальнего, но искренно привязанная к своему мужу, она страшится для него политической деятельности и мщения врагов политических» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 125.

[24] «Наполеон III дал понять барону Будбергу (расійскаму паслу ў Францыі. — *А. Ф.*), что возбуждение общественного мнения во Франции может вынудить французское правительство вмешаться в польское дело, если сам император Российский не поможет ему чем-либо успокоить это настроение. Наш вице-канцлер полагал, что лучшим к тому средством может служить амнистия польским мятежникам и новое подтверждение благодушных видов Государя относительно будущего государственного устройства Царства Польского. В таком смысле и был редактирован Высочайший манифест 31 марта: в нем прежде всего высказывалось, что Государь не винит весь народ польский в возникшем мятеже, наиболее для него же самого пагубном, и в своем горячем желании положить конец бесцельному кровопролитию, готов предать забвению все прошлое. Полное прощение объявлялось тем из вовлеченных в мятеж подданным Царства Польского, которые, не подлежа судебной ответственности за какие-либо иные преступления, уголовные, или по службе в войсках, сложат оружие и возвратятся к своему долгу до 1/13 мая. В манифесте указывались те начала, которые были положены Государем в основание будущего благоустройства Царства Польского и которых дальнейшее развитие было прервано возникшим в крае мятежом» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 116.

[25] 13 (26) красавіка непадалёк ад Краслаўкі (цяпер г. Краслава, Латвія) атрад паўстанцаў, які ўзначальваўся графам Л. Плятэрам, здзейс-

ніў напад на транспарт, што рухаўся з Дынабурга ў Дзісну са зброяй для Мурамскага пяхотнага палка.

[26] Плятэр Лявон (1836–1863) — граф, паўстанец. Удава З. Серакоўскага, Апалонія, характарызуе яго як «чалавека здольнага, дабрароднага» — гл.: Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa: Neriton, 2010. S. 175. Паводле ўспамінаў А. А. Ауэрбаха, «за графа Плятера..., принимавшего деятельное участие в мятеже, пойманного и содержавшегося в Динабургской крепости, сильно хлопотали его богатые аристократические родственники в Петербурге, чтобы освободить его от предстоящей ему смертной казни. Чрез тогдашнего петербургского генерал-губернатора, светлейшего князя Суворова-Италийского, родственникам графа Плятера удалось довести свое ходатайство до государя императора Александра Николаевича, который телеграфировал Муравьеву помиловать Плятера. На эту просьбу государя Муравьев в тот же день телеграфировал государю: «Плятер повешен»» — Ауэрбах А. А. Воспоминания // Исторический вестник. 1905. № 10. С. 42. На месцы пакарання смерцю Л. Плятэра ў Даўгаўпілскай крэпасці на 150-годдзе яго пагібелі быў усталяваны памятны знак, у адкрыцці якога бралі ўдзел прэзідэнты Польшчы і Латвіі.

[27] М. М. Мураўёў піша пра рэвалюцыю 1848 г. ў Галіцыі (частка Польшчы і Украіны, якая належала Аўстрыі), вынікам якой сталася адмена прыгонных абавязкаў сялян перад памешчыкамі, атрыманне імі асабістай свабоды, а таксама актывізацыя нацыянальнага руху палякаў і русінаў. Разам з тым існуе высокая верагоднасць таго, што публікатары тэксту няправільна расчыталі рукапіс, або ў спісе, паводле якога публікаваліся ўспаміны, была дапушчаная памылка. «Резня» ў Галіцыі сапраўды была, аднак не ў 1848, а ў 1846 г.: аўстрыйскія ўлады, каб не дапусціць польскага нацыянальна-вызваленчага паўстання, інспіравалі чуткі пра тое, што шляхта намерваецца пачаць сілавыя дзеянні супраць сялянства. У выніку 19 лютага 1846 г. пачалося масавае руйнаванне шляхецкіх сядзіб: у лютым-сакавіку было знішчана больш за 500 памешчыцкіх маёнткаў. Як пісаў А. Авейдэ, які быў выразнікам таго, як паставілася да галіцыйскай разаніны ці не большая частка паўстанцаў 1863–1864 гг., «с появлением первых отдельных вооруженных повстанцев мужики... бросились и на них, и на

дворы своих панов и вырезали тогда 800 семейств. Вырезали дико, варварски, с такими возмущающими человеческую натуру поруганиями, какие свойственны только пьяному, невежественному, деморализованному рабством и дышащему ненавистью жалкому невольнику. [...] Тела убитых и немногих страшно изувеченных мужики привозили в окружные управления и там из рук австрийцев получали каиновские гульдены за головы братьев» — гл.: Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде. М., 1961. С. 248.

Характэрна, што М. М. Мураўёў фактычна санкцыянаваў той жа прынцып «стымулявання» сялян у барацьбе з паўстанцамі ў Літве і Беларусі (толькі без забойстваў). У прыватнасці, была распаўсюджаная ўлётка на беларускай мове з тэкстам: «Звяжы пана — грошы будуць!», маляваная копія якой захавалася ў складзе рукапісу невядомага арыштанта Магілёўскай крэпасці ў польскай Нацыянальнай бібліятэцы (адзінка захавання: BN. Rkps. I. 6540, k. 15).

[28] Моль Аляксандр (?—1863) — граф, памешчык Дынабургскага павета, удзельнік Рэвалюцыйнага кіравання Інфлянцкіх надзелаў; пакараны смерцю разам з графам Л. Плятэрам.

[29] У 1827 г. пры арганізацыі Асобнага корпуса жандараў Расійская імперыя была падзеленая на 5 жандарскіх акруг, сярод якіх была і Віленская акруга.

[30] Гільдэбрант Аляксандр Міхайлавіч фон (1802 —?) — генерал-маёр, начальнік 4-й Акругі корпуса жандараў (1861–1863).

[31] Рэжыца — павятовы горад Віцебскай губерні (цяпер г. Рэзэкнэ, Латвія).

[32] «У Інфлянтах урад радаваўся: раскольнікі нападалі на маёнткі, рабуючы і забіваючы...» — Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa, 2010. S. 175.

[33] Зеляной Аляксандр Аляксеевіч (1819–1880) — расійскі дзяржаўны дзеяч, генерал-ад'ютант (1863), генерал ад інфантэрыі. Таварыш міністра (1856–1862), пасля міністр дзяржаўных маёмасцяў (1862–1872). Член Дзяржаўнага савета. П. У. Далгарукаў адзначае, што А. А. Зеляной «обязанный своей карьерой Муравьеву-вешателю, что делает из-

лишней какую-либо характеристику» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 285.

[34] Генерал-ад'ютант — вайсковае, пасля свецкае званне ў Расійскай імперыі. З 1808 г. ужывалася як ганаровая адзнака для асобаў, не ніжэй тых за III клас паводле Табеля аб рангах — для абазначэння іх набліжанасці да імператара.

[35] Длатоўскі Эраст Канстанцінавіч (1807–1887) — генерал ад інфантэрыі, у 1863 г. ваенны начальнік Віцебскай губерні.

[36] Ваенны міністр Д. А. Мілюцін пісаў пра знішчэнне атрада Л. Плятэра і А. Моля: «Крестьяне окрестных селений сами расправились с панами: они отбили у них транспорт, переловили самих мятежников и представили их начальству, причем пятеро крестьян были ранены» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 149.

[37] Пад выхадам у палацавым цырыманіяле мелася на ўвазе ўрачыстае шэсце па залах Зімняга палаца з нагоды якога-небудзь свята, у прыватнасці царкоўнага. Малы выхад адрозніваўся тым, што ў ім удзельнічалі члены царскай сям'і. Аднак дзень нараджэння імператара ў 1863 г. не быў выключэннем: «Государь, в день своего рождения, принимал поздравления по окончании обедни в Малой дворцовой церкви, где обыкновенно присутствовали в таких случаях кроме Императорской фамилии только некоторые из высших чинов и должностных лиц» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 119. Такім чынам, прысутнасць адпраўленага ў адстаўку з міністэрскай пасады М. М. Мураўёва, які відавочна знаходзіўся ў няміласці, магла азначаць толькі вяртанне яго ў кола найбольш уплывовых чыноўнікаў імперыі.

[38] Пасаду ковенскага губернатара з верасня 1861 да 4 чэрвеня 1863 г. займаў контр-адмірал Рыгор Аляксандравіч Крыгер (1820–1881).

[39] Самагіція — старая руская назва Жамойці (Жмудзі), этнаграфічнага рэгіёна на паўночным захадзе сучаснай Літвы.

[40] Упершыню М. М. Мураўёў апынуўся ў беларускіх і літоўскіх губернях у 1827 г., калі быў прызначаны віцэ-губернатарам у Віцебскую губерню.

[41] У дадзеным выпадку М. М. Мураўёў кажа праўду, бо шмат хто з паўстанцаў 1863–1864 гг. быў звязаны сваяцкімі адносінамі з паўстанцамі 1830–1831 гг.; у прыватнасці, кіраўнік паўстанцкага атрада, які дзейнічаў пры Дынабургу — граф Лявон Плятэр — належаў да вядомай арыстакратычнай сям'і, многія члены якой удзельнічалі ва ўсіх трох паўстаннях канца XVIII–XIX ст. (у тым ліку вядомая Эмілія Плятэр).

[42] У Францыі дзейнічала шматлікая польска-літоўская эміграцыя, якая мела значны ўплыў на ўрад імператара Напалеона III, у тым ліку праз міністра замежных спраў Аляксандра Калона-Валеўскага, сына Напалеона I і польскай графіні Марыі Валеўскай.

[43] Дз. А. Мілюцін прызнаваўся пазней у мемуарах: «В первые два месяца... распоряжения наши ограничивались лишь укомплектованием частей войск, расположенных в Царстве Польском и западных губерниях; но когда мятеж принял значительные размеры и распространился на Западный край, а еще более, когда в дело польское начала вмешиваться дипломатия, тогда сделалось ясным, что наши силы недостаточны не только для войны внешней, но и для энергического подавления мятежа, поддерживаемого извне. Тогда признано было необходимым привести в полный состав и остальные части армии призывом бессрочноотпускных и рекрутами январского набора, а вместе с тем приступить к целому ряду мер для развития наших вооруженных сил формированием новых боевых частей. Тогда уже не время было заботиться о сокращении расходов, что было поставлено Военному министерству главной задачей в предшествующие годы, а предстояло напрягать все силы, чтобы не быть застигнутыми врасплох европейской коалицией в союзе с внутренним врагом» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 158–159.

[44] Мураўёў (Мураўёў-Карскі) Мікалай Мікалаевіч (1794–1881) — граф, расійскі дзяржаўны і ваенны дзеяч. Генерал-ад'ютант (1833), генерал ад інфантэрыі (1853). Намеснік на Каўказе і галоўнакамандуючы Асобным каўказскім корпусам (1854–1856). Член Дзяржаўнага савета (1856).

[45] «Одновременно с устройством войск приступлено было и к приведению в оборонительное состояние наших береговых крепостей: на Балтийском море — Кронштадта, Свеаборга, Выборга и Дина-

мюнде, на Черном море — Керчи. В особенности закипели работы в Кронштадте, где в то время, несмотря на вложенные уже в его укрепления многие десятки миллионов рублей, оборона все еще была весьма недостаточна. [...] В Выборге предпринято было создать заново целую систему морской обороны укреплением некоторых островов в Транзунде и заграждением проходов между ними. В Свеаборге и Керчи также требовалось произвести обширные работы. Все распоряжения по инженерной части лежали на генерал-адъютанте Тотлебене» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 162.

[46] Збянтэжанасць імператара робіцца зразумелай, калі ўзгадаць, як будаваліся яго адносіны з М. М. Мураўёвым да таго, як той быў адпраўлены ў адстаўку з пасады міністра; напрыклад, П. А. Валуеў запісаў 22 лютага 1861 г. ў дзённіку: «Видел Зеленого, который передал мне, что при последнем докладе государь почти сказал Муравьеву, что не желает иметь его министром. Он с гневом, и, ударив по столу, сказал, что не позволит министрам противодействовать исполнению утвержденных им постановлений по крестьянскому делу и что управляющие палатами государственных имуществ должны помогать, а не противиться исполнению этих постановлений» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 74. Фактычна ўвесь апошні год знаходжання на пасадзе міністра дзяржаўных маёмасцяў М. М. Мураўёў быў у непрыхаванай апазіцыі да ўрадавага курсу, што выклікала сапраўднае раздражненне імператара.

[47] М. М. Мураўёў патрабаваў перадачы пад яго кантроль усёй ахопленай паўстаннем тэрыторыі, якая не трапляла пад юрысдыкцыю Царства Польскага.

[48] М. М. Мураўёў мае на ўвазе дзейнасць князя А. Е. Чартарыйскага, які са згоды імператара Аляксандра І узначаліў Віленскую навучальную акругу, дзе ўсё выкладанне вялося на польскай мове, а пачатковая адукацыя пры гэтым знаходзілася пад кантролем каталіцкіх манаскіх ордэнаў піяраў і езуітаў.

[49] Талстой Пётр Аляксандравіч (1761–1844) — граф, расійскі военачальнік і дзяржаўны дзеяч; генерал ад інфантэрыі. У 1831 г. камандуючы Рэзервовай арміяй. Член Дзяржаўнага савета (1834).

[50] Мілюцін Дзмітрый Аляксеевіч (1816–1912) — граф; расійскі дзяржаўны дзеяч. Генерал-ад'ютант, генерал-фельдмаршал. Ваенны міністр (1861–1881), член Дзяржаўнага савета. П. У. Далгарукаў, злы на язык, які рэдка калі ацэньваў станоўча каго-кольвек з вышэйшых дзяржаўных чыноў, піша пра яго як аб«человеке замечательных способностей, отличнейшем администраторе, человеке двуличном, под видом скромности исполненном тщеславия, под видом добродушия — эгоисте, под видом простосердечия — ловком придворном» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 284.

[51] Пар. запіс у дзённіку П. А. Валуева ад 27 красавіка 1863 г.: «Утром был на похоронах митрополита Жилинского. [...] Потом на 2-часовом совещании у военного министра с Муравьевым, кн. Долгоруковым и Зеленым. Толку мало, но это сговаривание было необходимым» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 221.

[52] П. А. Чарэвін, які пэўны час служыў чыноўнікам для асаблівых даручэнняў пры віленскім генерал-губернатары, відавочна грунтуючыся на словах Мураўёва, сцвярджае, што тут з'яўляецца яшчэ адзін удзельнік размовы: «В это же время отворилась дверь, и из соседней комнаты вошла императрица, вероятно слышавшая весь происшедший разговор; государыня, подошед к М. Н. Муравьеву со слезами на глазах, просила его не отказываться от данного обещания принять управление краем, просила его удержать за Россиею этот край, говоря, что о Царстве Польском нечего и говорить, что там дело уже пропало, что просит этого она, император, Россия, что ему, М. Н., следует, несмотря на все препятствия, встречаемые среди некоторых лиц в Петербурге, вввериться государю, который и ему верит» — цыт. паводле: Черевин П. А. Воспоминания: 1863–1865 гг. Кострома, 1920. С. 14.

[53] Мураўёва (народжаная Шарамецева) Пелагея Васільеўна (1802–1871) — жонка М. М. Мураўёва.

[54] Мураўёва (у замустве Шарамецева) Соф'я Міхайлаўна (1833–1880) — дачка М. М. Мураўёва.

[55] Даклады адбываліся ў далёка не спакойнай атмасферы: М. М. Мураўёў патрабаваў усё большага пашырэння сваіх паўнамоцтваў, з чым

не згаджаліся, у прыватнасці, шэф жандараў В. А. Далгарукаў і міністр унутраных спраў П. А. Валуеў. Імператар найчасцей падтрымліваў меркаванне апошніх, таму ўзнікалі канфліктныя сітуацыі. З нагоды падобных дакладаў і нарадаў, што іх суправаджалі, П. А. Валуеў адзначаў у дзённіку — 7 мая: «Государь, возвращая мое письмо, отметил на нем, что имел с ген. Муравьевым весьма серьезный разговор и надеется, что оный на него подействует...»; 8 мая: «Ген. Зеленый заезжал ко мне и говорил, что при докладе его в Царском государь объяснялся с ним насчет вчерашнего разговора с ген. Муравьевым и говорил ему, что он, государь, вышел совершенно из себя и просит его, Зеленого, и нас всех просит, чтобы уладить все ввиду нынешних затруднений, призывая на помощь наши патриотические чувства»; 10 мая: «...совещание у государя с военным министром, кн. Долгоруковым, Муравьевым и Зеленым. Государь был жесток с Муравьевым» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 223.

[56] Марыя Аляксандраўна (1824–1880) — імператарка, жонка Аляксандра II.

[57] Казанскі сабор (Сабор Казанскай Божай маці) — адзін з найбуйнейшых праваслаўных храмаў Санкт-Пецярбурга, пабудаваны ў 1801–1811 гг. архітэктарам А. Н. Вараніхіным як месца захавання цудадзейнай іконы Казанскай Божай Маці. У 1813 г. стаў месцам пахавання М. І. Кутузава; тут жа захоўваліся і ключы ад забраных гарадоў, штандары і сцягі падраздзяленняў напалеонаўскага войска, якія пацярпелі паразу. Апошняя акалічнасць робіць выбар месца малебна Мураўёва перад ад'ездам у Вільню асэнсавана сімвалічным: ён пазіцыянуецца як новы Кутузаў — новы «выратавальнік Айчыны».

[58] М. М. Мураўёў не перабольшвае ступень арганізаванасці паўстання ў Літве і Беларусі. Пра тое самае сведчаць успаміны лідара партыі «белых» паўстанцаў Якуба Гейштара, які пералічвае імёны кіраўнікоў губернскіх і павятовых паўстанцкіх камітэтаў — гл.: Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 1. S. 246–256. Я. Гейштар з гонарам завяршае апісанне паўстанцкай структуры Літвы: «Мушу прызнаць тут, што ў цэлым не мелі мы недахопу ў людзях энергічных і адданых» — Ibid. S. 260.

[59] Ваенны міністр Дз. А. Мілюцін, калі пакінуць па-за ўвагай натуральную для яго эмацыйную адмоўную ацэнку паўстання малюе цалкам дакладную карціну: «С 11 января шайки мятежников возрастали с каждым днем как по всему пространству Царства Польского, так и в прилежащих к нему частях западных губерний. Формировались они преимущественно в глухих лесах, несмотря на суровое время года. Мятежники вооружались, чем попало: охотничьими ружьями, двустволками, револьверами и пистолетами, кинжалами, ножами, а потом, когда образовались более многочисленные шайки, главную массу их составляли пешие толпы «косинеров», т. е. вооруженных косами. Помещики и люди состоятельные составляли конницу. Начальство над шайками принимали преимущественно личности, служившие прежде в войсках русских или иностранных, влиятельные помещики, выказавшие особенное рвение к мятежу и щедрость в пожертвованиях на «народное» дело» — гл.: Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 45.

[60] Свядома ці несвядома, М. М. Мураўёў аб'ядноўвае дзве розныя падзеі, пра якія згадвае педагог Віленскай гімназіі В. П. Кулін: «Вильна облеклась в траур... Русских дам, не носивших траура, оскорбляли на улицах дерзостями, ругательствами, плевками, а платья их обливали чернилами и серною кислотой. При встречах дам, черной и светлой, иногда происходили перебранки в таком роде (задирала всегда черная): “А, ты пшеклента москевка!” На такое приветствие некоторые бойкие русские дамы отвечали подобною же учтивостию: “А, ты, проклятая полячка” или “чернявка”. [...] Безнаказанность поощряла к дальнейшим наглостям, и дело дошло до того, что наш достойнейший архипастырь, епископ Александр, на главной улице днем оскорблен был заплеванием от какой-то “чернявки”. И эта возмутительная дерзость прошла безнаказанно, равно как и оскорбление дочерей генерал-губернатора, у которых светлые платья облили кислотою» — Кулин В. П. Из записок виленского старожила // Русская старина. 1893. № 7. С. 62–63.

[61] Граф Людвік Плятэр, маршалак шляхты Дынабургскага павета, сапраўды быў стрыечным братам пакаранага смерцю Лявона Плятэра. У адміністратыўным парадку (без суда) быў высланы пад нагляд па-

ліцыі ў Арэнбургскую губерню, частка яго ўладанняў трапіла пад секвестр.

[62] У заходніх губернях дзейнічала сістэма, прынятая таксама ў Царстве Польскім: практычна ўсе чыноўнікі былі мясцовыя, прыезд чыноўніка звонку быў магчымы толькі ў выпадку ўтварэння вакансіі.

[63] Наяўнасць святароў сярод паўстанцаў асабліва бянтэжыла царскі ўрад: «Вообще духовенство католическое приняло самое деятельное личное участие в мятеже: не ограничиваясь пламенными речами и проповедями для возбуждения патриотического фанатизма, благословениями и напутственными молитвами на «святое» дело, ксендзы во множестве участвовали в самих шайках, и не только с крестом в руках, но и с мечом. [...] Много ксендзов оказывалось в числе убитых на полях сражений; многие были в числе попавших в плен» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 45–46.

[64] Становішча У. І. Назімава «было крайне щекотливое: все предыдущие годы его управления были направлены на примирение польской национальности с русской. Это направление было преобладающим как в русском обществе, так и в правительственных сферах; генерал-губернатор имел инструкцию действовать в этом смысле, всякая крутая мера с его стороны была бы явным отрицанием его предыдущего управления, а между тем эта система оказывалась несостоятельною» — Бутковский Я. Н. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 10. С. 87.

[65] Назімава (народжаная Аверкіева) Анастасія Аляксандраўна (1822–1865) — жонка У. І. Назімава.

[66] Камер-юнкер Мясаедаў – асоба ня высветленая.

[67] Апатаў – асоба ня высветленая.

[68] Іосіф (у мірскім жыцці Сямашка Іосіф Іосіфавіч) (1798–1868) — рэлігійны дзеяч; уніяцкі мітрапаліт Літоўскі, старшыня Грэка-ўніяцкай духоўнай калегіі, актыўны ўдзельнік ліквідацыі ўніяцкай царквы ў Расіі; пасля праваслаўны мітрапаліт Літоўскі, член Свяцейшага Сінода. З'яўляючыся гродзенскім губернатарам у 1831–1834 гг., М. М. Мураўёў падтрымліваў з Іосіфам сяброўскія кантакты. Пры гэтым

з У. І. Назімавым, калі той заняў пасаду Віленскага генерал-губернатара, адносіны ў Іосіфа не склаліся — гл.: Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 77, 151 и др.

[69] Гаворка пра царкву Мікалая Цудатворцы — адзін з найстарэйшых праваслаўных храмаў Вільні (сучасны адрас: вул. Дзіджоі, 12). Царква была пабудаваная ў 1340 г. на сродкі жонкі князя Альгерда, княгіні Юльяны; перабудаваная ў 1514 г., пасля пажару, на сродкі князя Канстанціна Астрожскага. У 1827 г. храм быў адабраны ад уніятаў і перададзены Праваслаўнай царкве.

[70] Пар.: «Еврейское общество являло неописанную радость, что было слишком неестественно» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 22.

[71] Красінскі Адам Станіслаў (1810–1891) — рэлігійны дзеяч, з 1858 г. віленскі каталіцкі біскуп. Паводле словаў начальніка канцылярыі віленскага генерал-губернатара А. М. Масолава, А. С. Красінскі вылучаўся «нерасположением к правительству и сочувствием к мятежу» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 23. У 1863–1883 гг. у высылцы ў Вятцы. Паводле словаў таго ж А. М. Масолава, высылка была выкліканая спробай Красінскага ўхіліцца ад публічнага асуджэння паўстання з прычыны ўласнага нездароўя, прычым улады баяліся, што звесткі пра высылку біскупа прывядуць да дадатковых хваляванняў: «Когда Красинский отправлялся из Вильны, огромная толпа народа теснилась вокруг станции железной дороги. В один поезд с епископом сел и жандармский офицер, снабженный открытым предписанием, бумагами к разным губернаторам и значительными средствами для пути. До Динабурга никто ничего не знал, но приехав туда (здесь пасажиры пересаживаются на линию, идущую в Ригу), по выходе из вагонов епископа и его свиты (духовник, доктор и двое слуг), они были встречены местным военным начальником, который между тем был уведомлен по телеграфу, и помянутым жандармским офицером, объявившими епископу распоряжение начальства. Он повиновался без особаго смущения и спросил только, куда его повезут; получив в ответ, что его велено доставить во Псков, он видимо успокоился; один доктор был в отча-

янии, — он вовсе не располагал туда удалиться; но приказано было, лишь по приезде туда, объявить епископу о дальнейшем следовании к месту назначения, а спутникам его предложить или следовать за ним на собственный счет, или вернуться в Вильну. Доктор, разумеется, поспешил воспользоваться этим предложением; остальные отправились далее; велено было везти епископа в Новгород по шоссе, чтоб миновать Петербург и не останавливаться долго в Москве. Во все города, по пути следования до Вятки, дано было знать губернаторам и они принимали миры к скорейшему и удобнейшему его отправлению; для епископа же окончательное место ссылки оставалось тайною до Казани» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 35–36.

[72] «Епископ чрезвычайно много говорил, смеялся над мятежом и называл усмирение его охотой за повстанцами» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 23.

[73] Вядомы віленскі літаратар і цэнзар П. В. Кукальнік адгукнуўся на ад’езд У. І. Назімава наступным вершам, які пазней змясціў і ў сваім зборніку:

Владимиру Ивановичу Назимову.
По случаю оставления им должности
Виленскаго Генерал-Губернатора в 1863 году

Чем песнь мою начну? Словами, иль слезами?
И можно ль петь, когда грусть сердце тяготит?
Как солнце наших дней, благими небесами
Дарованное, — рок безжалостный мрачит?
Замрет, под бременем судьбы ожесточенной,
В устах печальнаго певца неверный тон.
Из груди скорбию измученной, стесненной,
Что может вырваться? — Лишь только вопль иль стон.
Промчался счастья миг. Давно ли провиденье
Нам ниспослало все, что с жизнью нас дружит?
И вдруг все отняло. Уместно ль песнопенье
Когда вокруг себя встречаем скорби вид?
Песнь облегчения не даст душе унылой
Звук лиры в грустный дух отрады не прольет.

Над пеплом своего жилища, над могилой
Блаженства своего, — никто не запоет.
Но Тот, кто никогда сверх сил не отягчает
Творенья Своего, — кто посреди скорбей
Нам силы новыя и помощь посылает,
И ныне не лишил нас милости Своей.
И ныне по струнам мы лиры грянем. — Мало!
Мы будем прославлять хвалою небеса.
Да! — Славить — за тебя: Что милость Провиденья, —
За подвиги любви и самоотверженья,
За бремя, коего все тягости, — один,
По стропотной стезе, ты нес как исполин,
Чтобы покоить нас, — дарит Тебе в награду
Невозмутимый мир, спокойствие, отраду,
Какие на земле столь редко ныне зрим. —
Наградою Твоей, и счастием Твоим
Мы будем счастливы, — и с теплою мольбою
Благословения пошлем в след за Тобою.
И имя славное Твое, из рода в род,
К позднейшим между нас потомкам перейдет.
Пред ними именем мы будем сим гордиться,
И с детства за тебя приучим их молиться
За то участье к нам средь горести и бед;
За сердце кроткое, за счастья восемь лет.
Известно сей стране, известно перед светом
Известно Богу, чем Ты был для нас! С какой
Отеческой любви исполненной душой
Ты путь нам освещал примером и советом,
С какою кротостью, любовию вникал
Ты в наши нужды! Кто из нас не испытал
Готовности Твоей, сердечнаго желанья
Снять бремя с наших душ и облегчить страданья?
Кого отринул Ты? И темный мещанин,
Сановник и богач и бедный селянин,
Как к сердцу кровь к Тебе свободно обращались,
И никогда в Твоей любви не ошибались.
О! приймет Царь небес молений наших глас.
Сторицей наградит то самоотверженье,
С каким Ты восемь лет хранил, покоил нас,
И на семью Твою прольет Благословенье.

Цыт. паводле: Стихотворения Павла Кукольника. Том II. Вильна: Печатня А. Г. Сыркина, 1872. С. 6–7. Улічваючы надзвычайную рэдкасць цытаванага выдання, падаем верш цалкам, выказваючы пры гэтым нашу ўдзячнасць загадчыку кафедры русістыкі Вільнюскага ўніверсітэта доктару гуманітарных навук Паўлу Лаўрынцу, які даслаў нам гэты тэкст.

[74] Філарэт (да пострыгу Драздоў Васіль Міхайлавіч) (1782–1867) — праваслаўны рэлігійны дзеяч, мітрапаліт Маскоўскі і Каломенскі, член Свяцейшага Сінода. Адзін з найаўтарытэтнейшых іерархаў рускай праваслаўнай царквы XIX ст. М. М. Мураўёў мог бліжэй пазнаёміцца з мітрапалітам Філарэтам, бо меў супольнае з ім стаўленне да сялянскай рэформы: вядома, што хоць Філарэт быў аўтарам тэксту маніфеста аб адмене прыгоннага права, да ідэі вызвалення сялян ён ставіўся вельмі насцярожана.

[75] Абавязкі віленскага паліцмайстра выконваў маёр Міхаіл Андрэевіч Саранчоў (не пазней 1821 — пасля 1882), потым — палкоўнік і акруговы інтэндант Кіеўскай ваеннай акругі. Паводле меркавання Г. В. Кісялёва, які спасылаецца на нататкі Людвігі Радзевіч, Саранчоў спачуваў паўстанцам — гл.: Кісялёў Г. В. Сейбіты вечнага // Кісялёў Г. В. Сейбіты вечнага: артыкулы пра беларускіх пісьменнікаў і дзеячаў рэвалюцыйнага руху 1863 года; Скарынаўская сімволіка: вытокі, традыцыі, інтэрпрэтацыі. Мінск: Медысонт, 2009. С. 119.

[76] «На женщин, являющихся в трауре на улице или в общественном месте, налагался в первый и во второй раз денежный штраф (по 25 и 50 рублей), а в третий — они подвергались аресту. Служащим лицам было объявлено, что те, в семействе которых женщины будут носить траур, подвергнутся сами ответственности и будут исключены из службы. Для ношения же траура по ближайшим родным давались особые билеты от полиции» — гл.: Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 238–239.

[77] Рашэнне М. М. Мураўёва пакараць смерцю арыштаваных ім ксяндзоў было прынятае яшчэ ў Пецярбургу. Захавалася сведчанне сучасніка, пасланага ваенным міністрам Дз. А. Мілюціным да Мураўёва, каб азнаёміць яго з запіскай У. І. Назімава пра неабходнасць

больш уважліва адносіцца да рымска-каталіцкай царквы, якая мае значны ўплыў на сялянства: «“—Да, это дело серьезное, — сказал Муравьев: надо подумать. (Помолчав): знаете ли: во всяком деле самое трудное это начало. Настоящая записка Назимова является как нельзя более кстати: она вполне развязывает мне руки. Теперь я знаю, что мне делать: первое, что я сделаю по приезде в Вильну, — это расстреляю ксендза”, — заключил Михаил Николаевич своим обычным мягким голосом» — Ф*. Михаил Николаевич Муравьев 1-го мая 1864 года // Русская старина. 1883. Т. 39, кн. 9. С. 653.

[78] «20-го мая, в 10 часу утра, сидя у себя дома, я был поражен отдаленным звуком барабана и трубы; звук этот все приближался, и с ним рос гул толпы. Все всполошились и бросились к окнам: по узкой Доминиканской (ныне Благовещенской) улице приближалась процессия: вели на казнь ксендза <Станислава> Ишору. Впереди ехали жандармы и казаки; далее, окруженный солдатами, бодро шел высокий молодой ксендз приятной наружности; рожки уныло играли; рядом с осужденным шел духовник, а за процессиею и вокруг нея кипела необозримая толпа народа. Женщины все еще были в черном и громко рыдали. Поляки не хотели верить, что правительство наше решится на казнь и даже самого Ишору уверили, говорят, что казнь будет лишь примерная. Но когда раздался залп, ужас был общий. Слышно было, что до 20 т. народу собралось на обширное поле Лукишки, где это происходило, и на возвышенностях, вокруг лежащих.

В этот день в городе было мрачно; русские и поляки, при встрече, косо друг на друга посматривали. Вина казненного заключалась в чтении возмутительного манифеста народу, собравшемуся в костеле. Подобное чтение, как впоследствии обнаружилось, происходило почти повсеместно в крае, в один и тот же день, кажется, 20-го января. [...] Ишора был задержан из первых, и потому на него пал жребий. Через 2 дня происходила новая казнь: расстреляны были старый ксендз <Раймунд> Земацкий и молодой шляхтич Лясковский. Я видел тоже, как они шли на казнь. Но казнь эта не произвела уже такого впечатления на жителей, как первая» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 28–29. Пар.: «Праз два дні пасля прыезду новы губернатар загадаў расстраляць ксяндза Ішору. Гэты святар, з’яўляючыся вікарыем, прачытаў маніфест

і пайшоў разам з паствай, але калі ён даведаўся, што за чытанне маніфеста арыштавалі пробашча, прыйшоў сам. Назімаў збіраўся выслаць яго ў Расію, Мураўёў загадаў расстраляць. [...] Праз некалькі дзён адбылося пакаранне смерцю ксяндза Зямацкага, Лясковіча, пазней і Ляснеўскага. На пакаранні смерцю ксяндза Зямацкага я прысутнічаў і ўзяў з сабой сямігадовага сына Тадэвуша, каб падрыхтаваць дзіця, што падобным чынам і ён можа страціць бацьку. На хлопчыка гэтае пакаранне смерцю зрабіла моцнае ўражанне; атрымаў ён нервовы шок, але больш уразіла яго цікаўнасць натоўпу» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. S. 32–33. Варта адзначыць таксама, што ксяндзоў пакаралі смерцю без папярэдняга пазбаўлення сану.

[79] Капітул — калегія з духоўных асоб пры каталіцкім біскупе, якія здзяйсняюць урачыстыя богаслужэнні.

[80] Кансісторыя — орган царкоўна-адміністратыўнага кіравання каталіцкай епархіяй у Расійскай імперыі.

[81] З. Серакоўскі «был представлен к светлому Христову воскресению в подполковники и не произведен только потому, что все производство по военному ведомству было отложено до 17-го апреля. В промежуток этого времени сделалось известным, что он предводительствует мятежнической шайкой» — <Дельвиг А. И.> Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820–1870: в 2 т. Т. 2. М.–Л., 1930. С. 209.

[82] Серакоўскі Зыгмунт (1826–1863) — кіраўнік паўстанцкіх атрадаў на Ковеншчыне. Вучыўся ў Пецярбургскім універсітэце (1845–1848), аднак быў арыштаваны і высланы ў Арэнбург (1848–1856), дзе даслужыўся да афіцэрскага звання. Скончыў Акадэмію Генеральнага штаба (1856–1859), быў актыўным супрацоўнікам Дз. А. Мілюціна па рэфармаванні прававых нормаў, што рэгламентуюць вайсковую службу, — у прыватнасці ў справе ліквідацыі цялесных пакаранняў. «Капитан Сераковский, — вспоминал позже российский военный министр, — тогда состоял при департаменте Генерального штаба и был употребляем для разных поручений как офицер бойкий и ретивый. Не только он исполнял усердно возлагаемые на него поручения, но напрашивался на них. В 1862 году ему поручен был осмотр военно-арестантских рот, которые находились тогда в хаотическом состоянии и требовали радикального

преобразования. Сераковский по этому случаю был в беспрерывных разъездах, и я был вполне доволен его усердным и толковым исполнением поручения... В продолжении многих лет он разыгрывал роль усердного, преданного службе офицера» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 146–147. Быў адным з асноўных кіраўнікоў паўстання ў Літве і Беларусі. «Энтузіязм Зыгмунта і яго вера ў будучыню народа, нягледзячы на цяжкае становішча краю, дзейнічалі на ўсіх» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. S. 22. М. М. Мураўёў надаваў вялікую ўвагу персоне З. Серакоўскага не толькі таму, што бачыў у ім небяспечнага і таленавітага ворага, але, магчыма, і таму, што ў яго лёсе бралі ўдзел брытанскі амбасадар у Пецярбургу лорд Ф. Нэпір, які спецыяльна пісаў пра яго Дз. А. Мілюціну, а таксама пецярбургскі генерал-губернатар князь А. А. Сувораў, «который имел обычай оказывать покровительство всякому, кто бы ни обращался к нему с какой бы ни было просьбой» — Тамсама. С. 154.

[83] Ганецкі Іван Сцяпанавіч (1810–1887) — расійскі ваенны дзеяч; генерал-ад'ютант; генерал ад інфантэрыі; у 1855–1863 гг. камандзір лейб-гвардыі Фінляндскага палка, у 1863–1876 гг. — начальнік 3-й пяхотнай дывізіі.

[84] Калышка Баляслаў (1837–1863) — паўстанец, ураджэнец Лідскага павета. Вучыўся ў Маскоўскім універсітэце. Арганізатар найбуйнейшага паўстанцкага атрада ў Ковенскай губерні. Быў узяты ў палон на другі дзень бітвы пад Біржамі разам з З. Серакоўскім. А. Серакоўская перадавала аповед аднаго з ацалелых паўстанцаў, Доніча, пра тое, як Калышка быў схоплены: «Пасля бітвы... калі сабраліся раскіданыя атрады, першымі словамі Калышкі былі: “Дзе правадыр? Хто яго суправаджае?” [...] Набліжаючыся да Скробішкаў, зайшоў ён за больш падрабязнай інфармацыяй у прыдарожную хатку. У тую ж амаль хвіліну забегла гаспадыня з крыкам: “Уцякайце! Маскалі ідуць!” Некалькі спадарожнікаў Калышкі выскачылі ў акно на бок лесу; калі ён збіраўся зрабіць тое самае, пачуў словы салдатаў, што стаялі каля хаты: “Цяпер — калі Даленга схоплены...” Калышка зваліўся на лаву са словамі: «Няма чаго цяпер бегчы — усё прапала — правадыра схапілі». Уварваліся салдаты. На пытанне, хто ён, адказаў: “Калышка, якога вы даўно шукаеце”» — гл.: Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa, 2010. S. 188.

Пакараны смерцю на некалькі тыдняў раней за Серакоўскага, які быў цяжка паранены. Паводле ўспамінаў сучасніка, Калышка ішоў на смяротнае пакаранне «все-таки молодцом, только физиономия у него была до того дерзка и нахальна, что он совсем не произвел того впечатления, на которое видимо бил и рассчитывал, так что даже непозволительный и возмутительный инцидент, — он оборвался и был уже руками, лежащий на помосте, додушен палачем, — многих не привел в ужас, а некоторые даже кричали: “Так ему и надо за те жестокости, которые он делал!” Колышко действительно отличался необыкновенным зверством с русскими, попадавшими ему в руки; не говоря уже про то, что он всех вешал, но он даже приказал в одном месте выпотрошить женщину на последних днях беременности и долженствовавшего родиться ребенка повесить рядом с ней» — гл.: Ауэрбах А. А. Воспоминания. Исторический вестник. 1905. № 10. С. 41. Удакладніць адпаведнасць словаў мемуарыста рэаліям па матэрыялах справы Б. Калышка падчас працы над дадзенымі каментарамі мы ня здолелі.

[85] «Было много искательств о смягчении приговора и, между прочим, от министра внутренних дел Валуева. Говорили даже, что было дано повеление о приостановлении приговора, но что депешу, извещающую об этом, Муравьев распечатал после его исполнения» — <Дельвиг А. И.> Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820–1870: в 2 т. Т. 2. М.–Л., 1930. С. 210.

[86] «Каб ускладніць рух паўстанцкіх атрадаў, Мураўёў загадаў стварыць з сялян варту пад камандай расійскіх жандараў, упаўнаважыўшы іх затрымліваць падазроных і абшукваць шляхецкія сядзібы. Варта гэтая, грозная за Дзвіной і Бярэзінай, чым больш набліжалася да Нёмана, тым больш страчвала свой варожы паўстанцам характар. Калі не лічыць, што, з аднаго боку, узнагароджвалі за схопленага паўстанца, а, з другога боку, каралі сурова за ўсялякую аказаную ім дапамогу, сяляне трымаліся ўважліва і асцярожна. Клапаціліся яны больш пра тое, каб не наклікаць на сябе маскоўскі гнеў, чым пра тое, каб шкодзіць паўстанцам якім-небудзь чынам. Праўду кажа адзін з паўстанцаў Мінскага ваяводства, што калі б нянавісць да паўстання з боку народа была істотнай, то “яно нават сарака васьмі гадзін не доўжылася б”. На Жмудзі і на літоўскім Падляшшы сяляне спачувалі

паўстанню і дапамагалі яму. Салдаты з Жмудзі ў расійскім войску неаднойчы былі руплівымі рэвалюцыйнымі прапагандыстамі» — Limanowski B. Powstanie narodowe 1863 i 1864 r. Lwów, 1990. S. 104.

[87] «Действия мятежников совершенно уронили законную власть, — доносил в Петербург 23 апреля 1863 г. ковенский жандармский штаб-офицер И. Н. Скворцов. — Исправники, становые приставы, судебные следователи и другие чиновники, не имея возможности выехать в уезды без военного отряда, лишились возможности исполнять свои обязанности... Нижние же полицейские чины, из опасения быть повешенными, отказываются от службы правительству или, оставаясь на службе, исполняют распоряжения не своего начальства, а мятежников» — цыт. паводле: Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 36.

[88] Гродзенскі губернатар І. У. фон Галер пісаў пра міравых пасярэднікаў міністра ўнутраных спраў П. А. Валуева, што яны, «будучи избраны предводителями дворянства из числа владельцев мелкопоместных, дорожа содержанием и отношениями к помещикам самостоятельным, уклонялись от рассмотрения жалоб крестьян и от доставления обиженным должного удовлетворения» — цыт. паводле выд.: Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 28. Часткова гэтая характарыстыка супадае з тым, што піша ва ўспамінах Якуб Гейштар, які быў актыўным праваднікам сялянскай рэформы ў Літве: «Выбар іх <міравых пасярэднікаў> быў справай найважнейшай, таму што ад іх залежаў часта ўвесь кірунак рэформы. Урад прызначыў ім па паўтары тысячы рублёў утрымання; пры тым маглі яны жыць у вёсцы, не пакідаючы сваіх маёнткаў і гаспадаркі. Няма нічога дзіўнага, што шмат хто з памешчыкаў шчыра жадаў атрымаць гэтую пасаду, а маршалкі шляхты паўсюль імкнуліся прызначыць добразычлівых да сябе» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 1. S. 100. Разам з тым, паколькі широка распаўсюджваліся звесткі пра тое, што ўрад пачаў рэформы, каб збядніць шляхту, многія пасярэднікі сапраўды ўдзельнічалі ў паўстанні.

[89] Ужо падчас падрыхтоўкі паўстання адбыўся падзел на «белых» і «чырвоных». «Белымі» лічыліся прыхільнікі паўстання, якія прытрымліваліся ідэі максімальнага выкарыстання наяўных легаль-

ных магчымасцяў дзеяння, але пры гэтым выкарыстоўваць таксама ціск еўрапейскіх дзяржаў з мэтай узнаўлення незалежнасці Польшчы ў межах 1772 г. і на аснове Канстытуцыі 3 мая (унітарная дзяржава). «Чырвоныя» былі больш радыкальныя ў адносінах да імперскіх уладаў, з'яўляліся прыхільнікамі ўзброенай барацьбы і тэрору, аднак «чырвоныя» губерняў, якія ўваходзілі ў склад Паўночна-Заходняга краю, выступалі пры гэтым за самастойнасць Літвы і Беларусі (фактычна — за федэратыўны лад будучай Польшчы з улікам гістарычнай традыцыі і нацыянальных асаблівасцяў краю) і за радыкальнае вырашэнне зямельнага пытання з улікам рэальных інтарэсаў сялянства.

Апісанне ковенскага з'езда пасярэднікаў 8 студзеня 1863 г., выкарыстанага адначасова для вырашэння арганізацыйных пытанняў будучага паўстання, гл.: Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 1. S. 204–206.

[90] Часовае палажэнне пра паліцэйскія суды было прынятае ўрадам 8 жніўня 1861 г.

[91] «В числе певунов находились и гимназисты. Могло ли гимназическое начальство, почти сплошь состоявшее из поляков (да и желало ли оно?) удержать учащихся от уличных песнопений, в которых принимали участие их матери, сестры, родственники и знакомые? А вожаки, сами почти все молодые люди, хорошо знали, как обрабатывать незрелую юность: они действовали на чувство, играли на чутких благородных струнах юношеского сердца... Безбоязненно пропев польскую революционную песню на площади, мальчуган уже считал себя героем, спасающим «ойчизну». Помню одного гимназиста 6-го класса: красивый, способный, ловкий, он готов был броситься, очертя голову, во всякую демонстрацию и, по своей пылкости, легко мог пропасть ни за что. Пригласив к себе его отца, я просил его поберечь горячего юношу от увлечений, которые могли быть для него гибельными; но отец оказался взбалмошнее сына. К удивлению моему, он выслушал о проделках своего сына с великим удовольствием и, радостно улыбаясь, воскликнул: «О-то зух-хлопец! Узнаю в нем свою кровь!» Впоследствии оба пропали в водовороте мятежа» — Кулин В. П. Из записок виленского старожила // Русская старина. 1893. № 7. С. 63–64.

[92] «8-го мая 1861 года в Виленском Римско-Католическом Кафедральном Соборе, по случаю храмового праздника Станислава, во время литургии, которую совершал Виленский епископ Красинский, в первый раз в г. Вильне открыто запели революционный гимн... В костеле было до 2-х тысяч народа. Более других обратили на себя внимание громким неистовым криком студенты университетов, Петербургского — Виктор Пашковский, Московского — граф Казимир Тышкевич и Александр Зельверович, бывший студент Дерптского университета Лимановский, называющийся доктором Дыбовский и житель Царства Польского, отставной прапорщик Станишевский. Все они были арестованы. Тогда толпа женщин, числом около 50, явилась к генерал-губернатору с ходатайством об освобождении арестованных, а на другой день пришла уже с настойчивостью повторить свою просьбу, и разошлась только из боязни и стыда быть облитою прибывшею пожарною командой. Некоторые из этих женщин, видимо руководившие толпою и более дерзкие в обращении и разговоре, были высланы из Вильны в свои имения, с запрещением возвращаться в Вильну» — Цылов Н. И. Сигизмунд Сераковский и его казнь, с предшествовавшими польскими манифестациями в Вильне в 1861–1863 годах. Вильна, 1867. С. 2–4.

[93] Гэтая мера неадназначна ўспрымалася і самімі паўстанцамі. Я. Гейштар піша ў мемуарах: «...адным з першых, і самых крыўдных нашых дзеянняў, быў зварот да ўсіх высокіх чыноўнікаў, а менавіта маршалкаў шляхты і міравых пасярэднікаў, каб яны адмовіліся ад сваіх абавязкаў. [...] З Варшавы прыйшоў да нас загад, каб мы правялі гэтую ўсеагульную адстаўку. Узгадніць адстаўку пасярэднікаў узаемна з паўстаннем шляхты Царства <Польскага>, якая не прымала ўдзел і пасіўна адносілася да народнай вайны, гэта зразумела, але ў нас! Пасярэднікі мелі ўжо большы ўплыў на народ, яны былі натуральнымі правадырамі гэтага народа, з іх пераважна выходзілі павятовыя і акруговыя кіраўнікі (паўстанцкіх арганізацый. — *А. Ф.*) і г. д. Як чыноўнікі, яны валодалі правам ездзіць па вёсках, акрамя маральнага ўплыву, выкарыстоўвалі таксама і той, што давала ўлада. Пасля адстаўкі яны звернуць на сябе ўвагу расійскіх уладаў і добраахвотна пазбавяцца свайго ўплыву на народ. Толькі аслепленыя, непрактычныя людзі, ці тыя, хто жадае

зла, маглі гэтага не разумець» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. S. 8.

[94] Старжынскі Віктар Вацлаў (Віктар Мацвеевіч) (1826–1882) — граф, палітычны дзеяч; выконваючы пасаду гродзенскага губернскага маршалка шляхты (1861–1863). Адзін з лідараў партыі «белых» у Літве. Якуб Гейштар лічыў менавіта яго адказным за ініцыяванне адставак міравых пасярэднікаў і маршалкаў шляхты: «Ён, заўжды жадаючы рэзанансу, калі пачалося паўстанне, і сам падаў у адстаўку, і іншых угаворваў; стараўся, каб пра гэта напісалі ў замежных газетах як пра здзейснены факт» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. S. 8. Пасля адстаўкі быў арыштаваны; асуджаны да смяротнага пакарання, аднак пасля запыту імператара Напалеона III быў зняволены на паўтара года ў Бабруйскую крэпасць, затым высланы ў Варонеж, дзе знаходзіўся да 1867 г. У савецкай гістарыяграфіі В. Старжынскі паўставаў выключна ў негатыўным святле, пад уплывам чаго, на наш погляд, ён выведзены як адмоўны персанаж і галоўны апанент Кастуся Каліноўскага ў паэме А. А. Куляшова «Хамуціус».

[95] Лапа Аляксандр (Аляксандр Дамінікавіч) (1802–1869) — памешчык Бабруйскага павета, валодаў вёскай Рудабелкай; грамадскі дзеяч. Маршалак шляхты Бабруйскага павета (1846–1858), маршалак шляхты Мінскай губерні (1859–1863). Брат дзекабрыста М. Д. Лапы. У паўстанні 1863–1864 гг. удзелу не браў, аднак быў высланы паводле асабістага ўказання М. М. Мураўёва ў Пермскую губерню.

[96] А. Д. Лапа быў арыштаваны не за ўдзел у паўстанні, а за «мінулы грэх»: «в ноябре 1862 г. Минское дворянское собрание намеревалось представить на высочайшее имя адрес, в котором говорилось о необходимости присоединить Минскую губернию к Царству Польскому. Планировалось представить такие же адреса во всех губерниях края. В. И. Назимов запретил подачу адреса, но минские дворяне внесли его текст в протокол заседания, который подписали 255 человек во главе с губернским предводителем дворянства А. Д. Лаппо. Генерал-губернатор вынужден был распустить дворянское собрание» — гл.: Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 31. П. А. Чарэвін згадваў: «Прибывший по вызову главного начальника края в Вильну, Лаппа,

явившись во дворец, прямо прошел ко мне, как делали все те, которые имели что-либо особенное передать генерал-губернатору или желали знать, для чего они потребованы.

Познакомившись со мною, Лаппа очень ловко, не высказывая большого любопытства, спросил меня, не известна ли мне причина его вызова. Находя возможным открыть ему причину, я прямо сказал, что деятельность его при подаче в 1862 году всеподданнейшего адреса дворянством Минской губернии и противодействие, им оказанное ныне при подаче вновь адреса, причина, по которой М. Н. Муравьеву угодно с ним лично переговорить. Выслушав меня довольно хладнокровно, Лаппа, нисколько не отрицая все мною высказанное, стал весьма подробно развивать мне теорию, почему он так поступал, — теорию, которую можно изобразить одним словом — таковы его убеждения. Не знаю, хотел ли он меня убедить в правильности его польского взгляда, но дело в том, что закончил речь словами: “Таковы мои убеждения, от которых не откажусь ни перед кем, ни перед какими казематами”. Видимо было, что мой пан, видя что партия проиграна и что он пойман, хотел, по крайней мере, разыграть роль мученика, не отказывающегося от своих понятий ни перед чем. Я остановил пылкого Лаппу, сказав ему, что удивляюсь, к чему он мне это высказывает, что я его не могу никуда посадить, никуда не выслать, а еще менее разделяю его убеждения. [...] Обиженный ответом, Лаппа возразил, что он мне это сообщает с просьбою передать это генерал-губернатору. Сказано — сделано. Попросив г. Лаппу в приемный зал, я прошел к М. Н. Муравьеву и доложил ему содержание разговора моего с злосчастным предводителем. Бедному Лаппе приготовлялась неприятная неожиданность. Он, зная, что поступок его не повлечет его ни в Сибирь и нечто подобное, полагал, по крайней мере, разыграть роль страдальца, политического узника и в глазах своих собратьев еще выиграть; каково же было его удивление, когда М. Н. Муравьев, сказав ему несколько слов, велел ординарцу своему арестовать Лаппу, взять у него шпагу и отвести в полицию. Разом рушилась поэзия — сидеть в полиции с мошенниками, впрочем, не хуже его в действительности, не ожидал Лаппа. Высидев в яме 2 недели, он был отправлен на жительство в одну из внутренних губерний» — Черевин П. А. Воспоминания: 1863–1865 гг. Кострома, 1920. С. 35–36.

[97] Паводле словаў П. А. Валуева, В. Старжынскаму «крепко хочется стать литовским Велопольским» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 168.

[98] П. А. Валуев запісаў у сваім дзённіку 1 верасня 1861 г.: «Получил замечательное письмо от и<сполняющего>д<олжность> гродненского губернского предводителя гр. Старжинского. Он с большой откровенностью указывает, с одной стороны, на ошибки и притеснительные действия местных властей, с другой на desiderata (пажаданні. — *А. Ф.*) Литвы. Он прямо говорит, что край желает «быть присоединенным к империи и к королевству, как ранее он был присоединен к одному королевству; иметь полную свободу совести, верховный суд и университет в Вильне, право преподавать, вести судебные дела на своем языке и иметь орган для выражения своих пожеланий» (словы В. Старжынскага прыведзены П. А. Валуевым на французскай мове, мы падаем іх у перакладзе. — *А. Ф.*). Он в заключение просил, чтобы я кого-нибудь послал в край или кого-нибудь оттуда вызвал. Я дал ему знать по телеграфу, чтобы он сам приехал, и получил вечером же извещение, что он выезжает в Петербург. Письмо его шло долго. Оно, вероятно, “перлюстрировано” на почте» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 111.

[99] У 1868 г. П. А. Валуев зрабіў наступную заўвагу да запісаў пра В. Старжынскага ў сваім дзённіку: «Этот самый гр. Старжинский играл в событиях 1863 г. весьма предосудительную роль, был судим и приговорен к смерти (чего, впрочем, он не заслуживал и к чему не был бы приговорен, если бы в муравьевскую эпоху не преследовались особо все поляки, имевшие лично со мной отношения), потом сослан под надзор полиции в Воронеж (частью во внимание к заграничным ходатайствам, частью потому, что сам Муравьев едва бы решился конфирмовать смертный приговор... Но до этих событий он еще играл довольно видную роль в Москве в конце 1862 г. во время съезда предводителей из разных губерний по случаю пребывания в Москве государя и императрицы. Тогда им была представлена государю записка, копия с которой имеется в моих бумагах и которая по своему содержанию близко подходит к письму гр. Старжинского ко мне, бывшему поводом к его вызову в Петербург в сентябре 1861 года. Упоминаю об

этом здесь потому, что подача такой записки в 1862 году характеризует взгляды на польский и западный вопросы, долго сохранявшиеся в высшей правительственной сфере. Гр. Старжинский прежде служил на Кавказе и носил серебряный Георгиевский крест» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 324.

[100] «...Когда Центральный комитет потребовал, чтобы все поляки оставили службу русскому правительству, граф Старжинский решился снять маску и сложить с себя звание дворянского предводителя, объявив при том дворянству циркулярным письмом, что он, при настоящем образе действий русского правительства в Литовском крае, признает невозможным честному поляку служить России, от которой нечего ожидать для воссоздания Польши. Письмо это было тогда же опубликовано в заграничных газетах.

По следам Старжинского подали в отставку и все занимавшие в Гродненской губернии должности мировых посредников и другие должностные лица. Дворянство же Могилевской губернии, следуя также примеру, поданному в прошлом году дворянством Подольской и Минской губернии, постановило 30 марта закрыть свое собрание, мотивировав в протоколе невозможностью обсуждать свободно нужды края, ввиду тех гонений, которые навлекли на себя со стороны правительства другие губернии, решившиеся ранее высказать жалобы на свое угнетенное положение и желание восстановления прежнего соединения Западного края с Польшей» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 145.

[101] Імя В. Старжынскага было добра вядомае на Захадзе, і пакаранне яго смерцю ці высылка на працяглы тэрмін маглі зрабіць дрэннае ўражанне на замежжа. П. А. Валуеў 19 чэрвеня 1863 г. адзначаў у дзённіку: «Вечером приехал ко мне лорд Нэпир (англійскі амбасадар. — *А. Ф.*) с письмом от кн. Горчакова. Лорд Нэпир полемизирует, как говорит, с своим правительством насчет разглашаемых нашими клеветниками обвинений, он опровергает разные толки о жестокости наших начальников и солдат. На сей раз он поднялся по случаю телеграммы от гр. Росселя (міністра замежных спраў Вялікабрытаніі. — *А. Ф.*) о предстоящей будто бы в Вильно казни гр. Старжинского» — Валуев П. А. Дневник министра иностранных дел. Т. 1. С. 230. Пагроза

дадатковых ускладненняў у адносінах з Лонданам прымусіла падключыцца да вырашэння лёсу В. Старжынскага самога імператара — гл. запіс П. А. Валуева ад 22 чэрвеня 1863 г.: «Кн. Долгоруков (шэф жандармерыі. — *А. Ф.*), которого по особенностям моих отношений к ген. Муравьеву и его характера, я просил написать в Вильно о Старжинском и который тогда мне в этом отказал, сегодня получил высочайшее повеление телеграфировать о том к ген. Муравьеву. Я писал к нему еще третьего дня. Надеюсь, что то и другое не сделано слишком поздно» — Тамсама. С. 231.

[102] Верагодна, аўтар копіі або яе публікатар памыліліся: граф В. Старжынскі быў высланы ў Варонежскую губерню.

[103] Аўгустоўская губерня — адміністрацыйная адзінка Царства Польскага (1837–1866); адміністрацыйным цэнтрам з 1844 г. з'яўляўся г. Сувалкі.

[104] Берг Фёдар Фёдаравіч (1794–1874) — граф; расійскі военачальнік і дзяржаўны дзеяч. Генерал-фельдмаршал. Член Дзяржаўнага савета (1866), генерал-губернатар Фінляндыі (1854–1861); намеснік Царства Польскага і галоўнакамандуючы войскамі Варшаўскай ваеннай акругі (1863–1874). Ф. Ф. Берг быў апошнім намеснікам Царства Польскага; пасля яго смерці гэтая пасада была ліквідаваная.

[105] Дамейка Аляксандр (Аляксандр Фадзеевіч) (1804–1878) — грамадскі і палітычны дзеяч; камергер, тайны радца. Маршалак шляхты Віленскай губерні (1855–1878).

[106] Ордэн Святога Станіслава — малодшы з ордэнаў Расійскай імперыі, уключаны ў Капітул расійскіх ордэнаў пасля задушэння паўстання 1830–1831 гг. (з 1765 да 1831 г. існаваў як дзяржаўная ўзнагарода Рэчы Паспалітай, пасля — Царства Польскага; заснаваны каралём Станіславам Аўгустам Панятоўскім).

[107] Пад паняццем «Жонд» М. М. Мураўёў, як і большасць імперскіх ідэолагаў і публіцыстаў, разумеў адзіны цэнтр, які, паводле іх меркавання, кіраваў паўстаннем.

[108] Нельга сцвярджаць, што Мураўёў у дадзеным выпадку кажа няпраўду. На аснове архіўных росшукаў А. Ф. Смалянчук прыводзіць

прыклады распраў паўстанцаў над асобамі, лаяльнымі да імперскіх уладаў, у тым ліку і над жанчынамі — гл.: Смалянчук А. Ф. Радкевіч versus Каліноўскі // Смалянчук А. Ф. Беларуская гісторыя: знайсці чалавека. Мінск: выдавец І. П. Логвінаў, 2013. С. 32–72.

[109] «Следчыя камісіі і ваенна-палявыя суды імкнуліся вынесці як мага больш абвінаваўчых прысудаў. Калі некаторыя сумленныя рускія звярталі ўвагу Мураўёва на тое, што пацярпелі многія невінаватыя, ён звычайна адказваў: «Можа быць, што не ўсе ўдзельнічалі ў паўстанні, але напэўна ўсе яму спачувалі»» — гл.: Limanowski B. Powstanie narodowe 1863 i 1864 r. Lwów, 1990. S. 103.

[110] Тут М. М. Мураўёў хітруе: адрас быў ініцыяваны самім генерал-губернатарам, чаго не хаваў і губернскі маршалак шляхты Аляксандр Дамейка, які збіраў подпісы. Я. Гейштар згадваў: «На пачатку паўстання, калі на імгненне блеснула надзея, то і Дамейка ў даверальнай гутарцы не хаваў сваіх патрыятычных пачуццяў і ўкладаў грошы. Калі надзеі рассеяліся, Дамейка, кажучы, што трэба ратаваць тое, што яшчэ можна, на ідэю Мураўёва пачаў агітаваць за падпісанне адраса. [...] Што ў ліпені адрас будзе пададзены, не было сумневаў. У Дамейкі была пэўная колькасць прыхільнікаў, якіх хапала для пачатку, але размова ішла пра рэдакцыю адраса. Мураўёў дакладна жадаў ужо не паказу вернападданага стаўлення да Манарха, не асуджэння паўстання і братоў-ваяроў, але адназначнага адмаўлення ад мінулага, прызнання перад светам, што заўжды мы былі рускімі і імі хочам застацца. Нічога дзіўнага, што нават Дамейка некаторы час спрабаваў паўплываць на змяненне волі Мураўёва». І далей: «Дамейка адназначна сцвярджаў, што Мураўёў іншага, чым ён сам прапаноўвае, не прыме» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. S. 68–69, 71. Пра тое ж сведчыць і А. М. Масолаў: «Виленскому дворянству была подана мысль о представлении всеподданнейшего адреса, в коем оно сознало бы свои заблуждения и просило помилования; главною целью этого было уяснение партии, расположенной к правительству, так как всякий подписавший адрес, в случае открытия его виновности, становился вдвойне виновным, а всякий благомыслящий стремился бы, подписав свое имя, увеличить ту партию, из которой он уже не мог выступить. [...] Со стороны правительства в этом деле прини-

мал участие... подполковник Павлов, много лет живший в этом крае и имевший в среде местных помещиков друзей и родных. Генерал-губернатор зорко следил за этим делом...» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 40–41.

[111] «По случаю дня рождения Государыни снова все собрались в генерал-губернаторский дворец, но в этот день Виленское дворянство чрез депутацию из 15-ти человек, имевшую во главе губернского предводителя, просило начальника края представить Его Величеству письмо с выражением раскаяния и с заявлением верноподданнических чувств. Минута была торжественная. Генерал-губернатор принял адрес, подписанный уже 230 почетнейшими дворянами и согласился представить его Государю; но вместе с тем напомнил дворянству, какую важность должно иметь это заявление и что затем им, дворянам, следует действиями своими доказать, что они отрекаются от революционной партии и во всем намерены содействовать правительству для восстановления спокойствия в крае. Губернский предводитель заявил при этом, что подписка на особых листах продолжается по уездам и идет успешно.

Немедленно была отправлена Государю в Царское Село телеграмма с извещением об этом событии и о содержании адреса. [...] На телеграмму был в тот же день получен благосклонный ответ Государя. Затем несколько времени спустя Его Величество удостоил генерала Муравьева милостивым по этому случаю рескриптом...» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 44–46.

[112] «Аддзел аднагалосна прыняў зварот да Дамейкі, у якім апошні быў прыгавораны да смерці, калі ён пажадае падпісаць гэты адрас». «Яшчэ перад гэтым узнікла думка контр-адраса, з якім за мяжу мусілі выехаць па некалькі вядомых суайчыннікаў з кожнай губерні, моцна скампраметаваных (у вачах улады. — *А. Ф.*), каб там выказаць пратэст і распавесці, якім чынам гэты ўрадавы адрас быў сабраны. Пастанавілі мы выдаць дэкрэт, які асуджаў на бясслаўе тых некалькіх людзей, якія першымі падпісалі гэты адрас разам з Дамейкам» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. S. 74, 77.

[113] «Паводле жадання варшаўскага кіраўніцтва, супраць нашай волі, заснавалі паўстанцкую жандармерыю, і ўжо яе абавязкам было

выканаць гэты дэкрэт. Аднак, як я і прадбачыў, гэтыя людзі, большай часткай бесхарактарныя, як і без маральных каштоўнасцяў, за атрыманыя грошы маглі забіць каго-небудзь разбойніцкім спосабам, але самі на верную пагібель за грошы ісці не хацелі» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. S. 74–75.

114 Бянькоўскі Ян (1837–1863) — фельчар; паліцэйскі і кінжальшчык у варшаўскай паўстанцкай арганізацыі; за замах на А. Дамейку быў пакараны смерцю. Як сцвярджае ва ўспамінах Я. Гейштар, Я. Бянькоўскі мусіў атрымаць за смерць А. Дамейкі 500 рублёў — гл.: Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. S. 77.

115 Губернскі пракурор У. А. Зыбін узгадваў: «Доктора удостоверили, что рана, нанесенная Домейко, — не смертельная, но мучительная и требует внимательного лечения и ухода» — гл.: В. З. <Зыбин В. А.> М. Н. Муравьев в Вильне (Из рассказов губернского прокурора) // Русская старина. 1898. № 11. С. 292. Падрабязную карціну замаху на А. Ф. Дамейку ўзнаўляе А. М. Масолаў: «В 8-м часу утра неизвестный человек явился к Домейко под предлогом подачи просьбы. Слуга просил его обождать, пока доложит. Губернский предводитель только что встал и еще в халате вышел в приемную, куда велел впустить и пришедшего. Слуга тем временем остался в большой прихожей, над лестницей, где растворял окна. Услыша внезапный крик в соседней комнате, он бросается туда и в дверях сталкивается с убийцей, у которого в руках окровавленный кинжал. Он стал было сопротивляться; но при виде кинжала ужас им овладел и он, весь израненный в грудь и бок, упал замертво. Убийца скрылся.

Между тем Домейко не только был жив, но был гораздо слабее изранен, чем его слуга. Убийца хотел поразить его в самое сердце, но он всякий раз, как тот наносил ему удар, защищался локтем левой руки, согнув ее в виде щита. На руке его было семь больших ран, но толстый фланелевый рукав предохранил Домейко; приход же слуги заставил убийцу броситься назад, чтоб проложить себе путь отступления. Вместо прошения Домейко было подано два листка. Листки эти, с запекшеюся на них кровью, были отосланы в канцелярию и с них делался перевод. На первом было напечатано по-польски постановление верховного народового трибунала, которым все лица подпи-

савшие адрес Государю, изъемлются из-под покровительства закона и предаются военно-полевому суду, а Александр Домейко, как один из главных виновников этого дела, должен быть немедленно казнен смертью, как изменник отечеству. К этому документу приложена была синяя печать, с изображением соединенных гербов Литвы и Польши, с надписью вокруг: pieczęć rządunarodowégo. Oddział Litwy. Другой листок заключал приказ исполнительного отдела Литвы за подписью начальника miasta Вильны (с неразборчивой подписью), в коем предписывалось привести в исполнение приговор над гражданином Домейко» — гл.: Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 47–49.

[116] М. М. Мураўёў па-рознаму вымаўляе (ці аўтар копіі па-рознаму запісвае) яго імя — вар'іруюцца «Мірашнікоў» і «Мірашэнкаў». Насамрэч Мірашнікоў Аляксандр — мяшчанін г. Вільні, паводле словаў А. М. Масолава, «кутила и сорви-голова, он уже был однажды арестован по какому-то подозрению, а в то же самое время, когда случилось покушение на жизнь Домейко, где-то проговорился, хвастаясь. При допросах он сознался, что их, кинжальщиков, более десяти человек; но что из них он знает лишь немногих; из названных им 4-х лиц трое оказались бежавшими и никогда не были схвачены» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 51. Быў прыгавораны да пазбаўлення правоў грамадзянства, канфіскацыі маёмасці і высылкі на катаргу.

[117] «Когда же ему <М. М. Мураўёву> сказали, что они оба брюнеты, а покусившийся на жизнь Домейко был белокур, М. Н. Муравьев приказал отвести их в баню и мыть в особенности волосы. — После трех бань тот, который конфузился, оказался белокурым, и когда его показали Домейко, он удостоверил, что это именно тот, который нанес ему рану» — В. З. <Зыбин В. А.> М. Н. Муравьев в Вильне (Из рассказов губернского прокурора) // Русская старина. 1898. № 11. С. 293.

[118] Чаплінскі Эдвард (?—1863) — шляхціц Панявежскага павета; вольны слухач Маскоўскага ўніверсітэта. Удзельнік Віленскай гарадской паўстанцкай арганізацыі, адзін з арганізатараў замаху на А. Дамейку. Пакараны смерцю.

[119] Далеўскі Цітус (1841–1863) — студэнт факультэта права Маскоўскага ўніверсітэта, актыўны ўдзельнік польскіх нацыянальных моладзевых гурткоў у Маскве; кіраўнік студэнцкага гуртка «Агул». Блізкі сябар К. Каліноўскага. Пакараны смерцю. Яго сястра, А. Серакоўская, прыгадвала: «Напярэдадні новага году, 30 снежня 1863 / 11 студзеня 1864 года вывелі Цітуса на расстрэл з камеры, з якой у 1850 годзе вывезлі нашага старэйшага брата Францішка ў Сібір. Цітус, выходзячы, выцер твар хусцінкай (якая цяпер у мяне) і папрасіў плашч і галёшы, кажучы: «Калі б дрыжаў ад холаду, сказалі б пра мяне, як пра Зыгмунта Серакоўскага, якога адправілі на смерць пасля цяжкай аперацыі, зусім напярэдадні, што ногі мае падкошваюцца перад смерцю». Тыя, хто ў той момант бачылі яго, кажуць, што ішоў ён са спакойнай усмешкай на вуснах і нібыта вырас, таму што, ідучы за ім, бачылі яны яго галаву, якая ўзвышалася над натоўпам» — Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa, 2010. S. 93.

[120] Гажыч Вітольд (1843–1864) — шляхціц Брэсцкага павета; студэнт Пецярбургскага ўніверсітэта. У 1861 г. паехаў у Парыж, дзе наведваў лекцыі ў Сарбоне як вольны слухач. У 1863 г. вярнуўся на радзіму, пачаў дзейнічаць як адзін з кіраўнікоў паўстанцкага камітэта ў Лідскім павеце. Быў схоплены, асуджаны да пазбаўлення грамадзянскіх правоў, канфіскацыі маёмасці і дваццацігадовай катаргі. Памёр у маскоўскім шпіталі праз тыфус.

[121] Дармалоўскі Мечыслаў (?—1863) — паўстанец. Паводле словаў А. М. Масолава, «уроженец Познани, молодой человек чрезвычайно изящной наружности, оказавшийся, по общим показаниям, революционным комиссаром Виленской губернии, иначе — губернатором» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 120. Пакараны смерцю.

[122] Здановіч Ігнацы (1840–1863) — сын прафесара віленскага шляхецкага інстытута А. Здановіча, кандыдат права Пецярбургскага ўніверсітэта. Паводле сцвярджэння А. М. Масолава, «был распорядителем всей хозяйственной и денежной части мятежа. При обыске в доме Здановичей, где-то на заднем дворе, за обыкновенными складами в роде сенника, открыта комната, выходившая единственным окном на пустынный берег Вилейки. Тут были захвачены разные бланки, пе-

чати, акты, революционные приказы и проч.» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 119. Паводле словаў Я. Гейштара, які прызначыў І. Здановіча начальнікам г. Вільні, «Здановіч вызначаўся годнасцю, але і жорсткасцю» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. S. 143. Пакараны смерцю. Яго бацька, Аляксандр Здановіч, стаў аўтарам дапаможніка па гісторыі Польшчы, па якім таемна вучылася новае пакаленне віленцаў пасля разгрому паўстання 1863–1864 гг.

[123] Малахоўскі Уладыслаў (1827–1900) — шляхціц Кобрынскага павета, чыгуначны інжынер. Паводле словаў Я. Гейштара, «чалавек здольны... поўны ініцыятывы, энергіі і самааддачы. Сам адважны да неасцярожнасці, патрабаваў ад падначаленых паслухмянасці і энергіі, але, на жаль, часта верыў словам маладых і неправераных вар'ятаў» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 2. S. 47. Быў начальнікам паўстанцкага камітэта г. Вільні, пасля замаху на А. Дамейку эміграваў, жыў у Лондане, памёр у Францыі. Бацька яго, Юльян Малахоўскі, пасля эміграцыі сына быў арыштаваны і памёр у турме.

[124] Дзюларан (Дзю Ларан) Нестар (?—1868) — камісар Цэнтральнага нацыянальнага камітэта і Нацыянальнага ўрада ў Літве і Беларусі. «Гэта была дзіўная асоба. Ні ў архіўных дакументах, ні ва ўспамінах сучаснікаў не засталося звестак (ды, напэўна, ніхто толкам і не ведаў), адкуль ён з'явіўся і куды пасля знік. Вядома толькі, што ён служыў ва ўпраўленні чыгункі ў Вільні і... лічыў сябе поўным гаспадаром у віленскай рэвалюцыйнай арганізацыі» — гл.: Кісялёў Г. В. Сейбіты вечнага // Кісялёў Г. В. Сейбіты вечнага: артыкулы пра беларускіх пісьменнікаў і дзеячаў рэвалюцыйнага руху 1863 года; Скарынаўская сімволіка: вытокі, традыцыі, інтэрпрэтацыі. Мінск: Медысонт, 2009. С. 91. «Дзюларан атрымаў ад варшаўскага ўрада загад разам са мной стварацць "Аддзел кіравання правінцыямі Літвы", і пры тым інструкцыю, у якой даручалася яму згадзіцца на ўсе нашыя ўмовы. [...] Канстанцін Каліноўскі і Зігмунд Чаховіч... злаваліся на Дзюларана. Каліноўскі напісаў нават пратэст» — Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857–1865. T. 1. S. 232–233.

[125] Каліноўскі Канстанцін Вікенцій (Кастусь) (1838–1864) — выпускнік юрыдычнага факультэта Пецярбургскага ўніверсітэта. Актыўны

ўдзельнік паўстання 1863–1864 гг., апошні кіраўнік паўстанцкага ўрада Літвы і Беларусі. Прыхільнік аўтаноміі Літвы і Беларусі ў Царстве Польскім. Прыхільнік радыкальнага варыянта сялянскай рэформы, аднак імкнуўся да захавання сацыяльнага міру; паводле сведчання А. Серакоўскай, якая мала ведала яго, «быў ён сябрам сялян, можа быць, нават «халопаманам», але ніколі не быў ворагам ні аднаго слою свайго народа» — Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa, 2010. S. 50. Выдаваў на беларускай мове газету «Мужыцкая праўда». Пакараны смерцю. Нацыянальны герой Беларусі.

[126] Валанчэўскі (Валанчус) Мацей Казімір (1801–1875) — грамадскі і каталіцкі рэлігійны дзеяч; пісьменнік. «Человек замечательно умный» — Черевин П. А. Воспоминания: 1863–1865 гг. Кострома, 1920. С. 26. Стваральнік літоўскага Таварыства цвярозасці (1858). Біскуп Жамойці (з 1850 г.); першы літоўскі біскуп родам з сялян. Уплыў М. К. Валанчэўскага на народ быў настолькі моцны, што ў 1860 г. заробак, выплачаны акцызным чыноўнікам Ковенскай губерні, дзе Таварыства цвярозасці мела найбольш трывалую пазіцыю, перавысіў даходы ад прададзенага алкаголю; у 1859 г. у Ковенскай губерні зачынілася 87 бровараў.

[127] Мацкевіч Антоні (Мацкявічус Антанас) (1827 або 1828–1863) — ксёндз, выпускнік Віленскай гімназіі; вучыўся ў Кіеўскім універсітэце і ў Варнянскай духоўнай семінарыі. Падчас паўстання стварыў вялікі атрад, які пад яго кіраўніцтвам перамог у больш як 20 бітвах і сутычках з рэгулярнымі імперскімі войскамі і жандарамі. «Молодой ксендз фанатик Мацкевич, с необычайною энергией, обладавший замечательным уменьем вести партизанскую войну, до ноября 1863 г. держал в каком-то напряженном состоянии всю Жмудь» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 169. Належаў да партыі «чырвоных». Пакараны смерцю.

[128] «...Теснимый со всех сторон, лишенный продовольствия и крова, Мацкевич с кассиром своим Родовичем, адъютантом Дартузи (Фларыянам. — *А. Ф.*) и несколькими сообщниками пробирался к Неману, чтобы, переплыв его, удалиться на прусскую землю. [...] Ксендз Мацкевич, изнуренный, приблизился к Неману и в лесной чаще, над крутизною берега, лег под деревом. В таком положении застал его от-

ряд штабс-капитана Озерского, производивший в лесу обыск. [...] Мацкевича доставили к вечеру в Ковно. В Вильну дано было знать об этом по телеграфу и оттуда последовал приказ судить его в 48 часов. Мацкевич из тюрьмы писал письма военному начальнику, губернатору и начальнику края; в них он излагал свои взгляды и умолял о помиловании, обещая быть человеком полезным. Найденные при нем часы, деньги, пистолет и иные ценные вещи были разделены между солдатами отряда, его схватившего. Мацкевич бодро шел на казнь...» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 110–111. Крыху іншую версію паланення А. Мацкевіча падае А. Серакоўская: «Увесну, страціўшы ўсе надзеі, ксёндз Мацкевіч у таварыстве свайго ад'ютанта спыніўся на беразе непадалёк ад вёскі Вількія з намерам перайсці мяжу. Каб адпачыць перад дарогай, прыйшоў ён у асобна размешчаную хату. Да гэтага часу ходзяць там чуткі, што гаспадар паведаміў стражнікам і выдаў ім у рукі ксяндза Мацкевіча, пасля чаго сам знік без вестак. Іншыя кажуць, што патруль, які кружыў на мяжы Літвы і Польшчы, выпадкова натрапіў на яго ў хаце і пазнаў» — Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa, 2010. S. 75.

[129] Матэрыялы, датычныя падзей паўстання на Гарадзеншчыне, апублікаваныя ў зборніку: Повстанческое движение в Гродненской губернии. 1863–1864 гг. / ред. Д. В. Карев. Брест, 2006. Гл. таксама: Aramowicz I. Pamietnik o ruchu partyzanckim w województwie grodzieńskim w 1863 i 1864 r. <Б. м.>, 1865.

[130] Мінскім губернатарам з 1861 да 1864 г. быў сапраўдны стацкі радца Андрэй Львовіч Бажэўнікаў.

[131] Ігумен — цяпер раённы цэнтр Чэрвень Мінскай вобласці Рэспублікі Беларусь.

[132] Лосеў Аляксандр Міхайлавіч (1819–1885) — палкоўнік, пасля генерал-маёр жандармерыі, начальнік віцебскіх (1856–1861), потым віленскіх (1861–1884) жандараў, кіраўнік Віленскай следчай камісіі. «То был плотный мужчина, лет около пятидесяти, с седыми редкими волосами, одутловатым лицом, серыми неприятными глазами» — Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 360. «Жандар Лосеў, напэўна, у першы і апошні раз у жыцці сказаў праўду, калі яго нехта з вязняў абвінаваціў у зняважлівых фальсіфікацыях (падчас

следства. — *А. Ф.*): «Няўжо вы, спадарове палякі, думаеце пра нас, што мы хочам у вачах вашай грамады ўзвысіцца і стаць высакароднымі? Не, спадарства, нашае жаданне не толькі ў тым, каб атрымаць ад вас прызнанне, але і яшчэ выпусціць вас з рук нашых такімі чорнымі, каб вас маці родныя не пазналі»» — Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa, 2010. S. 190.

[133] «Первый день Калиновский лишь кусал себе губы, неохотно даже отвечал на вопросы, но к вечеру не выдержал и объявил свое настоящее имя. Несмотря на все усилия членов комиссии, им не удалось исторгнуть от Калиновского подробного показания о личностях, составляющих революционную организацию края. Он однако откровенно сознался, что был распорядителем жонда во всем крае, и, как видно из показаний других лиц, он умел поддержать падающий революционный дух польского населения. Помещики его страшились, он свободно разъезжал между ними, воодушевлял нерешительных и запугивал слабых. Калиновский был лет 26, крепкого сложения и с лицом жестким и выразительным; короткие русые волосы были зачесаны назад; таким я видел его в тюрьме за несколько дней до казни. Ему дали перо и бумагу и позволили свободно излагать свои мысли. Он написал отличным русским языком довольно любопытное рассуждение об отношениях русской власти к польскому населению Западного края, в котором, между прочим, высказывал мысль о непрочности настоящих правительственных действий и полное презрение к русским чиновникам, прибывшим в край. Калиновский сознавал, что с его арестованием мятеж неминуемо угаснет; но что правительство не сумеет воспользоваться приобретенными выгодами.

Казнь Калиновского совершилась уже в марте или в конце февраля 1864 г. и была едва ли не последнею в Вильне.

Было ясное холодное утро; Калиновский шел на казнь смело; придя на площадь, он встал прямо лицом к виселице и лишь по временам кидал взоры в далекую толпу. Когда ему читали конфирмацию, он стал было делать замечания; так, наприм<ер>, когда назвали его имя: дворянин Викентий Калиновский, он воскликнул: “У нас нет дворян, все равны!” Полициймейстер покачал ему головой и просил замолчать» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 125–127.

[134] Звіждоўскі Людвік (1829–1864) — адзін з лідараў партыі «чырвоных» і актыўных кіраўнікоў паўстання 1863–1864 гг. на тэрыторыі Літвы і Беларусі. «Звіждоўскі быў невысокі, з чорнымі валасамі і вачамі» — Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa, 2010. S. 177. Служыў у расійскай арміі, удзельнічаў у Крымскай вайне. У 1857–1859 гг. слухач Акадэміі Генеральнага штаба ў Пецярбургу. Служыў ад'ютантам віленскага генерал-губернатара У. І. Назімава. «Находясь в Вильне, он умел долгое время устраняться от всяких подозрений в тесной его связи с тайным революционным комитетом. Перемещение в новое место службы (у Грэнадзёрскі корпус, у Маскву. — *А. Ф.*) не прервало этой связи, а, напротив того, способствовало ему принять потом деятельное участие в исполнении обширного плана действий, задуманного руководителями мятежа» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 145–146. Быў начальнікам магілёўскага паўстанцкага атрада. У 1863 г. змог збегчы за мяжу, аднак вярнуўся, трапіў у палон да расійскіх войскаў. Пакараны смерцю. Гл.: Сильванович С. А. Действия Людвика Звеждовского на Могилёвщине в 1863 г. // Материалы конференции «Проблемы и перспективы становления гражданского общества» 20–21 мая 2010 г.: в 2 ч. Ч. 2. Могилев, 2010. С. 83–87.

[135] Гл.: Цытовіч С. Г. 1863 год у Горы-Горках быўш. Магілёўскай губ. Падзеі паўстання. Менск, 1929.

[136] Любамірскі Стэфан (1819 — после 1879) — князь; камер-юнкер; грамадскі дзеяч. Маршалак шляхты Магілёўскай губерні (звольнены ў 1863 г.). Быў абвінавачаны ў неданясенні аб падрыхтоўцы да паўстання, пасля дадаткова — у падпісанні падчас сеймаў 1862 г. звароту магілёўскай шляхты пра далучэнне Літвы і Беларусі да Царства Польскага. Быў высланы ў Пермскую губерню пад нагляд паліцыі. У 1873 г. атрымаў дазвол вярнуцца на радзіму.

[137] Трэці Літоўскі статут быў выдадзены ў 1588 г. і дзейнічаў да поўнай яго забароны ў 1840 г.

[138] Пра паўстанне на тэрыторыі Віцебскай губерні гл., у прыватнасці: Глазырын С. Я. Спроба ўзброенага выступлення ў Віцебскай губерні падчас паўстання 1863 года // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». 2011. Т. 11. С. 21–27.

[139] Полацкі езуіцкі калегіум быў заснаваны ў 1580 г. паводле загаду караля Стафана Баторыя. Першым яго рэктарам быў выбітны тэолаг, публіцыст і дзяржаўны дзеяч Рэчы Паспалітай Пятро Скарга. У 1812 г. паводле ўказа імператара Аляксандра І быў рэарганізаваны ў Полацкую езуіцкую акадэмію. Акадэмія існавала да 1820 г., калі дзейнасць езуіцкага ордэна на тэрыторыі Расійскай імперыі была забароненая, а прыналежныя яму будынкі перададзеныя ордэну піяраў, які супернічаў з езуітамі. Нароўні з Крамянецкім (Валынскім) ліцэем і Віленскім універсітэтам Полацкая акадэмія лічылася адным з найбуйнейшым адукацыйных цэнтраў на землях былога Вялікага Княства Літоўскага.

[140] Мураўёў асаблівую ўвагу надаваў жаночаму ўплыву. У лісце да шэфа жандараў кн. В. А. Далгарукава ад 18 лютага 1864 г. ён адзначаў: «Трэба тут, на жаль, прызнацца, што і невялікая колькасць рускіх, што тут жывуць, лічыла Заходнія губерні польскімі і многія з іх сталі блізкімі палякам, ажаніліся з полькамі і спачувалі нават бунту» — цыт. паводле: Rok 1863 na Mińszczyźnie. 1863 год на Меншчыне. Mińsk, 1927. S. 149.

[141] Хаванскі Мікалай Мікалаевіч (1777–1837) — князь; расійскі военачальнік і дзяржаўны дзеяч. Генерал ад інфантэрыі (1828). Беларускі генерал-губернатар (1823–1836).

[142] Дзякаў Пётр Мікалаевіч (1788–1860) — расійскі военачальнік і дзяржаўны дзеяч. Генерал-ад’ютант (1831); генерал ад кавалерыі (1846). Беларускі генерал-губернатар (1836–1846).

[143] Галіцын Андрэй Міхайлавіч (1792–1863) — князь; расійскі военачальнік і дзяржаўны дзеяч. Генерал ад інфантэрыі (1829). Удзельнічаў у задушэнні паўстання 1830–1831 гг. Тульскі (1840–1846), пасля беларускі генерал-губернатар (1846–1853). Сенатар (1854).

[144] Далгарукаў Мікалай Андрэевіч (1792 або 1794–1847) — князь; расійскі военачальнік і дзяржаўны дзеяч. Генерал-ад’ютант (1830); генерал ад кавалерыі. Віленскі ваенны губернатар з кіраваннем і грамадзянскай часткаю, выконваючы пасаду гродзенскага і беластоцкага губернатара (1832). Віленскі ваенны губернатар, гродзенскі і беластоцкі губернатар (1833). Мінскі, беластоцкі і гродзенскі генерал-губернатар з захаваннем пасады віленскага ваеннага губернатара (1834–1840). Маларасійскі генерал-губернатар (1840–1847).

[145] Бібікаў Ілля Гаўрылавіч (1794–1867) — расійскі дзяржаўны дзеяч. Генерал-ад'ютант (1849–1852; 1860–1867); генерал ад артылерыі (1852). Начальнік Паўночна-Заходняга краю і віленскі генерал-губернатар (1850–1855); адначасова выконваў абавязкі апекуна Віленскай навучальнай акругі і старшыні Віленскага цэнзурнага камітэта.

[146] Агрызка Юзафат (1827–1890) — журналіст, выдавец, юрыст. У 1863 г. — член Нацыянальнага ўрада; у 1864 г. быў арыштаваны і высланы ў Сібір. Гл. пра яго: Пшацлаўскі В. Иосафат Огрызко и его польская газета «Слово» (Замечания на статью г. Берга в «Русском архиве» 1870 года) // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў. У 2 т. Т. 2. Мінск, 2012. С. 246–264.

[147] У паўстанні ўдзельнічалі некалькі асоб з такім прозвішчам, аднак, хутчэй за ўсё, М. М. Мураўёў мае на ўвазе Пятра Эмануіла Юндзіла — падпаручніка расійскай арміі, які жыў у Пецярбургу і ўваходзіў у гурток З. Серакоўскага. У 1865 г. генерал-губернатарам К. П. фон Каўфманам быў завочна прысуджаны да расстрэлу, пазбаўлення правоў маёмасці, чыноў, канфіскацыі маёмасці.

[148] Бакланаў Якаў Пятровіч (1809–1873) — расійскі военачальнік; генерал-лейтэнант (1860). Вылучыўся падчас вайны на Каўказе. У 1861–1863 гг. акруговы генерал 2-й вобласці Войска Данскога. Пасля таго як у распараджэнне віленскага генерал-губернатара былі перададзеныя данскія войскі, камандаваў імі. Сам Я. П. Бакланаў прыгадваў: «Для принятия и управления ею <Аўгустоўскай губерняй> он командировал меня, с правом судить участвовавших в мятеже, приговаривать виновных к смертной казни, к ссылке в каторжные работы и в Сибирь на поселение, и не ожидая его конфирмаций, приводить приговоры в исполнение» — Бакланов Я. П. Моя боевая жизнь (Записки Войска Донского генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова, написанные собственною его рукою) // Русская Старина. 1871. Т. 7. № 7. С. 154. За стараннасць, праяўленую ў барацьбе з паўстанцамі, быў узнагароджаны ордэнам Святога Уладзіміра 2-й ступені.

[149] Барацінскі Анатоль Іванавіч (1821–1861) — князь; расійскі военачальнік; генерал-лейтэнант (1867); генерал-ад'ютант (1866). Брат генерал-фельдмаршала і намесніка на Каўказе князя Аляксандра

Барацінскага. Камандзір лейб-гвардыі Праабражэнскага палка (1859–1867). Вылучаўся жорсткасцю пры задушэнні паўстання. Я. П. Бакланаў прыгадваў: «Князь Барятинский, между Серию и Сейнами, настиг значительную партию (паўстанцаў. — *А. Ф.*): из нее никто не спасся, а легли костьми» — гл.: Бакланов Я. П. Моя боевая жизнь (Записки Войска Донского генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова, написанные собственною его рукою) // Русская Старина. 1871. Т. 7. № 7. С. 156.

150 «Еще перед отъездом своим из Санкт-Петербурга М. Н. Муравьев обратился с просьбой к мин<истру> внутр<енних> дел командировать в Вильну возможно большее число чиновников русского происхождения для занятия должностей в Запад<ном> крае. Вместе с тем он обратился циркулярно к губернаторам с тою же просьбою. Но каких же деятелей прислали? За исключением некоторых добросовестных губернаторов... министерство и г<оспода> губернаторы, кажется, нарочно командировали худших своих чиновников» — Черевин П. А. Воспоминания: 1863–1865 гг. Кострома, 1920. С. 27. Пра тое, наколькі непадрыхтаваныя былі прысланыя ў Літву і Беларусь чыноўнікі і наколькі абыякавыя яны былі на самай справе да становішча ніжэйшых слаёў насельніцтва, сведчаць успаміны Ф. В. Чапліцкага: «Здарылася так, што ў маю прысутнасць прыйшлі ў канцылярыю “станавога прыстава” некалькі мяшчан, адзін за адным. Кожны з іх, уваходзячы, вітаў прыстава словамі: “Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!”

— Што гэта? — ускрыкнуў прыстаў, пагражаючы мяшчанам: “Pochwalony! Pochwalony!” Я вам дам pochwalony! “Слава Богу!”, вось! — гэта разумею! Не “pochwalony”, а “Слава Богу!” трэба гаварыць!” — вучыў прыстаў, і бедныя мяшчане вымушаныя былі заплаціць у маю прысутнасць па пяць рублёў срэбрам штрафу. — Небаракі не мелі пры сабе столькі грошай, я пазычыў ім сорак пяць рублёў срэбрам» — цыт. паводле: <Czaplicki F. W.> Moskiewskie na Litwie rządy 1863–1869. Kraków, 1869. S. 131.

151 «Генерал Муравьев был убежден в том, что и его энергия, его сила воли останутся бесплодными, пока исполнителями будут польские чиновники. Поэтому одной из существеннейших мер считал он

удаление от дел поляков и замещение их русскими... для замещения же всей массы прежних чиновников польской национальности русскими, генерал Муравьев вызвал чиновников из Петербурга и других мест, предлагая им разные льготы и служебные преимущества. Требовалось очень большое число лиц и не легко было заманить столько хороших людей в тот край при тяжелых условиях тамошней службы в те времена... много шло и таких, которые оставались без места, не знали, куда пристроиться; а наконец, могли быть и желавшие, как говорится, в мутной воде рыбу ловить. Избежать совершенно подобной нежелательной примеси к большой массе привлеченных в Северо-Западный край русских чиновников было почти невозможно» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 240–241.

[152] Пазіцыя М. М. Мураўёва, які вельмі негатыўна ацэньваў саму сялянскую рэформу ў бытнасць сваю міністрам дзяржаўных маёмасцяў, была сур'ёзна скарэктаваная пасля аналізу ім ходу паўстання: ён наблізіўся ў падыходах да групы М. А. Мілюціна і стаў фактычна ініцыятарам паскоранага правядзення рэформы ў даручаных яму губернях. Апалагетычны, аднак, з пункту гледжання прыведзеных фактаў, цалкам карэктны агляд дзейнасці Мураўёва ў гэтым кірунку гл.: Миловидов А. И. Освобождение крестьян Северо-Западного края и поземельное устройство их при графе М. Н. Муравьеве. Вильна, 1902.

[153] М. М. Мураўёў лічыў, што «все землевладельцы более или менее участвовали в восстании и потому принимаемая мера по порубке лесов послужит им наказанием, а на счет недостатка рук для вырубки лесов присовокупил:

— Если некем будет вырубить леса, я их сожгу» — гл.: <Дельвиг А. И.> Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820–1870: в 2 т. Т. 2. М.–Л., 1930. С. 206.

[154] Князь Аляксандр Яраслававіч, празваны пасля перамогі 15 ліпеня 1240 г/ Неўскім (1221–1263), лічыўся пасля кананізацыі нябесным заступнікам Санкт-Пецярбурга. Акрамя таго, на дзень святога Аляксандра Неўскага прыпадалі імяніны Аляксандра II. Таму будаўніцтва храмаў у гонар Аляксандра Неўскага аўтаматычна было выяўленнем лаяльнасці да імператара. Найвядомейшым з храмаў,

пабудаваных на тэрыторыі, падначаленай Мураўёву ў гэты перыяд, была капліца ў Вільні, закладзеная ў прысутнасці самога генерал-губернатара 22 кастрычніка 1863 г. Капліца ўзводзілася паводле праекта прафесара Імператарскай Акадэміі мастацтваў А. І. Разанава на добраахвотныя ахвяраванні гарадскіх таварыстваў Паўночна-Заходняга краю. Асвячоная была ўжо пры новым генерал-губернатары К. П. Кауфмане 30 жніўня 1865 г.

[155] М. Дз. Далбілаў прыводзіць прыклад рэакцыі Мураўёва на паведамленне пра пераход з каталіцтва ў праваслаўе 237 сялян вёскі Куродзічы Рэчыцкага павета: «Муравьев немедленно распорядился о переделке Куродичского костела в православную церковь. Удовольствие, с которым он встретил известие об успехе «воссоединительного» дела в Куродичах..., отразилось в благодарственном письме к нему от крестьян, составленном, несомненно, под наблюдением местных властей, с учетом ожиданий Муравьева, и изображающем переход из католицизма в православие вопросом не столько религиозной совести, сколько исторической памяти» — Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 255.

[156] Падаткам на ўтрыманне чыноўнікаў, якія зноў прыбылі з унутраных расійскіх губерняў, абкладаліся ўсе памешчыкі — розніца была ў памеры патрэбнай сумы. М. М. Мураўёў апраўдваўся ў лісце да У. А. Далгарукава ад 7 сакавіка 1864 г.: «Не абвяргаю таго, што сярод мясцовага насельніцтва ёсць рускія і остзейскія памешчыкі, якія не маглі не пацярпець крыху ад бунту; але гэта неабходныя і непазбежныя наступствы кожнай рэвалюцыі, і калі б не ўдалося Ураду падавіць бунт на працягу мінулага года, яны, вядома, страцілі б праз саміх жа бунтароў большую частку сваёй маёмасці і ўсіх з яе даходаў, а таму, мне здаецца, што ім варта не наракаць, але дзякаваць Ураду за выратаванне іх спадчыны. Зрэшты, усе тыя ахвяраванні, якія ад іх патрабаваліся, заключаліся ў спагнанні ад 1½ і 2½ да 3 % з гадавога іх даходу. Спагнанне, вядома, найнікчэмнэйшае, выкліканае толькі аднoй неабходнасцю для пакрыцця вялізных выдаткаў, звернутых на ўсю Расію і патрабаваных уласна ад іх не ў выглядзе кантрыбуцыі, а ў выглядзе запрашэння садзейнічаць Ураду, які меў права спадзявацца, што рускія патрыятычныя пачуцці не дазволяць ніводнаму

з іх наракаць на гэта ці скардзіцца, між тым спагнанне гэтае з асоб польскага паходжання мела ўжо іншае значэнне, даходзіла да 10 % і сапраўды было накладзена ў выглядзе кантрыбуцыйнай меры, незалежна ад іншых штрафаў і спагнанняў для папаўнення шкоды, здзейсненай рабаўніцтвам бунтароў. Відавочна, што ўсе тыя галасы, што падняліся супраць гэтай меры, даказваюць толькі, да якой ступені і некаторыя так званыя рускія патрыёты толькі на словах выказваюць сваю прыхільнасць да Расіі; а на самой справе аказвалася з іх боку не толькі поўнае раўнадушша, але, на жаль, нават адмаўленне ад усялякага садзейнічання Ураду пры задушэнні бунту. Я мушу з жалем сказаць, што ў працяг усёй страшнай барацьбы, якая здзяйснялася тут з крамоламі і з бунтам, калі мужнае войска нашае з поўнай самаадданасцю ахвяравала сабой, пераносячы нечуваныя складанасці і нястачы, ніводны з рускіх і асабліва остзейскіх памешчыкаў (якіх шмат заставалася ў вёсках, пераважна ў Ковенскай губерні) не аказалі Ураду ніякай дапамогі ні ў чым і не супрацьдзейнічалі бунту: бо многія з гэтых апошніх, прыкрываючыся толькі нямецкімі прозвішчамі, жанатыя з полькамі, чакалі раўнадушна заканчэння спрвы, каб далучыцца да трыумфуючага боку» — гл.: Rok 1863 na Mińszczyźnie. 1863 год на Меншчыне. Mińsk, 1927. S. 153–154.

[157] «Накладалі штрафы пры праверках дома за чорнае адзенне, чорнае з белым, попельнае, фіялетавае, за чорнае з чырвонай ашалёўкай, адным словам, за ўсе колеры, таму што калі адзін угледзеў траур у чорным, іншыя ў чырвоным ці блакітным колеры бачылі нешта рэвалюцыйнае або нацыянальнае» — гл.: <Czaplicki F. W.> Moskiewskie na Litwie rządy 1863–1869. Kraków, 1869. S. 129–130.

[158] «Раскватараваныя ў павеце жандары са зброяй у руках прыходзілі ў касцёлы на нядзельную службу. У Бранску, падчас імшы, убачыў жандар на адной дзяўчыне чорны швэдар. Не звяртаючы ўвагі на святасць месца, у якім знаходзіўся, праціснуўся ён праз натоўп малельшчыкаў, падышоў да маладой асобы і, не звяртаючы ўвагі на яе збянтэжанасць, на яе крык, на ўсеагульнае абурэнне і што дзяўчына застанецца толькі ў кашульцы, грубым чынам сарваў з яе швэдар.

Здаралася часта, што ў касцёле зрывалі з дзявочых рук цёмныя рукавічкі ці карáлі з шыі, прычым мусілі тыя плаціць да таго ж па пяць рублёў срэбрам штрафу.

У тым жа касцёле ў адной бабулі вырваў жандар ружанец з чорных пацерак з белымі касцянымі раздзяленнямі і белай на канцы «адамавай галавой». Адабраўшы, загадаў заплаціць тры рублі срэбрам штрафу.

Пасля казанняў жандары ішлі за прапаведнікам і выгаворвалі яму, што не ўзгадваў пра цара, і што не хваліў праваслаўя, арыштоўвалі яго і адпраўлялі да ваеннага начальніка» — гл.: <Czaplicki F. W.>Moskiewskie na Litwie rządy 1863–1869. Kraków, 1869. S. 131–132.

[159] Marechaussee (фр.) — жандармы.

[160] «Из 8375 человек, привлекавшихся к судебной ответственности за участие и соучастие в восстании 1833 (22,36 %) человек составляют крестьяне, 479 (5,84 %) — мещане, 5136 (62,67 %) — дворяне и шляхтичи, 275 (3,35 %) — представители духовенства, 244 (2,98 %) — однодворцы и граждане и 299 (2,60 %) — лица прочих сословий» — Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973. С. 106.

[161] «По официальным данным, в Северо-Западном крае по приговорам военных судов было сослано с лишением прав состояния и конфискацией на каторжные работы 972 человека, на поселение в отдаленные места Сибири — 573, на поселение в менее отдаленные места Сибири — 854, определено в военную службу рядовыми — 345, сослано в арестантские роты — 864, выслано на водворение на казенных землях внутри империи — 4096 человек (или около 800 семей), сослано на жительство во внутренние губернии по решению суда — 1254 человека. Кроме того, из края было выслано 629 семей так называемой околичной шляхты. В административном порядке, без следствия и суда, по распоряжению Муравьева было выслано 279 человек. В целом высланные из Северо-Западного края составляли большинство (57 %) всех репрессированных участников восстания 1863 г. (высланные из Царства Польского составили 38 %, из Юго-Западного края — 5 %)» — Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 73–74.

[162] Гаворка ідзе пра зваротныя дэпешы віцэ-канцлера князя А. М. Гарчакова на пасланні ўрадаў Францыі, Вялікабрытаніі і Аўстрыі, у якіх утрымлівалася патрабаванне да Расіі выконваць трактат 1815 г.

і не прымяняць зброю ў адносінах да Царства Польскага. У адказ А. М. Гарчакоў аспрэчваў гэты пункт гледжання і выказваў надзею, што ўсе тры імперыі падтрымаюць Расію, па меншай меры маральна, у справе задушэння паўстання.

[163] «Когда... состоялось высочайшее повеление об отозвании из Варшавы великого князя Константина Николаевича и о назначении на его место наместником Царства Польского графа Берга, и когда он проезжал в Варшаву за семейством, Михаил Николаевич Муравьев, по крайней мере, за полчаса до прихода великокняжеского поезда приехал на вокзал. На вопросы приближенных, как он решился при его слабом здоровье в такую дурную погоду выехать на вокзал, он сказал: «Помилуйте, нельзя, теперь едет великий князь, родной брат моего государя!» и при этом он довольно язвительно улыбнулся» — Ауэрбах А. А. Воспоминания // Исторический вестник. 1905. № 10. С. 40–41. Нягледзячы на непрыхаваную насмешку, М. М. Мураўёў быў вымушаны вітаць вялікага князя ў адпаведнасці з пратаколам пасля таго, як, верагодна, яму была выказаная незадаволенасць імператара яго дэманстрацыйнай адсутнасцю падчас папярэдняга праезду Канстанціна Мікалаевіча з Варшавы ў Пецярбург (гл. ніжэй).

[164] «Муравьев был крайне недоволен чересчур гуманным и даже либеральным наместником Царства Польского, великим князем Константином Николаевичем, который будто бы парализовал его решительные действия по усмирению Северо-Западного края. Ходили слухи, будто он даже настаивал у государя об отозвании великого князя из Варшавы. Факт, однако, тот, что когда великий князь, вызванный в Петербург, проезжал через Вильну, то Муравьев не выехал на вокзал повидаться с ним, а послал коменданта Вяткина. Когда экстренный поезд подошел к станции, и великий князь, выйдя из вагона, видимо искал глазами Муравьева, к нему приблизился Вяткин, который и подал ему рапорт. На вопрос великого князя: «А где же Михаил Николаевич?» Вяткин во всеуслышание произнес: «Михаил Николаевич приказал доложить вашему императорскому высочеству, что он чувствует себя не совсем здоровым и поэтому приехать на вокзал никак не может, а что если вашему высочеству угодно его видеть, то он просит осчастливить его посещением вашего императорского

высочества»» — Ауэрбах А. А. Воспоминания // Исторический вестник. 1905. № 10. С. 40.

[165] З Дынабурга 13/25 жніўня 1863 года Канстанцін Мікалаевіч даслаў імператару тэлеграму, якая ўтрымлівала наступную ацэнку нетактоўных паводзінаў М. М. Мураўёва: «Вільню праязджалі ў 6 гадзін і спыняліся на паўгадзіны піць каву. Акрамя генералаў Вяткіна, Дрэнтельна і Дубельта, нікога іншага там не бачыў» — Korespondencja namiestników Królewstwa Polskiego. Styczeń — sierpień 1863 r. Wrocław — Москва, 1974. S. 360.

[166] Мікалай І (1796–1855) — імператар усерасійскі (з 14 снежня 1825 г.); бацька Аляксандра ІІ.

[167] Пад «строгімі мерамі» М. М. Мураўёў мае на ўвазе, хутчэй за ўсё, адмену Канстытуцыі 1815 г., якая дзейнічала ў Царстве Польскім; пад «паслабленнем» — увядзенне ў 1832 г. так званага Арганічнага статута, які дэклараваў не толькі ліквідацыю асобнай польскай арміі і знішчэнне сейма, але і захаванне іншых элементаў аўтаноміі і правоў польскай мовы. Пасля так званай «экспедыцы Заліўскага» і іншых спроб эміграцыі абудзіць новы ўздым нацыянальнага руху на тэрыторыі Літвы, Беларусі і Царства Польскага, значная частка «саступак» засталася толькі на паперы.

[168] Шыманскі Марцэлі — дваранін Гродзенскай губерніі. Пасля паўстання 1830—1831 гг. быў накіраваны эмісарам у Гарадзенскі і Лідскі паветы. 25 траўня 1833 арыштаваны. Супрацоўнічаў са следствам, выдаў спаплечнікаў, у тым ліку Ваўжынца і Марылю (з Верашчакаў) Путкамераў. Быў вывезены ў Пецярбург, адкуль у канцы 1833 г. адасланы ў Парыж у якасці шпега. У Парыжы публічна пакаяўся.

[169] Пётр Пішчатоўскі — удзельнік так званай «экспедыцыі палкоўніка Ю. Заліўскага».

[170] Валовіч Міхал (Міхаіл Казіміравіч) (1806–1833) — выпускнік Віленскага ўніверсітэта, сябра таварыства філаматаў. Удзельнік паўстання 1830–1831 гг. Удзельнік экспедыцыі Ю. Заліўскага 1833 г. Пакараны смерцю паводле прысуду ваенна-палявога суда. Гл. пра яго: Sidorowicz-Czerniewska K. Sprawa emisarjusza Michała Wołłowicza zr. 1833. Grodno, 1934.

[171] Саслоўная прыналежнасць паўстанцаў прааналізаваная ў манаграфіі: Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973. С. 98–194.

[172] Становішча высланых было катастрафічнае. Заходне-Сібірскі генерал-губернатар, генерал ад інфантэрыі А. В. Дзюгамель прыгадваў: «...тысячи поляков различных категорий были отправлены в Сибирь за более или менее деятельное участие в этих волнениях. Трудно составить себе понятие, в какой мере этим усложнились мои служебные обязанности и лежащая на мне ответственность. С одной стороны, я видел множество несчастных людей, лишенных всяких средств существования, а с другой — мне приходилось быть на стороже, чтоб доведенные до отчаяния ссыльные не пустились на какое-нибудь отчаянное предприятие, от которого их положение могло сделаться еще более тяжелым. Мне приходилось принимать меры предосторожности, чтоб не быть застигнутым врасплох, и в то же время я должен был избегать всяких бесполезных стеснительных мер, которые только довели бы до отчаяния людей, уже раздраженных лишениями всякого рода» — цыт. паводле: Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. Т. IV. № 10. С. 164–165.

[173] Фрыжан — утрымальнік пансіона ў Вільні.

[174] Чарнышоў Аляксандр Іванавіч (1786–1857) — граф (1826), святлейшы князь (1848). Расійскі ваенны і дзяржаўны дзеяч, дыпламат. Генерал-ад'ютант (1812); генерал ад кавалерыі (1827). Член Следчай камісіі па справе 14 снежня 1825 г. (1825–1826). Выконваючы абавязкі міністра, ваенны міністр (1827–1852). Старшыня Дзяржаўнага савета (з 1848 г.).

[175] Бенкендорф Аляксандр Хрыстафоравіч (1781 або 1782–1844) — граф (1832); расійскі ваенны і дзяржаўны дзеяч. Генерал-ад'ютант(?); генерал ад кавалерыі(?). Галоўны кіраўнік III Аддзялення асабістай яго імператарскай вялікасці канцылярыі, шэф корпуса жандараў (1826–1844).

[176] Грэка-ўніяцкая калегія ў Пецярбургу была створаная ў 1828 г. з 2-га дэпартамента рымска-каталіцкай духоўнай калегіі. Існавала ў такім статусе да 1839 г., калі пасля ліквідацыі Уніі была падначаленая Свяцейшаму Сіноду Рускай праваслаўнай царквы.

[177] Блудаў Дзмітрый Мікалаевіч (1785–1864) — граф (1842); расійскі дзяржаўны дзеяч, літаратар. Справавод Следчай камісіі па справе 14 снежня 1825 г. Таварыш міністра народнай асветы і галоўны кіраўнік справаў замежных веравызнанняў (1826–1830). Сапраўдны тайны радца (1839). Член Дзяржаўнага савета (з 1839 г.). Старшыня Дзяржаўнага савета і камітэта міністраў (з 1862 г.).

[178] М. М. Мураўёў памылкова называе так Жыровічы — мястэчка ў Слонімскім павеце, якое было ў першай палове XIX ст. цэнтрам грэка-ўніяцкай царквы: тут у 1810–1828 гг. знаходзілася рэзідэнцыя грэка-каталіцкага біскупа Брэсцкага. У 1828–1840 гг. Жыровічы былі цэнтрам Літоўскай грэка-каталіцкай, у 1840–1845 гг. — праваслаўнай епархіі.

[179] Каложская (Барыса-Глебская) царква — адзін з найстарэйшых хрысціянскіх храмаў Беларусі; пабудаваная ў Гродне ў другой палове XII ст. Пасля Берасцейскай уніі 1596 г. пры Каложскай царкве стаў функцыянаваць базыльянскі кляштар.

[180] У 1834 г. Папам Рымскім быў Грыгорый XVI — у свецкім жыцці Барталамеа Альберта Капелары.

[181] Пра парадак пераходу ўніятаў у праваслаўе і працэсы, што яго суправаджалі, гл.: Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 77–108.

[182] Галубовіч Міхал (1800–1881) — беларускі рэлігійны дзеяч (да 1839 г. уніяцкі, пасля праваслаўны). Епіскап Брэсцкі (1840–1848); епіскап (1848), пасля архіепіскап Мінскі (1853–1868). Гл. пра яго: Янушкевіч Я. Дыярыюш з XIX стагоддзя: Дзённікі Міхала Галубовіча як гістарычная крыніца. Мінск, 2003.

[183] Базыльяне — першы ўніяцкі манаскі ордэн, названы ў гонар святіцеля Васілія Вялікага, архіепіскапа Кесарыйскага. Заснаваны ў 1579 г.

[184] Сярод тых, хто не мог «перамяніцца» і заставаўся фактычна ўніятам «старога ўзору», апынуўся і бацька мітрапаліта Іосіфа — святар Дзікушскага прыхода Літоўскай епархіі (Лідскі павет). Паводле словаў сучаснага даследчыка Л. Лаўрэша, «стары не прыняў праваслаўнай

абраднасці, якая ўводзілася ў той час ва ўніяцкай царкве. Пасля страты месца, ён падарыў сваю хату каля касцёла сыну-лекару Мікалаю і купіў іншы дом, насупраць старога, дзе зрабіў з кухні малельню, упрыгожыўшы яе абразамі. У гэтай малельні стары Сямашка правёў па ўніяцкім абрадзе шлюб сваёй дачкі Алены. Па ўспамінах відавочцаў, маладыя падчас вянчання стаялі на каленах» — гл.: Лаўрэш Л. Грэка-каталіцкая (уніяцкая) царква на Лідчыне. Полацак, 2012. С. 50. Яшчэ больш радыкальную пазіцыю заняў брат мітрапаліта: «Аб сваім браце Ян Сямашка гаварыў так: *«пракляты: ён і сябе ўтапіў, і народ загубіў»*. Калі, аднойчы, праваслаўны святар паказаў Яну партрэт яго знакамітага брата, *«ён з шаленствам кінуў партрэт на падлогу і пры гуках пабітага шкла ўцёк»*. Паміраючы, Ян завяшчаў пахаваць сябе пры Ілінецкім касцёле, і ксяндзы былі гатовы выканаць яго волю. Але праваслаўныя святары забралі цела нябожчыка і пахавалі пры праваслаўнай царкве, чаму мітрапаліт быў рады, і даслаў ім за гэта грашовую ўзнагароду. Жонка Яна Сямашкі, дачка ўніяцкага святара, каб пазбегнуць пераводу ў пануючую веру, перайшла ў рыма-каталіцтва» — Тамсама. С. 51.

[185] Сувораў-Рымніцкі Аляксандр Аркадзевіч (1804–1882) — князь Італійскі; расійскі ваенны і дзяржаўны дзеяч. Унук генералісімуса А. В. Суворава. Пачынаў вучобу ў езуіцкім пансіёне ў Пецярбургу, пасля — у гофвільскай школе вядомага швейцарскага педагога Ф. Э. Феленберга, з гэтае прычыны лічыўся пазней апекуном католікаў і пратэстантаў. Генерал-ад'ютант (1846). Генерал ад інфантэрыі (1859). Член Дзяржаўнага савета (1861). Санкт-пецярбургскі ваенны генерал-губернатар (1861–1866). Лічыўся адным з найбольш ліберальных палітыкаў свайго часу; паслядоўны апанент М. М. Мураўёва. Пра іх узаемаадносіны з Мураўёвым гл., у прыватнасці: Сикевич В. М. Два врага (Отрывок из воспоминаний) // Русская старина. 1898. № 11. С. 422–430.

[186] Цютчаў Фёдар Іванавіч (1803–1873) — расійскі паэт, дыпламат і дзяржаўны дзеяч. Тайны радца (1865). Старшыня Камітэта цэнзуры замежнай (1858–1873).

[187] Гісторыя вершаванай палемікі Ф. І. Цютчава з А. А. Суворавым выкладзеная ў нашым артыкуле: Фядута А. І. Сувораў супраць Мураўёва (Старонка з гісторыі рускай паэзіі) // ARCHE. 2010. № 12. С. 284–299.

[188] Остзейскімі называліся прыбалтыйскія губерні, створаныя ў Расійскай імперыі на землях, захопленых у выніку перамогі над Швецыяй у Паўночнай вайне, замацаванай Ніштадскім пагадненнем, а таксама ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай. М. М. Мураўёў лічыў остзейскія губерні асяродкам лібералізму, таму што прыгоннае права ў іх паслядоўна адмянялася пачынаючы з кіравання Аляксандра I (1816). Роля выхадцаў з остзейскіх губерняў пры двары была вялікая, бо Мікалай I разглядаў іх як своеасаблівую альтэрнатыву расійскаму дваранству, якое не карысталася даверам імператара пасля паўстання 14 снежня 1825 г.

[189] Рэвель — старая назва г. Талін (цяпер сталіца Эстоніі).

[190] Лівен Вільгельм Карлавіч (1800–1880) — барон; расійскі дзяржаўны дзеяч. Генерал ад інфантэрыі (1859). Рыжскі, ліфляндскі, эстляндскі і курляндскі генерал-губернатар і камандуючы войскамі (1861–1864). Член Дзяржаўнага савета (1863).

[191] Аненкаў Мікалай Мікалаевіч (1799–1865) — расійскі ваенны і дзяржаўны дзеяч. Генерал-ад'ютант (1844). Генерал ад інфантэрыі (1856). Сенатар (1854). Дзяржаўны кантралёр (1855–1862). Генерал-губернатар Паўднёва-Заходняга краю (1862–1865).

[192] Параход «Кумір» з буксірнай баржай, абсталяваны па амерыканскай сістэме ў два ярусы, належаў генерал-маёру Шумлянскаму, што пражываў у Кіеве, і быў наняты нібыта для здзяйснення сяброўскай калектыўнай паездкі праз Дняпро ў Пінск. Пры спробе яго затрымання загінулі сяляне вёскі Цемкава Сафрон Кажадуб і вёскі Рудня Мазырскага павету Стафан Кулажанка (абодзьва патанулі ў Прыпяці). Іх сем'і атрымалі ад урада па 100 рублёў узнагароды.

[193] Гаворка пра так званую Казанскую змову 1863 г. «Паўстанцкі Цэнтральны камітэт, не атрымаўшы ад «Зямлі і Волі», з якой паразумеўся, запэўнівання, што «Зямля і Воля» будзе падштурхоўваць сялян да паўстання, пастанавіў сам арганізаваць гэтую справу. У якасці месца для паўстання сялянства была абраная гістарычная верхняя Волга, дзе яшчэ жывая была памяць пра сялянскі рух Пугачова.

Паўстанцкі Цэнтральны камітэт даручыў гэтую справу Іераніму Станіславу Кяневічу, які жыў у Маскве. Кяневіч пачаў перамовы

з Казанскім камітэтам «Зямлі і Волі» пры пасярэдніцтве паручніка М. Чарняка, які быў удзельнікам гэтага камітэта. У выніку перамоваў Казанскі камітэт згадзіўся не перашкаджаць гэтай працы». — Witkowski J. Powstanie 1863 roku i rosyjski ruch rewolucyjny początku 1860-ch lat. Książka 3. Mińsk, 1931. S. 37. Аднак гэта аказалася толькі няўдалай спробай паўстанцаў Паўночна-Заходняга краю і Царства Польскага інспіраваць, абапіраючыся на таемныя таварыствы («Зямля і воля») унутраных расійскіх губерняў, узброенае паўстанне сялян і прымусіць царскі ўрад ваяваць на два франты. З гэтай мэтай быў падрыхтаваны фальшывы маніфест і пракламацыя «Часовае народнае праўленне». Паўстанне не адбылося, яго ініцыятары былі расстраляныя.

[194] Спроба паўстання ў Сімбірскай губерні адбылася ўжо ў 1861 г., фактычна адразу пасля абвяшчэння маніфеста пра адмену прыгоннага права. Сяляне адмаўляліся працаваць на былых паноў, аргументуючы гэта тым, што, акрамя Бога і цара, начальства над імі больш няма. У 1861–1863 гг. зброя ў Сімбірскай губерні прымянялася звыш дваццаці разоў.

[195] «М. Н. Муравьев в бытность Гродненским губернатором составил для себя список лиц, участвовавших в бунте 1831 года; список этот был им взят с собою при отъезде в Вильну и оказалось, что главные деятели мятежа 1863 года были дети лиц, находящихся в списке М. Н. Муравьева. Далевский был сыном сосланного в 1831 году политического преступника, участвующие в мятеже 1865 года Гедройцы, Ромеры, Платеры были дети участников бунта 1831 г. Наконец, как пример того, насколько достойны снисхождения поляки, служит то, что все помилованные в 1856 году, вернувшиеся в край из Сибири и из-за границы принимали деятельное участие и в беспорядках 1863 года, как отец Далевского, прибывший в Вильну в 1856 году и вновь сосланный в Сибирь в 1864 году» — Черевин П. А. Воспоминания: 1863–1865 гг. Кострома, 1920. С. 34.

[196] Медыка-хірургічная акадэмія ў Пецярбургу была заснаваная ў 1798 г. Да сярэдзіны XIX ст. атрымала вядомасць як найбуйнейшая вышэйшая медыцынская навучальная ўстанова Расіі. У 1851–1864 гг. прэзідэнтам акадэміі з’яўляўся былы рэктар Віленскага ўніверсітэта В. В. Пелікан, што таксама садзейнічала з’яўленню ў акадэміі

студэнтаў з Царства Польскага і літоўскіх губерняў, дзе атрымаць вышэйшую медыцынскую адукацыю ў гэты перыяд было папросту немагчыма.

[197] Ордэн Святога Андрэя Першапакліканага — першы па часе заснавання ордэн у Расіі, найвышэйшая дзяржаўная ўзнагарода ў Расійскай імперыі. Заснаваны імператарам Пятром I у 1698 або 1699 г.

[198] «День именин М. Н. Муравьева, 8 ноября, послужил поводом к новым в его честь овациям. Отовсюду полетели в Вильну поздравительные телеграммы... прибывший из Петербурга камергер Шевич поднес Муравьеву икону св. Архистратига Михаила при коллективном письме от петербургского кружка почитателей его. Мысль этой манифестации принадлежала графине Антонине Дмитриевне Блудовой, которой удалось собрать до 80 подписей... В числе этих подписей выдавались: графа Дм<итрия> Ник<олаевича> Блудова и его дочери, целый ряд имен семьи князей Мещерских, Карамзиных, генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева, графа Вьельгорского, графини Протасовой, Дм<итрия> Ник<олаевича> Замятнина, А. А. Зелёного, П. П. Мельникова, графа Гейдена, графа Муравьёва-Амурского, Ф. И. Тютчева, генерала Хрулева и т. д.» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 326–327.

[199] Таварыства вінцэнцінак было заснаваная ў 1860 г. (М. М. Мураўёў памылкова называе 1861 г.) у Вільні з ініцыятывы М. Бучынскай і віленскага каноніка Шымана Казлоўскага. Названае ў гонар святога Вінцэнта дэ Поля (1581–1660), заснавальніка кангрэгацыі дачок міласэрнасці.

[200] Бучынская (народжаная Тызенгаўз) Матыльда (1811 — пасля 1867) — графіня, жонка графа Маўрыцыя Бучынскага (з 1834), вядомая мецэнатка і грамадская дзяячка. Валодала землямі ў Свянцянскім павеце. Была выслана ў Ніжагародскую губерню, дзе знаходзілася да 1867 г., пасля вярнулася ў Вільню, дзе неўзабаве памерла; маёнткі М. Бучынскай былі секвестраваныя.

[201] Маецца на ўвазе, верагодна, Дарота Лапацінская (народжаная Марыконі) (? — пасля 1863), вядомая сваёй дабрачыннай дзейнасцю. Г. Пузыніна ў мемуарах называе яе «светачам віленскіх салонаў» —

гл.: Puzynina z Gunterów G. W Wilnie i w dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843. Wilno, 1828. S. 12.

[202] Хутчэй за ўсё, размова ідзе пра графіню Міхаліну Плятэр, якая сапраўды была высланая ў першай палове 1864 года «ў адміністрацыйным парадку» з Вільні.

[203] «В числе репрессированных 592 чел. составляют женщины. Среди них крестьянского сословия — 53, мещанского — 14, дворянского — 492, настоятельница католического монастыря — 1, дочери православных священников — 3, прочих — 10 и не установленных — 19 человек» — гл.: Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973. С. 106. Гл. таксама: Фірыновіч А. Э. Паўстанне 1863–1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў. Мінск, 2013. С. 305–306.

[204] Хутчэй за ўсё, размова ідзе пра Зофію Дамброўскую (? – 1864, мажліва – ўдаву трокскага маршалка шляхты Людвіга Дамброўскага), асобу якой Мураўёў відавочна дэманізуе. З. Дамброўская заснавала ў 1857 годзе прытулак для старых жанчын (адначасова ўтрымлівалася да 40 жанчын) і інвалідаў рыма-каталіцкага веравызнання. Пры прытулку была таксама кухня, дзе харчаваліся і дзеці з бедных сямей. Мажліва, Мураўёў спрабуе давесці злачыннасць дзейнасці і намераў Дамброўскай менавіта таму, што заснаваны ёю прытулак у 1858 годзе падчас наведвання Вільні Аляксандрам ІІ быў заўважаны імператрыцай Марыяй Аляксандраўнай, якая асабіста наведала прытулак і аказала дапамогу. Паколькі Мураўёў усялякім чынам падкрэслівае злачыннасць мясцовай шляхты як класа і палякаў як нацыі, давесці, што дзейнасць асобы, якая стала вядомай самой імператрыцы з благадзейнасці, мела, насамрэч, крымінальны характар, было б для яго вельмі зручным. (Дзякуем П. М. Лаўрынцу і Л. І. Коўкель за дапамогу ў атрыманні гэтых звестак).

[205] Наржымскі (Нажымскі) Юзаф (1839–1872) — пісьменнік, член Нацыянальнага ўрада, поглядамі быў блізкі да «чырвоных». Паводле меркавання члена Нацыянальнага ўрада А. Авейдэ, які даваў падрабязныя паказанні следству, «он был среди нас всех единственным, так сказать, оконченным революционером; хладнокровный, вполне сознающий свои слова и действия, он настойчиво вызывал безотлагательную революцию, несмотря на то, что знал превосходно недостаточность

матэрыяльных средств. [...] Он был наиболее способной личностью из нас всех, из всего без исключения нашего состава. Базисом всех теорий Наржимского было следующее: когда общество сознает необходимость и неизбежность ускоренной революции, тогда люди, стоящие во главе движения, имеющие в своих руках инициативу, непременно должны смело и решительно подать сигнал к всеобщему бунту. Они должны это сделать под угрозой проклятия потомства, тем более, что сознающее необходимость войны общество создаст ее и без их сигнала само при первой встретившейся случайности; но только в таких условиях революция, не руководимая никем, будет менее сильной, следовательно, дающей меньшее ручательство в успехе. Недостаточность же средств пополнит сильное революционное правительство среди пожара восстания. Потому-то Наржимский требовал и постоянно настаивал на том, чтобы Комитет бросил все, все проекты и усилия основательного преобразования организации, все сношения с духовенством и т. п. занятия, а посвятил исключительно все время, день и ночь трудам, ограниченным словами: оружие, амуниция, офицеры, окончательные инструкции, вводя тотчас же чисто военную администрацию» — цыт. паводле: Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде. М., 1961. С. 483. Пасля задушэння паўстання Ю. Нажымскі эміграваў.

[206] Запіс у дзённіку П. А. Валуева ад 1 мая 1864 г.: «Государь говорил мне сегодня... о своем свидании с Муравьевым, который жаловался ему на противодействия центральных властей. Государь сказал ему, что это слова и что если противодействие будет указано и доказано, то его дело будет оное устранить» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 281.

[207] Запіс у дзённіку П. А. Валуева ад 26 красавіка 1864 г.: «После обеда, т. е. в шестом часу, прибыл в Петербург ген. Муравьев. Он нездоров или притворяется нездоровым. Его несли на креслах от вагона до кареты» — гл.: Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 281.

[208] Мельнікаў Павел Пятровіч (1804—1880) — расійскі інжынер і дзяржаўны дзеяч. Першы міністр шляхоў зносін Расійскай імперыі (1865—1869). Інжынер-генерал (1869). Член Дзяржаўнага савета (з 1865).

[209] Замятнін Дзмітрый Мікалаевіч (1805—1881) — расійскі юрыст і дзяржаўны дзеяч. Сенатар (1852). Міністр юстыцыі і генерал-

пракурор Расійскай імперыі (1862–1867). Член Дзяржаўнага савета (з 1867). Адыграў адметную ролю ў ажыццяўленні судовай рэформы пры Аляксандры II.

[210] Кауфман Канстанцін Пятровіч фон (1818–1882) — расійскі ваенны і дзяржаўны дзеяч. Інжынер-генерал (1874), генерал-ад'ютант (1864). Генерал-губернатар Паўночна-Заходняга краю і камандуючы Віленскай ваеннай акругай (1865–1867). У гэтай якасці ініцыяваў масавыя пераводы католікаў у праваслаўе і забарону на выкарыстанне лацінскага алфавіта ў літоўскім кнігадрукаванні; паводле словаў П. А. Валуева, на пасадзе генерал-губернатара «преимущественно старался доказать, что он — не Кауфман, а Муравьев» — гл.: Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 45. Пасля 1867 г. К. П. Кауфман камандаваў захопам тэрыторыі туркестанскіх ханстваў: Хівы, Каканда, Бухары.

[211] У. А. Зыбін, які быў губернскім пракурорам падчас мураўёўскага кіравання, апісаў закрыццё віленскага жаночага манастыра візітак у нарысе: В. З. <Зыбин В. А.> М. Н. Муравьев в Вильне (Из рассказов губернского прокурора) // Русская старина. 1898. № 11. С. 287–289.

[212] Патапаў Аляксандр Львовіч (1818–1886) — расійскі дзяржаўны і ваенны дзеяч. Генерал-ад'ютант (1866); генерал ад кавалерыі (1874). Член Дзяржаўнага савета (1876). Начальнік штаба асобнага корпуса жандараў, адначасова кіраўнік III Аддзялення ўласнай яго імператарскай вялікасці канцылярыі (1861–1864). Памочнік Віленскага генерал-губернатара (1864–1865). Звольнены ў выніку непрымання яго пазіцыі Мураўёвым. Віленскі генерал-губернатар і камандуючы Віленскай ваеннай акругай (1868–1874). Паводле ўспамінаў А. М. Масолава, «М. Н. Муравьев жестоко ошибся в выборе себе помощника и вероятного преемника. Нельзя было найти другое лицо, которому вся манера Муравьева была бы более чужда, ненавистна, чем А. Л. Потапов. Впоследствии, при позднейшем своем управлении краем, ген. Потапов механически и на бумаге даже поддерживал распоряжения и начинания Муравьева, но вообще он смотрел на то патриотическое одушевление, которое внесено было в управление муравьевским строем, как на крупный административный скандал, который надлежало прекратить как можно скорее ради благочиния и порядка» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 161.

[213] Сабор Святога Станіслава і Святога Уладзіслава — кафедральны сабор Віленскай рымска-каталіцкай епархіі; паводле падання, заснаваны ў 1251 г. князем Міндоўгам пасля яго хрышчэння, зруйнаваны па вяртанні Міндоўга ў язычніцтва (пасля 1261 г.). Адноўлены пасля хрышчэння Літвы па загадзе караля польскага і вялікага князя літоўскага Ягайлы. Сённяшні выгляд сабор атрымаў у 1801 г., калі была завершаная яго рэканструкцыя паводле праекта прафесара Віленскага ўніверсітэта Л. Стуокі-Гуцявічуса.

[214] Свята-Духаў мужчынскі манастыр — заснаваны ў XVI ст.; знаходзіўся ў юрысдыкцыі ўніяцкай царквы, пасля — у юрысдыкцыі Маскоўскага патрыярхату. У пячорным храме ў імя Віленскіх мучанікаў пахаваны мітрапаліт Іосіф Сямашка.

[215] «9-го числа, в 7 часов утра, назначен был Высочайший смотр собранным под Вильной войскам. Государь нашел эти войска в отличном состоянии и выразил свою благодарность генералу Муравьеву назначением его шефом 101-го Пермского полка. Остановившись перед фронтом этого полка, Государь сам скомандовал «на караул» и первым провозгласил «ура» в честь нового шефа. Муравьев был глубоко растроган этим неожиданным выражением особенного царского внимания. Вообще Государь на этот раз обошелся с ним весьма благосклонно и одобрил все принятые и предположенные им меры к обрусению края. Можно сказать, что в это время М. Н. Муравьев был на высшей точке почета и славы; в крае, ему вверенном, все преклонялось перед его силой и твердой волей; подчиненные его из русских людей смотрели на него, как на опору русского владычества в стране; во всей России гремела слава укротителя польской смуты...» — гл.: Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 445.

[216] Вяселле спадчынніка з прынцэсай Дагмарай Дацкай не адбылося, бо вялікі князь Мікалай Аляксандравіч памёр ад цэрэбра-спінальнага менінгіту. Дагмара (1847–1928) пазней выйшла за вялікага князя Аляксандра Аляксандравіча, прыняла імя Марыі Фёдараўны і з 1881 г. стала імператаркай.

[217] Адносіны паміж П. А. Валуевым і М. М. Мураўёвым складваліся няпроста. Валуеў пачынаў сваё ўзыходжанне да міністэрскай пасады

ў структурах Міністэрства дзяржаўных маёмасцяў пры падтрымцы Мураўёва; прынята лічыць, што і пасаду кіраўніка спраў Камітэта міністраў, і, пасля, міністра ўнутраных спраў ён атрымаў менавіта дзякуючы падтрымцы М. М. Мураўёва і В. А. Далгарукава, якія бачылі ў Валуеве сваю крэатуру. Аднак з набліжэннем сялянскай рэформы Валуеў зрабіў стаўку на тыя падыходы, прыхільнікам якіх быў вялікі князь Канстанцін Мікалаевіч і, верагодна, сам імператар. Нягледзячы на нібыта захаваныя адносіны (што было неабходна, бо і на пасадзе віленскага генерал-губернатара Мураўёў мусіў узгадняць свае дзеянні з урадам), відавочна, што рэдка каго «літоўскі праконсул» ненавідзеў у апошнія гады жыцця так паслядоўна і шчыра, як свайго былога вылучэнца Валуева.

[218] Галаўнін Аляксандр Васільевіч (1821–1886) — расійскі дзяржаўны дзеяч; статс-сакратар, сапраўдны тайны радца. Міністр народнай асветы (1862–1866); член Дзяржаўнага савета. Адзін з найбліжэйшых паплечнікаў вялікага князя Канстанціна Мікалаевіча.

[219] «Головнин никогда не был так близок к государю, чтобы иметь возможность говорить его величеству о Муравьеве, а по принятому им правилу никогда не говорил государю ни о ком дурно, опасаясь, что произведет более дурное впечатление, чем следует. Притом Головнин порицал не управление Муравьева после усмирения, но систему услужения, основанную на том, что смешивались виновные с невиновными. [...] Что касается управления краем после усмирения, Головнин открыто говорил, что Муравьев, как умный человек, лучше другого мог бы, если бы только знал положительную волю государя, перевести край из осадного положения с военным произволом в положение мирное с уважением к законам» — <Дельвиг А. И.> Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820–1870: в 2 т. Т. 2. М.–Л., 1930. С. 267.

[220] Рэйтарн Міхаіл Хрыстафоравіч (1820–1890) — граф, расійскі дзяржаўны дзеяч. Сапраўдны тайны радца; статс-сакратар. Міністр фінансаў (1862–1878), старшыня Камітэта міністраў (1881–1886); член Дзяржаўнага савета. Супрацьдзейнічаў шэрагу рэпрэсіўных мераў, ініцыяваных Мураўёвым. «Рейтерн, например, желая затормозить высылку целыми селениями так называемой «застенковой шляхты»

(выслано свыше пяти тысяч человек, причем были сожжены со всем имуществом деревни, в которых они жили), поставил условием, что казна не обязывается принимать на свой счет издержки по возврату, если таковой впоследствии будет решен» — гл.: Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 379–380.

[221] Дэпартамент неакладных збораў — існаваў у структуры Міністэрства фінансаў да 1896 г. Пад яго кантролем знаходзіліся казённы продаж алкаголю і падаткі, якія не мелі «акладнага» характару, то бок акцызы з тытуню, цукру, дрожджаў і іншых тавараў.

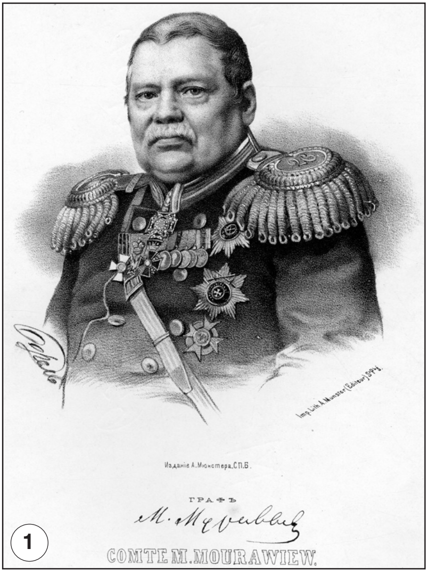
[222] Грот Канстанцін Карлавіч (1815–1893) — расійскі дзяржаўны і грамадскі дзеяч. Член Дзяржаўнага савета (1870). Самарскі губернатар (1853–1861). Дырэктар Дэпартамента падаткаў і збораў (пасля — Дэпартамента неакладных збораў) Міністэрства фінансаў (1861–1869).

[223] Талстой Іван Мацвеевіч (1806–1867) — граф, расійскі дзяржаўны дзеяч. Обер-гафмейстар, сенатар. Дырэктар Паштовага дэпартамента Міністэрства замежных спраў (1863–1865), міністр поштаў і тэлеграфа (1865–1867); член Дзяржаўнага савета.

[224] Молодые люди, которые воспитывались вместе с наследником престола — Мураўёў блытае: разам з будучым Аляксандрам II выхоўваліся І. М. Віельгорскі і А. У. Паткуль. Мажліва, блытаніна звязана з тым, што І. М. Талстой суправаджаў будучага імператара ў якасці камергера ў 1838 годзе падчас еўрапейскага падарожжа, дзе Аляксандр Мікалаевіч пазнаёміўся з ім бліжэй і пачаў давяраць.

[225] Адлерберг Уладзімір Фёдаравіч (1791–1884) — граф; расійскі дзяржаўны дзеяч. Генерал-ад'ютант; міністр двара і надзелаў (1852–1870). «Владимир Федорович отличается совершенным отсутствием ума, соображения и познаний; трудно встретить такую полную, совершенную, безграничную бездарность. Дел он не понимает вовсе, занят лишь своими удовольствиями и добыванием какими бы то ни было способами денег, которые проматывает на свои удовольствия» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 142.

[226] Гагарын Павел Паўлавіч (1789–1872) — князь; расійскі дзяржаўны дзеяч; сапраўдны тайны радца 1-га класа. Сенатар (1831);



1

2

3

4

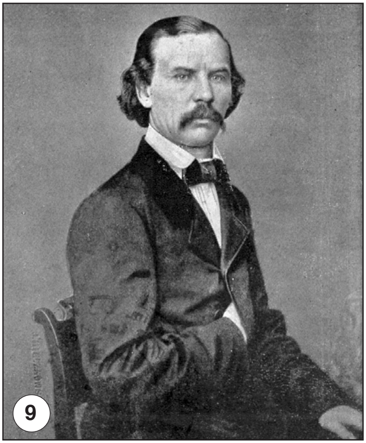
VLADIMIR NAZIMOFF
AIDE DE CAMP DE SA MAJESTÉ L'EMPEREUR DE TOUTES LES RUSSIES.
GOUVERNEUR GÉNÉRAL DES GOUVERNEMENTS DE WILNA, KOWNO ET GRODNO
CHEVALIER GRAND-CROIX DE PLUSIEURS ORDRES, & & &

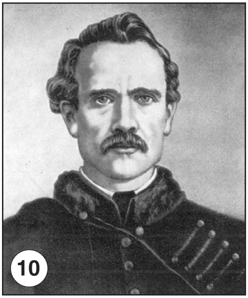
5

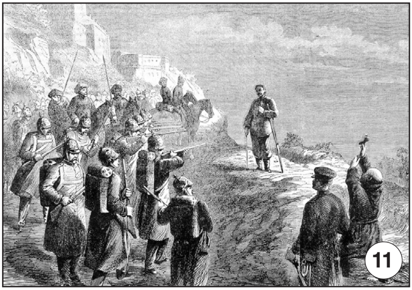
6

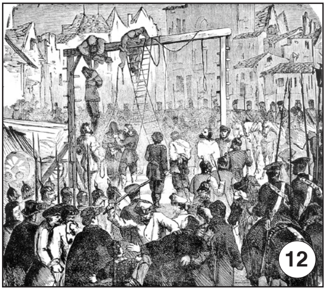
7

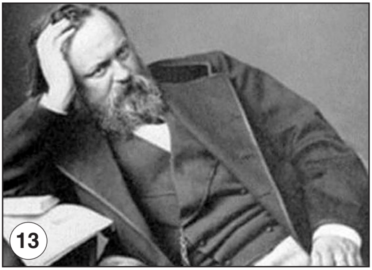
8


9


10


11

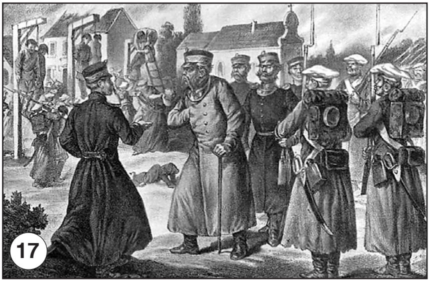

12


13

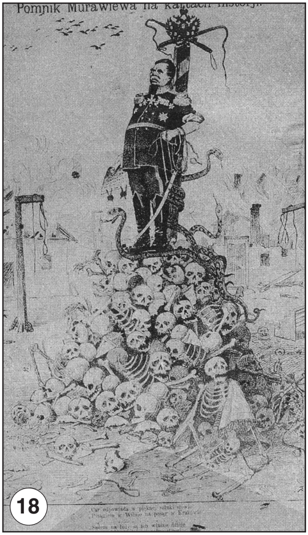
14

15

16



17


Pomnik Murawiewa na kartach historji.
Car odpowiada w pięknej sztuki słowie
Posągiem w Wilnie na posąg w Krakowie

18

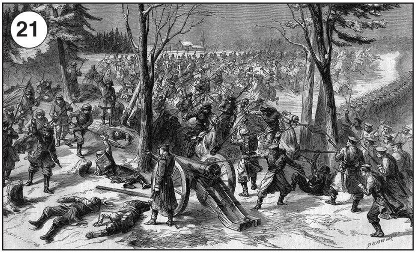
Die neue Hydra,
Kom.
dem modernen Herkules über den Kopf wachsend.

19

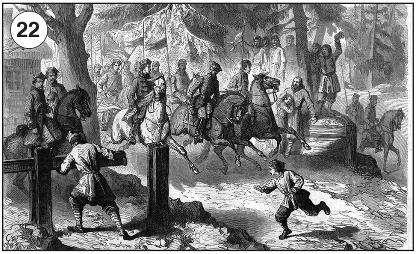
DIAVOLINA
Mourawieff se faisant applaudir pour sa manière de lever la jambe.
Mourawieff se faisant siffler pour sa manière de lever le bras.

20

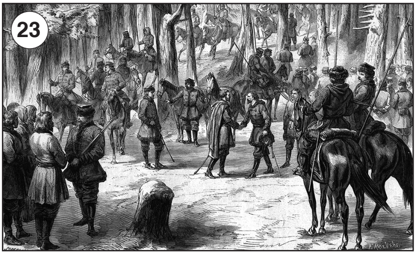
21



22

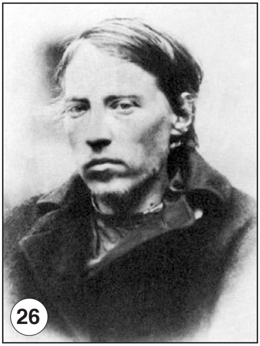


23



24

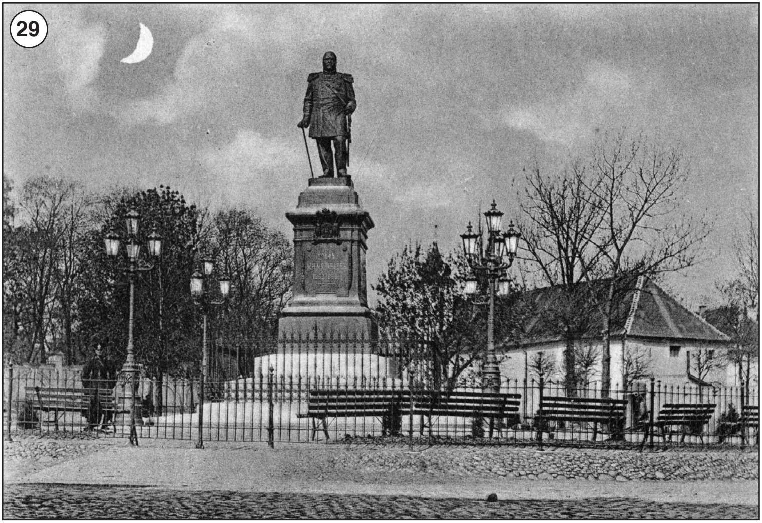
25



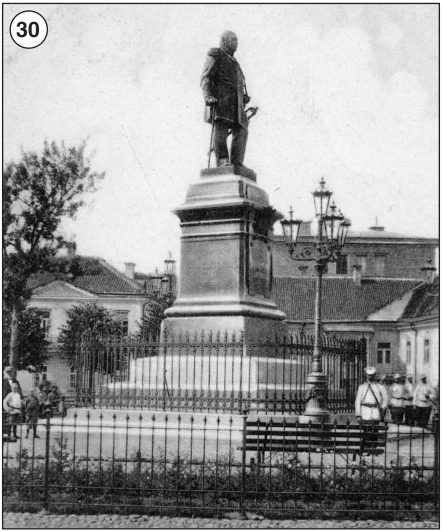
26

27

28



29



30

31

32

член Дзяржаўнага савета (1844). Старшыня следчай камісіі па справе гуртка М. В. Петрашэўскага (1849). Старшыня Дэпартамента законаў Дзяржаўнага савета (1862–1864), старшыня Дзяржаўнага савета і Камітэта міністраў (1864–1872). «Человек умный и отменно способный, но злой и мстительный»; «старик 80-летний, но еще довольно бодрый, очень умный, очень способный; язык его, язвительный и резкий, долго вредил его карьере, но он себя обуздал и сделался ловким придворным, тем более ловким, что важная представительность, навык светский и обхождение величаво-вежливое придают ему какой-то мишурный блеск характера мнимо независимого» — гл.: Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 328; 284.

[227] П. П. Гагарын быў саюзнікам М. М. Мураўёва пры абмеркаванні праектаў вызвалення сялян; ён быў аўтарам так званага беззямельнага, ці сіроцкага, праекта, прянятага Дзяржаўным саветам, згодна з якім сяляне атрымлівалі зямлю ў выглядзе «дарчай», то бок паводле волі і выбары памешчыка.

[228] Панін Віктар Мікітавіч (1801–1874) — граф; расійскі дзяржаўны дзеяч. Міністр юстыцыі (1841–1862). Член Дзяржаўнага савета. Старшыня Рэдакцыйных камісій па сялянскай рэформе (1860–1861). П. У. Далгарукаў, ацэньваючы яго ролю ў вышэйшых эшалонах улады, называў В. М. Паніна «полоумным Агамемноном ретроградов» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 287.

[229] Паніна (народжаная Тызенгаўзэн) Наталля Паўлаўна (1810–1899) — графіня; жонка В. М. Паніна, унучка графа П. А. Палена — завадатара змовы супраць імператара Паўла I.

[230] Чэўкін Канстанцін Уладзіміравіч (1802–1875) — расійскі дзяржаўны дзеяч, генерал-ад'ютант; сенатар (1845). Галоўны кіраўнік шляхоў зносін і публічных будынкаў (1855–1862), старшыня Дэпартамента дзяржаўнай эканоміі Дзяржаўнага савета (з 1863). Згодна з характарыстыкай, дадзенай яму П. У. Далгарукавым, Чэўкін — «человек, обладающий обширными познаниями, одаренный умом замечательным, способностями несомненными, трудолюбием редким, но вместе с тем и характером самым несчастным: вечно в ссоре со всеми, с начальниками, с товарищами, с подчиненными, с лицами, имеющими к нему

отношение по делам, — одним словом, самый умный еж во всей всероссийской империи» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 329.

[231] Мілюцін Мікалай Аляксеевіч (1818–1872) — расійскі дзяржаўны дзеяч; тайны радца (1860), сенатар (1861); брат Дз. А. Мілюціна. Адзін з кіраўнікоў Рэдакцыйных камісій па сялянскай справе. Статссакратар па справах Царства Польскага (1864–1866). Член Дзяржаўнага савета (1865–1867). П. У. Далгарукаў пісаў пра яго: «Это был человек замечательного ума, страшно властолюбивый, но одаренный блистательными способностями, он был главной пружиной освобождения крестьян с землей; это будет ему вечной славой в истории; он — сочинитель устава земских учреждений; человек энергичный, характера резкого, часто неприятного, он вовсе чужд наружной мягкости своего брата Дмитрия, но зато чужд и его двуличности» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 285.

[232] «Император Александр II несомненно ждал только первого благоприятного случая, чтобы отделаться от Муравьева. [...] Рассказывали, что, представляясь государю, Муравьев заговорил о разных проектах, привезенных им. «Я еду за границу, за меня остается брат Константин, к нему и следует обратиться по этим делам». При тех неприязненных отношениях, которые установились между великим князем и Муравьевым, последний понял, что ему остается только одно — подать в отставку. Отставка была принята без малейшей попытки отговорить Муравьева взять ее обратно» — гл. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 380.

[233] Хрушчоў Аляксандр Пятровіч (1806–1875) — расійскі ваенны і дзяржаўны дзеяч; генерал-ад'ютант (1869). Герой абароны Севастопаля. Генерал ад інфантэрыі (1869). Памочнік камандуючага войскамі Віленскай ваеннай акругі (1864–1865), пасля генерал-губернатар і камандуючы войскамі Заходняй Сібіры (1866–1874). Член Дзяржаўнага савета (1875).

[234] Мяркуючы па сцвярджэннях А. М. Масолава, гэтае прызначэнне адбылося не зусім так, як пра яго гаворыць Мураўёў: «...в записках своих покойный граф старается дать понять, что назначение генерала Кауфмана состоялось по его представлению; можно ду-

мать, что в этом отношении он ошибался или заблуждался. Я положительно помню, что Михаил Николаевич никак не ожидал этого назначения, которое в первое время ему было даже почему-то неприятно; но он, скрепя сердце и из необходимости поддержать солидарность свою с генералом Кауфманом и дабы не оттолкнуть его от своей системы, радостно приветствовал его назначение и был до конца постоянным официальным его защитником. Можно полагать, что Д. А. Милютин, в виду возникших затруднений, и старался узнать мнение графа о Кауфмане перед тем, чтобы рекомендовать его государю, и что его величество тоже спрашивал о нем генерала Муравьева, в ответ на его представление о Хрущеве; но Михаил Николаевич не придавал этому особого значения, хотя, конечно, хорошо отозвался о личности Кауфмана на запрос государя» — Мосолов А. Н. Виленские очерки (Муравьевское время): 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 218–219.

[235] Безак Аляксандр Паўлавіч (1800–1868) — расійскі дзяржаўны дзеяч; генерал-ад’ютант; генерал ад артылерыі (1859). Аранбургскі (1860–1865), пасля кіеўскі (1860–1868) генерал-губернатар. Член Дзяржаўнага савета (з 1863).

[236] Мікалай Аляксандравіч (1843–1865) — вялікі князь, цэсарэвіч, старэйшы сын імператара Аляксандра II. П. А. Валуеў запісаў у дзённіку 5 красавіка 1865 г.: «Вечером внезапно получил от кн. Долгорукова извещение, что государь едет завтра за границу вследствие печальных известий, полученных о болезни цесаревича. [...] По-видимому, болезнь в спинном мозгу, уже распространившая свое действие на головной мозг» — Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 32.

[237] 6 красавіка, як адзначае П. А. Валуеў, «продолжительное совещание у государя (который глубоко огорчен, так что больно на него смотреть) с кн. Долгоруковым, военным министром и Потаповым. Призрак единства власти в эполетоносце, поддерживаемый военным министром, еще раз восторжествовал. Потапова не решились назначить ген. — губернатором. Готовы были оставить до времени Муравьева, и я с трудом успел достигнуть того, что бумаги о его увольнении будут посланы к подписи государя за границу. [...] Если

бы поляки знали, как мы их боимся! Если бы Европа знала, как мы неустрашимы на словах и малодушны на деле! Когда Потапов говорил, что край разорен и еще более разоряется, военный министр отозвался, что лучше это, чем дать вновь опериться полякам. Опустошение как принцип управления! Этому примера нет в истории. [...] Я должен был радоваться хотя тому, что сломана татарская виленская гидра» — гл.: Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 33.

[238] «Михаил Николаевич Муравьев и князь Александр Михайлович Горчаков оба сделались любимцами всего русского народа, героями дня. И тот, и другой были осыпаемы бесчисленными телеграммами, адресами, письмами, выражениями благодарности и сочувствия. Ни один официальный обед, ни одно торжество не обходились без горячих речей и тостов в честь их, а простой народ служил за их здоровье молебствия и подносил им иконы» — Милютин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 248–249. Беспрэцэдэнтны выпадак апісвае гісторык С. С. Тацішчаў у сваёй кнізе пра маладыя гады вялікага князя Аляксандра Аляксандравіча — будучага імператара Аляксандра III: падчас наведвання вялікім князем Сімбірска «в присутствии Его Высочества были там получены две ответные телеграммы на посланные симбирским дворянством виленскому генерал-губернатору Муравьеву и издателю «Московских ведомостей» Каткову приветствия с выражением сочувствия к их деятельности. По прочтении обеих телеграмм раздалось громогласное «ура!», разлито шампанское и провозглашены оживленные тосты: за здравие Государя Императора, за Августейшего гостя Цесаревича и за двух доблестных слуг Престола и Родины» — Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: сборник документов. М., 2002. С. 324. Беспрэцэдэнтнасць сітуацыі заключалася ў тым, што двум лідарам антыпольскай кампаніі тосты за здароўе падымаліся ў адным шэрагу з імёнамі імператара і спадчынніка трона. Разам з тым, як справядліва зазначае П. У. Далгарукаў, «возгласы, крики, вопли, адресы в честь Муравьева доказывают мнение лишь части публики, а не всей русской публики» — Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 141.

[239] Рымскі канкардат 22 ліпеня 1847 г. — пагадненне паміж Свяцейшым прастолам Рымска-каталіцкай царквы і Расійскай імперыяй,

якое значна пашырыла права Ватыкана кантраляваць побыт каталіцкай царквы ў Расіі. У прыватнасці, былі дасягнутыя пагадненні па павелічэнні колькасці каталіцкіх епархій, дадзена права пашыраць тэрыторыю ўжо існуючых епархій папскай булай, прызначаць біскупаў і іх суфраганаў (намеснікаў) паводле ўзгаднення з Папам (імператарскі ўказ ужо не мог папярэднічаць гэтаму ўзгадненню, як часта было раней).

[240] Алакуцыя — зварот Папы Рымскага да кардыналаў з прамовай з нагоды якой-небудзь важнай падзеі. 22 ліпеня 1842 г. папа Грыгорый XVI (у свецкім жыцці Барталамеа Альберта Капелары; 1765–1846; Папа Рымскі з 1831 г.) звярнуўся з алакуцыяй з нагоды становішча каталіцкай царквы ў Расійскай імперыі. Ён адмаўляўся зацвярджаць прапанаваныя яму ўрадам Расіі кандыдатуры на пасады біскупаў, бо лічыў іх недастаткова самастойнымі ў адстойванні інтарэсаў царквы. Гэта быў найбольш напружаны момант у адносінах паміж Расіяй і Ватыканам у XIX ст. М. М. Мураўёў лічыў, што падпісанне канкардату 1847 г. пасля такіх жорсткіх заяваў Папы было памылкай.

[241] Пій IX (у мірскім жыцці Джавані Марыя граф Мастай дэ Ферэці) (1792–1878) — Папа Рымскі з 1846 г. Паслядоўна выступаў за існаванне ўніяцкай царквы ў Расійскай імперыі, далучыў да ліку святых Язафата Кунцэвіча.

[242] Высылка расійскіх дыпламатаў з Рыма адбылася пасля таго, як Расія ў аднабаковым парадку адмовілася прызнаваць палажэнне канкардату 1847 г. Фактычна гэта было раўназначна разрыву дыпламатычных адносін і было выклікана непрыняццем імператарскім урадам пазіцыі каталіцкіх іерархаў у адносінах да паўстання 1863–1864 гг., у прыватнасці тым, што архібіскуп Варшаўскі (прымас Царства Польскага) З. Шч. Фялінскі адмовіўся асудзіць паўстанне.

Подпісы да ілюстрацый

1. Граф Міхаіл Мікалаевіч Мураўёў. Адна з найбольш вядомых прыжыццёвых гравюр.
2. Андрэй Мікалаевіч Мураўёў (1806–1874), брат М. М. Мураўёва, рэлігійны пісьменнік, паэт. Партрэт работы П. З. Захарава (1841).
3. Мікалай Мікалаевіч Мураўёў-Карскі (1794–1866), брат М. М. Мураўёва, генерал ад інфантэрыі, удзельнік антынапалеонаўскіх і Крымскай войнаў.
4. Аляксандр II. Фотаздымак 1860-х гг. Імператар сфатаграфаваны ў звыклай вопратцы з любімым сабакам Мілордам.
5. Уладзімір Іванавіч Назімаў, папярэднік М. М. Мураўёва на пасадзе віленскага генерал-губернатара. Каляровая літаграфія работы Ж.-Б.-А. Лафоса з «Віленскага альбома» (1857).
6. Пётр Аляксандравіч Валуеў, міністр унутраных спраў Расійскай імперыі, адзін з найбольш знакамітых апанентаў Мураўёва ва ўрадзе. Фотаздымак з «Альбома фатаграфічных партрэтаў найсвятлейшых асобаў і персонаў, вядомых у Расіі. Люты, 1865».
7. Вялікі князь Канстанцін Мікалаевіч, брат імператара, адзін з ініцыятараў так званых вялікіх рэформаў 1860-х гг., намеснік у Польшчы (1862–1863), адхілены ад пасады пад ціскам М. М. Мураўёва.
8. Вінцэнт Канстанцін Каліноўскі. Фотаздымак з майстэрні Ахілеса Банольдзі (Вільня, 1862).
9. Якуб Вільгельм Гейштар. Фотаздымак дапаўстанцкага перыяду жыцця.
10. Зыгмунт Эразм Гаспар Юзаф Серакоўскі. Малюнак паводле гравюры 1863 г.

11. «Экзекуцыя Крыніцкага на спуску з Варшаўскай фартэцыі, 17 лістапада 1863». Гравюра з французскага выдання «L'Univers Illustré» (№ 292, 17.12.1863, с. 17). Гэтая ж гравюра была апублікаваная таксама ў часопісе «L'Illustration. Journal Universel» з назвай «Расстрэл сябра Нацыянальнага Урада Зыгмунта Падлеўскага ў Плоцку 14 красавіка 1863 года».

12. «Экзекуцыя ў Варшаве». Гравюра з французскага выдання «L'Ouvrier» (№ 354, 08.02.1868, с. 321).

13. Аляксандр Іванавіч Герцэн, пісьменнік і журналіст, адзін з найбольш уплывовых эмігрантаў XIX ст. Настойліва выкрываў М. М. Мураўёва як вешальніка і ката.

14. Мікалай Аляксеевіч Някрасаў, паэт і выдавец, рэдактар часопіса «Современник». Вершы ў гонар Мураўёва не дапамогуць яму выратаваць часопіс. Здымак 1858 альбо 1859 г. фатографаў Рыгора Ажэ і Іосіфа Багдана.

15. Мікалай Васільевіч Шалгуноў, публіцыст і грамадскі дзеяч. Працаваў пад кіраўніцтвам Мураўёва ў Лясным дэпартаменце, пра што ўспамінае ў мемуарах.

16. Князь Пётр Уладзіміравіч Далгарукаў, палітычны эмігрант, гісторык і генеалог. Хутчэй за ўсё, менавіта ён распаўсюдзіў вядомую мянушку Мураўёва — «Вешальнік». Малюнак 1840-х гг.

17. Карыкатура на Мураўёва. Каляровая літаграфія (Аўстрыйская імперыя, 1863).

18. «Помнік Мураўёву на старонках гісторыі». Гравюра з польскамоўнай прэсы перыяду да Першай сусветнай вайны.

19. «Новая Гідра, сучасны Геркулес перад адрастаючай галавой». Карыкатура з нямецкага выдання «Wespen» (1863).

20. «Мураўёва выклікае апладысменты за сваю манеру падымаць ногі, Мураўёў асвістаны за сваю манеру падымаць рукі». Гравюра з французскага выдання «L'Iluustration. Journal Universel» (№ 1078, 24.10.1863, с. 284). Каментар да гравюры: расійская балерына Марфа Мураўёва з поспехам гастралявала ў Парыжы ў 1863 г.

У прыватнасці, яна выступіла ў балетах «Жызэль», які прынес ёй славу, і «Д’ябаліяна», паказанай на гравюры.

21. «Брыгада камандзіра Лямброўскага адбівае гармату ў расійцаў каля Навагрудка». гравюра з французскага выдання «Le Monde Illustré» (№ 358, 20.02.1864, с. 120). Выяўленыя падзеі, найбольш верагодна, былі плёнам мастацкай фантазіі, бо ў Навагрудскім павеце не вядома ні камандзіра з імем ці мянушкай Лямброўскі, ні атрада, які можна было б назваць брыгадай, а таксама ніводнага бою, у якім паўстанцам удалося б захапіць гармату.

22. «Атрад Арбатоўскага перасякае вёску Слюска, дарога на Навагрудак (Мінская губерня)». Гравюра з французскага выдання «Le Monde Illustré» (№ 359, 27.02.1864, с. 133). Пазней гэтая ж гравюра была перадрукаваная ў шведскім выданні «Illusrerad Tidning», у нумары ад 12.03.1864, пад назвай «Сцэна з паўстання ў Польшчы».

23. «Вежн і яго партызанскі атрад злучаюцца з атрадам Лапвінскага, каб дзейнічаць пад яго камандаваннем (Мінская губерня)». Гравюра з французскага выдання «Le Monde Illustré» (№ 364, 02.04.1864, с. 213).

24. «Расійскі генерал Грунт, зняволены Собекам, вызваляецца палякамі (Барысаў)». Гравюра з французскага выдання «Le Monde Illustré» (№ 345, 21.11.1863, с. 324) Крыху пазней гэтая ж гравюра з амаль аналагічным подпісам была апублікаваная ў шведскім выданні «Illusrerad Tidning», у нумары ад 05.12.1863. Выява паказвае рэальную падзею. 23 ліпеня 1863 г. паўстанцкі атрад пад камандаваннем Станіслава Ляскоўскага (Собека) за 15 вёрстаў ад г. Ігумена схапіў на дарозе расійскага генерала Ягора Грунта, які накіроўваўся ў Бабруйскую фартэцыю. У сувязі з тым, што Ляскоўскі і Грунт былі знаёмыя яшчэ да паўстання і апошні, будучы ўжо сталага веку, не браў непасрэднага ўдзелу ў баявых дзеяннях, яго адпусцілі пад абяцанне не ваяваць супраць паўстанцаў.

25. «Выстрал Каракозава». Гэта была адна са спробаў замаху на Аляксандра II, здзейсненая Дзмітрыем Каракозавым. Карціна работы народнага мастака РСФСР Барыса Лебедзева.

26. Дзмітрый Уладзіміравіч Каракозаў, тэрарыст, які зрабіў спробу забіць імператара. Старшынства ў камісіі па справе Каракозава было апошняй дзяржаўнай пасадай М. М. Мураўёва-Віленскага.

27. Восіп Іванавіч Камісараў атрымаў патомнае дваранства і прыдомак «Кастрамскі» за выратаванне жыцця імператара. Быў узнагароджаны ордэнам Святога Уладзіміра IV ступені, французскім ордэнам Ганаровага Легіёна і аўстрыйскім камандорскім крыжом ордэна Франца Іосіфа, а таксама спецыяльна адбітым у адным асобніку залатым медалём «4 красавіка 1866 года» (былі адбітыя таксама бронзавыя медалі). Атрымаў грашовую ўзнагароду ў памеры 3 тысячы рублёў.

28. Адбіты ў гонар В. І. Камісарава настольны медаль (жэтон) «Осип Иванович Комисаров-Костромской. В память чудесного спасения Государя Императора Александра II 4 апреля 1866 г.». Бронза, 13,23 г, дыяметр 30 мм. Аўтар — берлінскі прыдворны медальер Фрыдрых Вільгельм Кульрых (1821–1887).

29–30. Захавалася каля дзесяці вядомых нам здымкаў і паштовак помніка М. М. Мураўёву ў Вільні (скульптар Матвей Чыжоў, архітэктары Іван Трутнеў і Васіль Гразноў). Ён быў пастаўлены 8 лістапада 1898 года на сабраныя добраахвотнікамі грошы. Праект быў узгоднены з імператарам Мікалаем II. У 1915 г., калі нямецкія войскі падступалі да Вільні, быў вывезены ў Расію, далейшы яго лёс невядомы. На фотаздымках відаць, што і ўдзень, і ўночы побач з помнікам знаходзіцца паліцэйскі: улады баяліся правакацый і публічнай ганьбы на адрас нябожчыка з боку мясцовага насельніцтва.

31–32. Заслужаны артыст РСФСР Кандрат Мікалаевіч Якаўлеў (1864–1928) у ролі Мураўёва ў стужцы рэжысёра Уладзіміра Гардзіна «Кастусь Каліноўскі» (1928). Да гэтага сыграў Мураўёва ў фільме рэжысёра Аляксандра Іваноўскага «Палац і крэпасць» (1923).

Змест

Аляксандр Фядута. Profession de foi «чалавека літоўскай бойні» 5

Глава I. УПРАВЛЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ КРАЕМ. 41

Глава II. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ 1863 г. 88

Взгляд правительства на мятеж 1863 г.. 102

Глава III. 1864 и 1865 гг.. 109

Пребывание Государя в Вильне 117

Приезд Потапова в Петербург 133

Совещание у Государя 134

Высочайший рескрипт 136

Каментары 150

Подпісы да ілюстрацый 218

Літаратурна-мастацкае выданне

Мураўёў Міхаіл

НАТАТКІ ПРА КІРАВАННЕ ПАЎНОЧНА-ЗАХОДНІМ КРАЕМ І ПРА ПАДАЎЛЕННЕ Ў ІМ БУНТУ

Адказны за выпуск *М. Шыбко*
Вёрстка *В. Нога*
Карэктар *М. Шавыркіна*

Падпісана ў друк 17.03.2016. Фармат 70×100 1/32. Папера афсетная.
Афсетны друк. Ум. друк. арк. 9,4. Ул.-выд. арк. 11,25. Наклад 300 асобн. Заказ 2578.

Выдавецтва ТАА «Лімарыус». Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі,
выдадзенае Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь 20.03.2014 за № 1/226.
Вул. Геалагічная, 59, к. 4, п. 29, 220138, г. Мінск.

Таварыства з дадатковай адказнасцю «Новапрынт». Пасведчанне аб дзяржаўнай
рэгістрацыі выдаўца, вытворцы і распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 2/54
ад 25.02.2014. Вул. Геалагічная, 59, к. 4, п. 10, 220138, г. Мінск.

Мураўёў , Міхаіл

М91 Нататкі пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра падаўленне ў ім бунту / Міхаіл Мураўёў; прадм., камент. Аляксандр Фядута. — Мінск: Лімарыус, 2016. — 224 с. : іл. — (Беларуская мемуарная бібліятэка).

ISBN 978-985-6968-52-8.

Успаміны вядомага расейскага дзяржаўнага дзеяча XIX стагоддзя Міхаіла Мураўёва (1796–1866) тычацца часоў ягонага генерал-губернатарства ў беларуска-літоўскіх губернях. Упершыню тэксты суправаджаюцца грунтоўнымі каментарамі, якія паказваюць намаляваныя Мураўёвым падзеі ў кантэксце гістарычных дакументаў і сведчанняў ягоных сучаснікаў. Гэта дазваляе чытачу самому зрабіць высновы пра тое, наколькі шчыры быў мемуарыст і ці адпавядала напісанае ім рэчаіснасці.

УДК 94(476)(093)
ББК 63.3(4Беи)